Дис Кейн

Повелитель удачи

Дис Кейн
Повелитель удачи

https://litres.ru/74626519
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга состоит из двух частей, которым предшествует статья о литературе — она поможет глубже понять историю, но может быть полезна и сама по себе.

В первой части в небольшой провинциальный городок попадает человек, наделённый невероятной удачей. Он не осознаёт своего дара и не желает никому вреда. Однако его появление не проходит незамеченным. Некоторые жители не готовы к тому, что рядом оказался кто-то с такой способностью, и их действия — продиктованные жадностью, страхом или амбициями — кардинально меняют жизнь всего города.

Во второй части в городе зарождается культ. Люди, желающие получить дар удачи, стекаются на собрания, и каждый приходит по своим причинам. Ситуация быстро выходит из-под контроля. Мэр оказывается бессилен что-либо предпринять, а местная гильдия магов лишь наблюдает за происходящим, считая его отличным экспериментом.

Содержание

Статья о литературе или "что хотел сказать автор"	5
Часть 1 "В тихом городе..." Глава 1	44
Глава 2	59
Глава 3	70
Глава 4	83
Глава 5	101
Глава 6	111
Глава 7	120
Глава 8	128
Глава 9	138
Глава 10	150
Глава 11	161
Глава 12	172
Глава 13	179
Глава 14	191
Глава 15	208
Глава 16	216
Глава 17	225
Глава 18	237
Глава 19	248
Глава 20	260
Глава 21	278

Глава 22 295
Глава 23 312
Глава 24 325
Глава 25 341
Часть 2 "Культ двоеточия" Глава 26 362
Глава 27 372
Глава 28 382
Глава 29 394
Глава 30 411
Глава 31 428
Глава 32 438
Глава 33 452
Глава 34 466
Конец ознакомительного фрагмента. 467

Дис Кейн
Повелитель удачи

Статья о литературе или "что хотел сказать автор"

Зачем читать художественную литературу

Возможно, вы задаётесь вопросом: зачем вообще читать художественную литературу? И я рад, что вы задаётесь этим вопросом, ведь у каждого действия должна быть причина.

Вам интересно, стоит ли тратить на книги своё время, и я написал данное предисловие, чтобы ответить на этот вопрос. Однако я не собираюсь нахваливать художественную литературу как таковую. Вместо этого я хочу поговорить о том, зачем люди вообще читают книги. Готов поспорить, вы не часто видели рассуждения на такую тему. А знаете почему? Думаю, потому что большинство авторов, которые попытаются объяснить, зачем кому-то читать их книгу, быстро упрутся в очень неудобные для себя вопросы, на которые им не захочется отвечать.

Представьте стандартный диалог. Автор говорит: «Я придумал персонажей, которым легко сопереживать». Читатель отвечает: «Зачем мне сопереживать выдумке? В этом нет ни-

какого смысла». Что, если читатель не склонен сопереживать выдуманным людям, неужели ему закрыт путь в художественную литературу? А если он сопереживает, неужели он читает книги лишь для того, чтобы узнать, всё ли хорошо закончится для героя? При том, что автор без проблем может организовать для своих персонажей любой исход, какой захочет.

Автор хвастается: «Я придумал непредсказуемый сюжет!» На что читатель может ответить: «А что, если я его и не пытался предсказывать? Я совершенно не думаю о том, что там дальше. Раз у меня нет предположений, то и удивить меня невозможно».

Подобный диалог может продолжаться долго, но его суть сводится к одному: многие книги работают только в том случае, если читатель действует не совсем логично. Если он добровольно принимает «правила игры» современной литературы. Вот тебе жанр, например, триллер. Значит, ты, читатель, будь добр: пугайся, когда тебя пугают. Вот комедия — смейся, когда тебя смешат. Вот история о далёком будущем — сделай вид, что она действительно имеет отношение к будущему, которого мы в любом случае не застанем. От читателя постоянно требуется отказаться от повседневной логики и принять логику книжную.

Поэтому многие люди сейчас не читают книг: они просто не хотят отказываться от своего здравого смысла ради иллюзий. И даже если они его отключат, что они получат? Раз-

влечение, и не более того. Узнают, что где-то якобы есть магическая школа, в которую можно попасть, разбежавшись в стену. Это развлечение. А точнее — отвлечение читателя от его дел и проблем.

Но что, если читатель не хочет использовать книгу как способ забыть о проблемах? Ведь это совершенно логично: о проблемах не нужно забывать, их нужно решать. Если всё время глушить их книгами, читатель создаст себе альтернативный мир, в который ему придётся убегать снова и снова. Причём совсем не обязательно это будут книги: куда проще убегать от реальности, листая соцсети или смотря видео на YouTube.

Однако нам с детства твердят, что чтение полезно. Неужели это маркетинговый ход, или художественная литература всё-таки может приносить пользу? Если так, то книги делятся на два типа: одни отвлекают читателя от его проблем, а другие помогают их решить.

Было бы замечательно, если бы автор не просто развлекал, но и предлагал варианты решения проблем, или хотя бы помогал их обнаружить. Но как это возможно? Как автор может узнать о проблемах читателя, если он его в глаза не видел? К тому же, автор не психолог. Он же не собирается вставлять в роман инструкцию по починке автомобиля или пособие по выживанию в лесу без ножа и спичек. Бывают, конечно, и такие попытки сделать книгу «полезной», но каков шанс, что читателю это пригодится? А если он собрался в лес, не про-

ще ли ему взять нормальное пособие, где эта тема объяснена куда лучше, чем в художественном вымысле?

Однако способ сделать текст полезным всё же есть. И это не какой-то новый приём, а наоборот, весьма старый. Его практиковала ещё русская классическая литература (и он практикуется современными авторами по всему миру, но таких авторов, увы, немного).

Два стиля литературы

В противоположность русской классике я поставлю всю остальную литературу и назову её «западным стилем». Этот стиль почти полностью построен на отвлечении читателя от проблем. И что занятно: как только в «западный» текст попадает хотя бы крупица «русского классического» стиля, ориентированного на выявление и решение проблем читателя, этот текст сразу же признают бессмертной классикой.

Что же такое «русский классический» стиль и «западный» стиль в моём понимании? Произведение точно не попадает в какую-то из этих категорий автоматически по месту жительства написавшего его автора, увы, чтобы понять, к какому стилю относится текст, его всё же придётся прочесть. Текст, написанный жителем запада, может вполне быть написан в русском классическом стиле, как, например, рассказ Анри Труайя «Зелёный блокнот» (да и все его рассказы, которые я читал). А какое-то произведение русского классика вполне можно отнести к «западному стилю». Названия такие я выбрал потому, что многие, но не все произведения, написан-

ные русскими классиками, относятся к условному «русскому классическому» стилю, а большинство известных западных произведений относятся к другому стилю, его я назвал «западным».

Добавлю также, что эти стили не привязаны к какому-то одному формату. Им не обязательно проявляться в книгах — они видны и в фильмах, и в сериалах, и в комиксах, и в видеоиграх, даже в песнях. История о человеке в любом случае будет либо про долгосрочные отношения, либо про разовое действие. Формат — лишь оболочка, суть остаётся прежней.

Особенности западного стиля

Краткий ответ: «Западный стиль» — это про эффективность предметов и информации и про разовое действие, которое позволяет персонажам жить долго и счастливо, ака победа над антагонистом. Победил неприятеля, выявил убийцу — всё, молодец, проблем более у тебя нет до конца жизни, таков посыл западного стиля.

Западный стиль можно назвать разговором об объективной эффективности вещей и персонажей, то есть о такой эффективности, с которой все согласны. Все в «Острове сокровищ» согласны с тем, что золото ценно и его нужно преследовать, никто не сказал: «Ну его, это золото, обойдусь и без него». Такой западный читатель, натренированный историями про эффективность разового действия, не понял бы. Во главе угла этого стиля — поиск объективной выгоды и уни-

чтожение объективных проблем.

Большинство историй, которые мы привыкли читать, строятся вокруг главного антагониста. Герой знает, куда идти и с кем сражаться. Если путь долог, перед нами история о дороге, вероятно, приключения. Если врага нужно вычислить, мы получаем детектив. Победа над таким врагом обычно решает все проблемы разом.

Мы уже разобрали, как «западный стиль» построен на отвлечении. Если нужны примеры, возьмём истории о Шерлоке Холмсе. Я сомневаюсь, что хоть один человек, прочитав их, сам стал великим сыщиком и обучился той дедукции, которую показывает Холмс. Это всё-таки развлекающая литература. Однако в ней был полезный для того времени посыл: полиции не следует целиком полагаться на репутацию и внешний вид граждан, нужно работать с фактами.

Замечательно, но сегодня это уже всем известно. Западный стиль обожает темы предательства, лжи, раскрытия интриг, потому что можно бесконечно говорить об эффективности выдуманных предметов. Вы думали, что какое-то пятно грязи ничем не примечательно? А вот и нет, оно помогает раскрыть убийство. Это выдуманное пятно и выдуманное убийство, читатель не может сделать для себя полезных выводов о своих социальных связях, но это неважно, ведь читателя удалось удивить на две секунды.

Чтобы получить новую историю в этом стиле, достаточно подставить новые вещи — или назначить нового антаго-

ниста. В том, чтобы назначить персонажа злодеем, нет ничего сложного. «Вот ты теперь злодей, вы с главным героем друг друга не любите. Поначалу ты сильный или умеешь скрываться, а в конце герой соберёт достаточно эффективных предметов, навыков, союзников, преодолеет расстояние, которое вас разделяет, или соберёт достаточно информации, чтобы тебя раскрыть, — и победит». Как видите, в такой формуле нет ничего сложного, она идеально подходит для конвейерного письма. Антагонист здесь — не живой человек с мотивацией, а стена, которую главному герою нужно один раз преодолеть, собрав полезные вещи, навыки или друзей с полезными вещами и навыками. При таком подходе не нужно придумывать сложные трения в идеологиях, нужно просто подставлять в формулу разные вещи. Вещевой сторителлинг.

Иногда персонаж ещё и избавляется от вредных привычек — перестаёт пить, употреблять наркотики. Кстати, такое не раз случалось с персонажами Стивена Кинга и вполне серьёзно выдаётся за рост героя. Об этом мы поговорим подробнее чуть ниже.

В некоторых случаях авторы западного стиля начинают писать про выдающиеся навыки и способности своих персонажей. С помощью этих навыков персонажи могут особенно эффективно обращаться с обычными вещами или же со своим телом. Так мы получаем невероятных фехтовальщиков, боксёров, людей, под управлением которых машины забыва-

ют законы физики, и уже упомянутых супергероев, которые забывают про физику сами. Магия тоже относится к вещевому сторителлингу, ведь она, как правило, позволяет с помощью вещей эффективно управлять другими вещами, причём эффективность эта строго выдуманная. За всем этим, порой весьма занятно наблюдать, но всё же ничего из этого не приводит к развитию читателя, а лишь к его развлечению. И развлечение это быстро приедается — не существует ни одного франчайза в Голливуде, который бы не надоел рано или поздно зрителю. При этом франчайз, как «Гарри Поттер», или «Звёздные Войны», или Вселенная Марвел — это, по сути, набор этих самых эффективных вещей и навыков, которые зрителю показывают снова и снова, в разных новых комбинациях и под разными новыми углами, пока тому не надоест.

Особенности русского классического стиля

«Русский классический» стиль — про субъективные ценности, про неверные оценки при заключении отношений и про сами эти отношения — удачно заключённые отношения, а не разовое действие обеспечивают долговременное счастье.

Западный стиль говорит об объективной эффективности: золото ценно, все согласны. Русский классический стиль же про субъективные ценности — в нём золото запросто может быть не самым ценным для какого-то из персонажей, ценнее может оказаться идея, вера, принципы, дружба или ещё

что-то. В этом стиле показаны проблемы отношений, когда субъективные оценки персонажей не были выяснены вовремя, что привело к проблемам.

Потому в русском классическом стиле никогда нет антагониста, он там попросту не нужен, он не раскрывает идею удачно или неудачно заключённых отношений. Кто главный антагонист в «Войне и мире»? Может, кто-то скажет «Наполеон» — и кто же из трёх основных персонажей набил ему рожу? Может, Болконский, Безухов или Наташа Ростова? Никто из этих персонажей не сыграл значимой роли в победе над Наполеоном. Кто главный антагонист в «Преступлении и наказании»? Сыщик, который делает свою работу?

Пытливый читатель может спросить, в чём же тогда цель и задача персонажей? А задача у них ровно та же, что и у любого из нас. Создать эффективные отношения, избавиться от неэффективных, чтобы дожить до старости в максимальном комфорте и душевном спокойствии. Чтобы ощутить полноту жизни и понять, что ничего важного не было упущено.

Но можно сказать и точнее. Цель персонажа — создать стабильные работающие отношения или понять, что это для него невозможно, и полностью отказаться от таких попыток. Как только этот момент наступает, история завершается. И персонажи либо живут долго и счастливо, либо нет. Всё зависит от их умения заключать удачные отношения, способные защитить их от безликой проблемы.

Но не отсутствие антагониста главное в русском класси-

ческом стиле, а фокус на реальной жизни читателя. Читатель так или иначе общается с другими людьми, он не встречает предателей, не расследует убийства, не плавает на острова за сокровищами и не ездит за подвесками в другую страну. И именно про ошибки в общении с другими людьми, не про обман, а именно про ошибки и пишет русская классика.

Так же в русском классическом стиле не рассматриваются проблемы предательства или лжи, потому что, что тут рассматривать? Все и так знают, что есть ложь, предательство, преступления. Художественная литература неспособна выявлять обманщиков, и русские классики этим никогда не занимались. Если вы считаете, что вас обманут, заключение контракта — лучшая защита. Всякие виды обмана и распутывание интриг — это как раз любимая тема «западной» литературы. Но, как я уже говорил, когда речь заходит об обмане, литература переходит из разряда поучительной в развлекательную. Книга не может научить распознавать лжецов, но с удовольствием притворяется, что может (так и выходят многочисленные истории про великих сыщиков с трубками и усами).

При таком подходе некий главный антагонист-злодей вовсе не нужен. Нужны сильные внешние обстоятельства, которые накажут персонажа за неверный выбор или отступят в случае верного. А польза для читателя будет как раз в том, что автор рассмотрит разные принципы выбора, разные приоритеты, и то, как один человек может неожиданно повлиять

на другого — причём без всякого злого умысла или обмана.

Дрессированный читатель

Читали «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова? Там есть замечательное наблюдение — у американцев предложение формирует спрос, а не наоборот. Если кто-то научился задёшево производить жевательную резинку, он заставит всех её жевать, искусственно создаст спрос.

Западный стиль — это стиль конвейера. В нём постоянно муссируются идеи эффективности вещей: та вещь неожиданно эффективна, а та неожиданно неэффективна. Просто подставляй разные вещи и будешь получать разные произведения. Персонажу нужно найти достаточно эффективных вещей, чтобы победить или вычислить антагониста, а уж победив злодея в драке или раскрыв личность убийцы, герой будет жить долго и счастливо. Закончились идеи, что ещё можно показать эффективным или неэффективным — не беда, на помощь придёт фантастика. И тут начинается вся эта супергероика — граждане в костюмах с суперсилами, с полезными поясами. Спайдермен, Мстители, Звёздные Войны, Гарри Поттер — это всё про то, что бесполезные вещи становятся полезными (пауки укусом дают сверхсилы, непробиваемые щиты, сыворотки суперсолдата, лазерные мечи и некая сила из воздуха, волшебные палочки и т.д.). Типичный западный стиль — покажи бесполезное как полезное.

Людей десятилетиями тренируют подобным стилем истории. Хотя, если задуматься, всё это выдумка, не имеющая

отношения к тому, что происходит с читателем или зрителем. Но люди натренированы западными клише и задумываться они не собираются.

Русский классический стиль же теперь подавлен этой самой дрессировкой читателя и зрителя. Где в «Войне и мире» супергерои? Почему в рассказе «Дом с мезонином» все просто стоят и разговаривают? Люди не понимают, за чем следить, и им скучно. Они считают, что ничего не происходит.

За чем следить в русском стиле

За чем следить в «русском стиле», если не за эффективностью вещей и не за обманом?

В основе стиля — проблемы создания отношений. А точнее, персонаж видит в другом персонаже какие-то качества и на основе этой информации решает, какие отношения с ним создавать. Однако к увиденным качествам добавляются новые, не замеченные ранее, и это ставит ситуацию с ног на голову. По сути, это всё формула, однако позволяет создавать крайне разнообразные произведения. Тут важна не сама формула, а аргументация: что было замечено, что не было, почему, почему незамеченное всё переворачивает?

И вот что важно понять: в русской классике именно верный или неверный выбор отношений — это единственное, что по-настоящему меняет ситуацию, причём меняет быстро и кардинально. Отношения созданы или разорваны — и вскоре читатель видит сильный положительный или отрицательный эффект. Ничто другое, кроме выбора отношений

(который происходит в диалогах или размышлениях), по сути историю и не двигает. История в русском классическом стиле не продвинется из-за драки, погони или другого действия, которое проверяет эффективность чего-либо. Более того, автор в русском стиле обычно очень вольно манипулирует физическими объектами вокруг персонажей с единственной целью — чтобы история пришла к такому состоянию, в котором отношения решают всё.

Например, в «Преступлении и наказании» во время собственно преступления и после него происходит огромное количество разных случайностей, которые не позволяют Раскольникову или следователю победить только за счёт предметов, то есть улик. Когда у следователя нет зацепок, Раскольников удачно падает в обморок и оставляет кое-где косвенные улики. Когда Раскольникова прижали к стенке, случай приходит ему на помощь и позволяет спастись. В итоге размышлять, у кого больше улик и кто на чём физически провалился (как это постоянно происходит в западных детективах), в русском классическом стиле нет никакого смысла. Автор ставит перед собой задачу привести историю к такой форме, чтобы всё решали идеи и отношения, а не улики или кулаки. И мир истории будет манипулироваться автором для этого весьма свободно. И таким образом история о Раскольникове переходит от вопроса «у кого улик больше» к вопросам отношений Раскольникова с обществом, с совестью и со всеми близкими.

Сейчас мы поговорим о ситуации, когда никто из участников не собирается обманывать другого. Именно здесь разность в ценностях и идеологиях, которая вскрылась не сразу, может создать людям огромные проблемы. И именно об этом писали русские классики.

Мало того, что у людей есть принципиально разные приоритеты в жизни (само по себе это не беда). Проблема наступает, когда люди с разными приоритетами вступают в отношения и узнают правду слишком поздно, когда эффект от этого союза отменить уже невозможно. Или наоборот: есть два человека с одинаковыми приоритетами, но один из них ошибочно думает, что они разные, и разрушает отношения. А потом выясняется, что приоритеты были одинаковыми, но «поезд ушёл». При этом довольно часто за плечами персонажей стоят целые идеологии и системы ценностей, которые определяют то, как они оценивают других и что выбирают для себя.

Давайте разберём несколько примеров.

Тот самый «Дом с мезонином». Если коротко — некий небогатый художник хорошо устроился и живёт в поместье с двумя сёстрами и их матерью. Младшая сестра ему нравится, а он нравится ей, есть хорошая перспектива жениться на ней и получить всё, что только возможно: и деньги, и любовь, и уважение.

Есть старшая сестра, с которой художник решает спорить на разные темы. Он считает эти споры весьма безобидными

и часто в них увлекается, забывая обо всём на свете. Предмет спора крайне чувствителен для старшей сестры, однажды эти споры её достают, и она убеждает мать и младшую сестру уехать от художника куда подальше, таким образом, он всё теряет. Вот и весь рассказ, мораль вполне ясна и жизненна — не надо во время спора забывать всё на свете. И вовсе не скучно, если понимать суть и не искать каких-то антагонистов и не высчитывать эффективность каких-то выдуманных предметов.

Ещё одно — «Муму». Когда я читал этот текст в школе, думал, что это о том, что не нужно топить собак в речках. Очевидно, произведение куда глубже, кстати, собака там вообще не появляется первую половину текста. Эту первую часть и разберём, как наиболее «скучную».

Произведение опять же про проблемы выстраивания отношений. Герасим — трудолюбивый работник, однако он глух и нем, что сразу негативно располагает к нему всех вокруг (проблема неверной оценки). Он пытается проявить внимание к местной работнице Татьяне, но та его боится. Барыня же выдаёт Татьяну за пьяницу сапожника, чтобы отучить его от алкоголя, но из этого ничего не выходит, и их отправляют в деревню.

Здесь Татьяна совершает две ошибки в отношениях: неверно оценивает Герасима, считая, что он создаст ей проблемы, что вряд ли бы произошло. Вторая ошибка — она не возразила барыне, когда та решила выдать её за пьяницу

сапожника, проявила излишнюю сговорчивость, что как раз создало ей много проблем.

Барыня ошиблась в том, что, выдав девицу за пьяницу, отучит того пить. Оказалось, что это так не работает, в итоге она потеряла и сапожника, и прачку.

В итоге мы видим, как три ошибки в отношениях привели к неутешительному итогу. И подобные ошибки люди совершают в отношениях и по сей день, а вот волшебных палочек и радиоактивных полезных пауков пока не видано. На этом я пока закончу с разборами.

Заученные правила и их побочные эффекты

При этом речь идёт не об абстрактных философских принципах, а о тех готовых, распространённых идеях, которые люди используют в повседневной жизни, даже не задумываясь. Мы все в той или иной степени опираемся на заученные правила: с кем стоит строить отношения, а с кем — нет; как правильно их организовывать, чтобы они были стабильными и приносили пользу; когда пора разорвать связь, а когда — сохранить. Эти идеи могут быть настолько привычными, что кажутся очевидными и универсальными.

Но именно в этой привычности кроется подвох. Любая, даже самая удачная и проверенная идея хороша лишь до тех пор, пока не встречается с ситуацией, для которой она не предназначена. И вот тогда правило, которое раньше помогало, начинает работать против человека — приводит к неожиданным, иногда разрушительным последствиям. Автор, раз-

бирая такие побочные эффекты самых ходовых представлений о выборе и построении отношений, может сказать читателю нечто действительно важное: это касается его жизни напрямую, потому что он сам или его близкие наверняка пользовались этими идеями, но при этом даёт новый взгляд на то, что казалось само собой разумеющимся. И для этого автору не нужно знать читателя лично — достаточно знать те всеобщие заблуждения, которые живут в головах у многих.

«Все просто о чем-то говорят» или проблемы литературного анализа

Много раз я слышал такую фразу от людей, когда они комментировали самые разные произведения. «Там просто все о чем-то говорят» — и каждый раз хочется спросить: «А о чём, собственно, говорили?» В «Двенадцати разгневанных мужчинах» тоже все о чем-то говорят, и это буквально 100% произведения, более того, там ещё и разговор происходит в одной комнате.

Моя задача в этой статье — дать читателю простой инструмент для анализа художественных текстов, чтобы читатель перестал считать классическую русскую литературу скучной и непонятной. А если читателю и так нравится Толстой и Достоевский, возможно, после этой статьи он заметит в их произведениях то, что пропустил ранее.

Ключевое слово тут «простой». Инструмент должен быть именно простым, потому что сложно держать в голове комплексную литературную теорию и при этом следить за сюже-

том.

Сейчас мы разберёмся, как анализировать диалоги и отделять те из них, в которых персонажи действительно просто «что-то говорят», от диалогов, которые составляют отличную историю. Разница между первыми и вторыми видами диалогов очень проста: диалог из отличной истории меняет статус-кво, продвигает сюжет.

Такую ситуацию можно как раз часто встретить в русской классической литературе: персонажи поговорили и сразу после окончания их диалога происходит эффективное действие, которое меняет ситуацию.

Назовём это эффективным диалогом. При этом не так важно, о чём был сам диалог, важно, что он спровоцировал изменение ситуации.

Например, в рассказе Чехова «Сирена» происходит следующее: некий судья садится в кабинете, чтобы писать важную бумагу, там же находится его приятель секретарь, и он начинает описывать различные кушанья и то, как по его мнению должен выглядеть идеальный обед. Почти весь рассказ состоит из описаний всяких осетров и уток. При этом у судьи проблемы с желудком, и ему все эти кушанья противопоказаны. Но после длительных и красочных описаний блюд судья бросает свою важную бумагу недописанной, забывает про болезнь желудка и с приятелем отправляется в ресторан. Почему диалог эффективен? Потому что он изменил ситуацию: судья собирался делать одно, а в итоге всё бросил и

пошёл делать совершенно другое. И мы из описания знаем, что после сытного обеда его ждут проблемы и по работе, и по здоровью.

Диалог может быть эффективным и кардинально менять ситуацию.

А действие при этом может быть неэффективным. Например, представим некий мир в духе Fallout: кругом разруха, радиация, мутанты, идёт человек, никого не трогает и встречает волка-мутанта, у них завязывается драка, где в ход идёт огнестрел, холодное оружие и приёмы кунг-фу. Волк повержен, и человек идёт дальше. Ситуация ничуть не поменялась, хотя вот он экшен, который длился три страницы. Это пример неэффективного действия, которое не изменило статус-кво.

Так вот, разве не очевидно, что эффективный диалог куда интереснее неэффективного действия? Просто смотрите: поменял ли диалог ситуацию или всё осталось, как прежде. А если поменял — почему это произошло, что нового о персонажах удалось узнать. Уверен, многие диалоги в классических русских произведениях без труда покажут, что они эффективны в изменении сюжета.

Рост персонажа против роста читателя

Представьте себе две ситуации. Первая: герой истории не узнал ничего нового, но нечто новое и полезное узнал читатель. Вторая: герой истории узнал что-то новое и полезное для себя, при этом читатель не узнал ничего нового. Какая

из этих ситуаций лучше и желательнее?

Уверен, кое-кого этот вопрос заставит задуматься, ведь западный стиль давно дрессирует и читателя, и автора идеей о том, что развитие персонажа — это благо и делает историю лучше, а отсутствие развития делает историю хуже. «Автор не дожал, не доработал, а то и вовсе не знает, что персонажи могут развиваться». Однако же, кто читает книгу — реальный человек или персонаж книги? Кто за эту книгу платит? Очевидно, всегда важнее, чтобы новую информацию получил читатель, чтобы читатель, так сказать, развился, а развитие персонажа — дело десятое. Персонаж книгу о себе не покупал.

И поэтому ситуация, когда читатель узнал что-то новое, а персонаж — нет, лучше той, когда персонаж номинально развился, а читатель нового из книги не вынес. Это важно обозначить для последующих рассуждений: важно развитие читателя, а не персонажа.

Отсюда может возникнуть два вопроса: как же так вышло, что один развивается, а другой нет, и почему так важно говорить об этой ситуации, разве она не исключение? Так вот, ситуация эта скорее правило, чем исключение. Пока же главное понять, что опыт читателя и персонажа могут не совпадать и развитие читателя важнее.

Рост персонажа в западном стиле

Рассмотрим сперва наш любимый западный стиль. Так как история сфокусирована на одном действии — победить

негодяя или вывести его на чистую воду, — то и рост персонажа очевидным образом связан с этим разовым действием. Персонаж «растёт» таким образом, чтобы победить негодяя эффективнее. И тут вариантов в плане изменения менталитета не так много.

Он может принять на уровне сознания некую силу, чтобы ей воспользоваться. Мысль здравая, но для читателя разве это такая уж распространённая ситуация, когда у него есть какие-то силы, а он боится их использовать? Сомневаюсь.

Он может перестать бояться негодяя или сопротивляться страху всю историю. Не бояться грядущего дела — мысль весьма здравая, и ситуацию можно для читателя назвать распространённой. Однако и тема преодоления страха заезжена в западном стиле до предела. Целый жанр ужасов строится на этой мысли: вон, страшное привидение, или заводная обезьяна, или разделанный грузовик — оно страшное, но ты его не бойся, и в итоге преуспеешь. А испугаешься — и проиграешь. Идея полезная, но крайне заезженная.

Так же за рост персонажа в западном стиле выдают избавление от вредных привычек: герой пил, потом протрезвел и победил. Это опять же идея весьма очевидная и известная всем — совсем не обязательно читать целый роман, чтобы понять, что вредные привычки… вредные.

В любом случае, когда вся история сводится к разовому действию, аналогов которого нет в жизни читателя, то и рост персонажа сводится к подготовке к этому действию и для чи-

тателя бесполезен. Однако западный стиль дрессирует читателя, говоря: «Вот, рост у персонажа номинально есть, так что не жалуйся, что ты это уже видел, а покупай следующую часть».

И вот тут стоит остановиться и задать вопрос, который мне постоянно хочется задать западным обзорщикам на ютубе. Они часто сетуют на то, что персонаж «не развился», «остался таким, как был», и что это делает произведение объективно хуже. А я хочу спросить — а тебе какое развитие от него нужно, чтобы он стрелял точнее, бил сильнее, бегал быстрее, собирал улики, разглядывая их через лупу с увеличением не x2, а x3?

Ведь в западном стиле история сводится к разовому действию, где персонаж демонстрирует, что у него достаточно вещей или навыков, чтобы победить в финальном противостоянии. О каком глубоком развитии тут вообще может идти речь? Единственное развитие, которое тут возможно (и довольно частое), заключается в том, что персонаж понимает: полезное оказалось бесполезным, а «бесполезные» вещи внезапно помогли.

Возьмём известный франчайз «Звёздные войны», эпизод 4, который признан чуть ли не всеми одним из лучших в серии. В конце четвёртой части главный герой летает на маленьком космическом корабле и пытается разрушить большой космический корабль. Но у него отказывает электроника, тогда он обращается к «силе», которая помогает ему

навести ракеты. Большой космический корабль взрывается, победа! В чём развитие персонажа? Он думал, что электроника — это то, что ему поможет, но она оказалась бесполезной, и ему помогла «сила», о которой он подзабыл в тот момент, считая её неважной в космических боях. Вот и всё развитие. А «злые антагонисты» выяснили, что напрасно полагались на свой большой космический корабль.

Новое понимание того, какие вещи полезны, а какие бесполезны — это максимум значимого развития, которое может получить персонаж в истории западного стиля. Так же иногда некоторые второстепенные персонажи (их навыки управления вещами) оказываются более полезными или менее полезными. Нет никакого смысла искать в персонаже какого-то глубокого развития, если вся его задача — нажать на кнопку и запустить ракету для победы.

Рост персонажа в русском классическом стиле

В русской классике мы часто видим сюжеты, где для персонажа всё закончилось не слишком хорошо. Вот, Обломов ничему не научился за всю историю. Рост персонажа — нулевой. Однако на примерах таких персонажей легко может научиться читатель, потому что персонаж, если и встретил некий неудачный для себя конец, то не просто так, не потому, что автор решил сделать трагичную историю, а потому, что ошибся в выборе отношений. И эта ошибка, как правило, видна достаточно явно.

Из-за того, что читатель строит или поддерживает отно-

шения почти каждый день (я надеюсь, вы с другими людьми разговариваете), выводы, сделанные из истории, вполне могут пригодиться рано или поздно. При этом ошибки в отношениях бесконечны в своём разнообразии, их можно условно поделить на категории, но это их разнообразия не уменьшит. Очевидно, что Обломов просто поленился пойти к девице, которой нравился он и которая нравилась ему. При этом приводил различные доводы, почему ему именно сегодня не стоит делать того или этого. Разве мы все не поступаем так от случая к случаю? Я вот взял и не поленился написать это предисловие и последующую книгу, а вы не поленились дочитать до сюда. Мы сделали выводы из истории об Обломове.

Но если говорить точнее, то для заключения эффективных отношений персонажу в русском классическом стиле нужны две способности. И авторы этого стиля — включая Чехова, Толстого и Достоевского — как правило сосредотачиваются на том, что у персонажа есть одна из этих способностей и отсутствует вторая. Так мы можем понять, какая из способностей (точнее, её отсутствие) мешает персонажу заключить эффективные отношения, и возможное получение какой способности будет для него ростом. Если у персонажа не будет обеих способностей, то не будет понятно, что именно навредило его отношениям. Если будут обе, тогда и отношения он каждый раз будет выстраивать эффективно.

Итак, способность первая — знать, что ему на самом де-

ле нужно. Как ни странно, идея о том, что персонаж хочет не того, что сделает его счастливым (того, что ему нужно), встречается и в западных обзорах. Однако эту способность в западном стиле ещё нужно как-то притянуть к тому финальному бою, которым всё закончится. В русском классическом стиле ничего притягивать не нужно, ведь нет никакого финального противостояния. Если персонаж знает, что ему нужно, он ищет тех людей, которые могут ему это дать. Если он ошибается в понимании того, что ему нужно, он может найти человека, который даст ему желаемое, но счастье это персонажу не принесёт.

Типичный пример персонажа, который ошибался в том, что ему нужно, — это Пьер Безухов (и на самом деле многие персонажи «Войны и мира»). Вся его суть в том, что он вообще не знает, что ему нужно, и просто повторяет за людьми, которые, кажется, нашли своё признание. Так он пьёт с гусарами и почти вываливается из окна, повторяя бессмысленную и опасную демонстрацию смелости. Он вступает к масонам, видя, что те, кажется, нашли цель в жизни. А затем решает повторить за каким-то мальчишкой, о котором прочитал в газете, покушение на Наполеона. Ни одно из этого не принесло ему удовлетворения, а само покушение сорвалось не из-за механических проблем (не потому, что Пьера вычислили, схватили или пистолет не выстрелил), а из-за того, что Пьер начал понимать, что ему нужно на самом деле — важность сохранения человеческой жизни. В плену он

понял эту идею окончательно. Он понял, что нужно ценить не сиюминутную радость от успеха в сомнительном деле, а саму жизнь и стабильное домашнее хозяйство.

Схожая арка есть и у Наташи Ростовой, которая тоже понимает, что стабильное домашнее хозяйство важнее, чем развлечения.

Второй же навык, который нужен для создания долгосрочных и эффективных отношений, — это умение понимать и плюсы, и минусы партнёра по отношениям. Видеть не только его плюсы и не только его минусы, но понимать человека всесторонне и верно. Ведь если не увидеть минусов, они выплывут, когда отношения заключены, и это может испортить эти самые отношения на всю оставшуюся жизнь. А если не увидеть плюсов, можно разорвать или не заключить нужные отношения, что также создаст весьма длительные и крупные проблемы.

Например, Андрей Болконский, когда узнал об «измене» Наташи Ростовой, тут же решил разорвать с ней все отношения. Он не увидел её положительных качеств в тот момент, а увидел их лишь когда был ранен и она о нём заботилась. Тогда он пожалел о своём раннем решении.

Итого в русском классическом стиле у персонажа есть два навыка для развития — понимание важности какого-то аспекта жизни, который он считал неважным, и понимание того, что оценка партнёра по отношениям не должна быть однобокой, а включать и плюсы, и минусы.

Какие ещё выводы можно сделать из произведений, написанных в русском классическом стиле?

Возьмём Чичикова из «Мёртвых душ». Уверен, многим это произведение понравилось из-за харизматичных персонажей, которых встречал главный герой. А вот читателю, надрессированному западным стилем, это произведение наверняка бы не понравилось. Западный стиль нацелен на одно финальное действие, и тут оно чётко обозначено: Чичиков решил провернуть махинацию и получить с государства деньги за собранные «мёртвые души». Однако в концовке произведения мы так и не узнаём, получилось у него это провернуть или нет. Читатель, знающий только язык западного стиля, тут будет крайне разочарован, ведь время он потратил, а итог так и не узнал — даже намёка на успех этого предприятия нет.

Однако с точки зрения русского классического стиля произведение полностью закончено, продолжение у него может быть, но оно завершено идейно и в текущем виде. Что же там произошло с Чичиковым и какие идеи может получить читатель? Кажется, не многие обратили внимание на то, что Чичиков искал деньги не для себя, а для своих будущих детей.

Дословно Н. В. Гоголь, «Мёртвые души» (глава 11): «...но он всё это умел перенести, и переносил, и, наконец, — терпел, терпел, переносил всё, и всё это делалось для того, чтобы впоследствии, когда наступит время, вдруг сделаться человеком достаточным и завести, наконец, дом, детей и про-

чее, — словом, всё то, что составляет отраду жизни».

И в той же главе: «...жизнь его была такова, что он уже чувствовал наслажденье впереди, в будущем добре, которое готовилось ему и его потомству».

Вот его мотивация — он хочет где-то осесть и завести детей. Однако что происходит по факту? Он сперва приезжает в город и создаёт о себе отличное впечатление, но потом начинает ездить по округе и предлагать странный и непонятный обмен. Со временем окружающие начинают относиться к нему с подозрением, и Чичиков вынужден бежать из города. Выходит, он своими подозрительными действиями сам себе портит перспективы завести детей и где-то осесть. Это ошибка в отношениях, из которой читатель может сделать выводы и применить их в своей жизни.

Вспомним, что русский классический стиль — это определённые принципы истории, которые не привязаны ко времени, стране или формату медиа. Многие советские фильмы рассказывают истории, написанные по тем же принципам.

Например, «Бриллиантовая рука». В этом фильме много шуток и песен, и, возможно, выводы про ошибки в отношениях и рост персонажа сделать удалось не всем. Однако рост героя там определённо есть. Персонаж Юрия Никулина оценивает людей по их внешности: в начале фильма считает, что раз бандитская внешность — значит, бандит, раз человек выглядит прилично — значит, он, по сути, честен. Так в самом начале фильма милицейскому за рулём с подо-

зрительным лицом достаётся по голове. Со временем герой понимает свою ошибку и начинает оценивать людей по действиям, а не по внешности, и ему удаётся распознать шефа бандитов. Эту же идею неплохо бы освоить и некоторым читателям, потому что излишняя доверчивость к «хорошей» внешности навряд ли приведёт к добру, даже если речь не о преступниках.

Вот примеры выводов, которые может сделать читатель из произведения, написанного в русском классическом стиле, — куда полезнее, чем банальное «будь эффективным в (магической) перестрелке с главным злодеем» или что-то в этом духе.

Выбор или коридор

Я обратил внимание на одну любопытную деталь: в западном стиле персонажи часто ограничены в выборе действий внешними обстоятельствами. Почему? Да потому, что западный стиль — это истории про вещи и предметы, а не про персонажей. Персонаж там является лишь носителем предметов или навыков, а не тем, кто имеет собственное мнение. В этом стиле персонажей по сути всего два типа — те, кто за всё хорошее против всего плохого (положительные), и те, кто за всё плохое против всего хорошего (отрицательные). Чтобы это однообразие не бросалось в глаза, автор западного стиля ставит разных персонажей в разные обстоятельства, где у персонажа фактически нет выбора.

Это логический коридор, в котором персонаж делает са-

мые очевидные поступки просто потому, что обстоятельства его к этим поступкам принуждают. А у другого персонажа другие обстоятельства, и он действует иначе — но не из-за своих уникальных идей, а из-за того, что обстоятельства его к этим действиям склоняют. Имея разные коридоры, автор западного стиля получает персонажей, которые визуально, на первый взгляд, действуют по-разному, но стоит на мгновение задуматься — а как бы они действовали, будь они в одних обстоятельствах — и быстро понимаешь, что действовали бы они одинаково.

Только поставив персонажей в одинаковые обстоятельства, мы можем увидеть, разные ли это люди в плане принятия решений или абсолютно одинаковые.

Давайте разберём фильм «Челюсти» — если разбирать, то самое популярное из западного стиля. Оставим за скобками режиссуру, музыку и все эти пугающие элементы — тут Спилберг, безусловно, справился. И знатно подпортил репутацию несчастным акулам. Что же там в плане сюжета и персонажей? Есть ли там вообще история?

Выделим трёх основных персонажей: шеф полиции Броуди (главный герой), Ларри Вон (мэр города) и Квинт (профессиональный охотник на акул).

Произошло первое нападение, шеф полиции просит мэра закрыть пляжи, но тот не соглашается, потому что городу нужны деньги. Является охотник на акул и говорит, что убьёт акулу, но это будет стоить дорого. Шериф поддержи-

вает план, мэр отклоняет план.

Затем происходят ещё нападения, мэр признаёт правоту шерифа, закрывает пляжи, выдаёт охотнику запрашиваемые деньги. Шериф преодолевает фобию воды, садится с охотником в лодку. После эпизода с раскрытием предысторий акула нападает на лодку, охотник погибает, шериф добивает акулу.

Кажется, что и конфликты, и даже арки персонажей очевидны. Значит, персонажи разные? Но, как я говорил, эти персонажи лишь поставлены в разные ситуации сюжетом. На самом деле все они «за всё хорошее против всего плохого». Задача шефа полиции — охранять людей, а задача мэра города — развивать город. При нападении акулы каждый просто выполняет ту задачу, которую навесил на них сюжет, в том числе и охотник на акул, который просит соответствующую его опасной работе сумму денег.

А что, если бы Броуди был не шефом полиции, а мэром города? Если бы на него смотрели не как на того, кто обеспечивает безопасность, а как на того, кто развивает город — что бы он сделал? Мэр действует логично: говорит, что отправит кого-то с вертолётами охотиться за акулой, и те даже ловят какую-то акулу. Мэр действует в рамках обстоятельств, в которых он помещён, характера почти не проявляет. Как только ситуация меняется, меняется и его решение — он соглашается с шерифом, когда узнал, что акула не так проста, как обычные акулы до этого.

Но мы не узнаем, как бы поступил Броуди на месте мэра

или охотника за акулами (стал бы требовать такую же плату за смертельный риск), потому что они всегда находятся в разных обстоятельствах, в разных коридорах, где у них нет выбора.

Броуди преодолевает боязнь воды. Можно ли это считать аркой персонажа? Ну, думаю, как в ситуации, которую я описал ранее, выводы персонажа и читателя различаются. Думаю, посмотревший этот фильм скорее обретёт боязнь воды и акул, чем от неё избавится. Я лично не считаю избавление от фобий полезной для читателя аркой персонажа, ведь избавиться читателю от фобии или зависимости куда сложнее, чем выдуманному персонажу.

Так что, увы, этот фильм поставил всех персонажей в рамки и не выпустил их вплоть до финала, когда Броуди оказался с акулой наедине, а в руках у него был пистолет. Какие варианты у него были в этих обстоятельствах? Разумеется, как стандартный персонаж, который «за всё хорошее», он выстрелил — и акула взорвалась. Кстати, до этого персонажи обменялись своими предысториями, но из-за того, что весь фильм сводится к убийству акулы, эти предыстории ни на какие выборы персонажей не повлияли — мы лишь немного узнали, кто и зачем на эту акулу полез.

В классической же русской литературе персонажи самым очевидным образом находятся в одинаковых ситуациях, однако принимают разные решения, потому что они… разные персонажи. Раскольников не был зажат обстоятельствами,

когда убивал старушку, о чём он даже говорит в диалоге:

«— Я ведь, Соня, когда я к старухе-то ходил, — начал он вдруг, — я ведь знал, что я не с голоду умираю... Если б только я зарезал из того, что голоден был, то я бы теперь... счастлив был!»

При этом в истории буквально есть персонажи с худшим финансовым положением, чем Раскольников. Перед убийством Раскольников подслушивает разговор, где двое — офицер и студент — обсуждают всё то, что он уже знает: они говорят о том, что старуха достойна быть убитой по всем возможным критериям и к тому же её сестры не будет дома. Раскольников не единственный, кто обладает и мотивом, и возможностью для убийства, но он единственный, кто убивает, потому что он фундаментально другой персонаж, чем подслушанные им офицер и студент.

Любопытная ситуация со Слаем

Слай — это сокращение от Сильвестр. А какой Сильвестр самый известный? Конечно, Сильвестр Сталлоне, о нём и пойдёт речь.

Фильм «Рэмбо: Первая кровь» (1982) снят по роману Дэвида Моррелла (David Morrell), который называется «Первая кровь» (First Blood, 1972 год). Этот роман по сути написан в классическом русском стиле (как я уже говорил, в этом стиле пишут не только русские классики, а все, для кого важнее показать проблемы отношений, чем финальную битву добра и зла). И написан он на основе реально произошедшей жиз-

ненной ситуации — автор услышал по радионовостям о ветеранах Вьетнама, которые возвращались домой и сталкивались с непониманием общества.

Роман сосредоточен на проблеме того, что солдатам, вернувшимся с войны, сложно адаптироваться к обычной жизни. В фильме это в принципе отражено, хотя углы и сглажены. Фильм стал успешным, и настало время делать деньги, выпуская продолжения. Однако история о проблемах отношений уже рассказана, не придумывать же новые проблемы. Это сложно и долго. Гораздо проще переключиться со стиля, описывающего отношения, на вещевой западный стиль. В западном стиле и сняты продолжения — теперь перед Рэмбо задача не адаптироваться к гражданской жизни после войны, а взять в руки пулемёт и положить как можно больше врагов и вертолёт в придачу. В таком стиле можно клепать продолжения, пока зрителю не надоест рассказ о данных предметах и навыках.

С фильмом «Рокки» похожая история. Сценарий написан в этот раз самим Сталлоне, но, как и в прошлом случае, за основу взята жизненная ситуация — боксёрский матч, в котором один из бойцов старается не победить, а продержаться как можно дольше на ринге, хоть и понимает, что победу отдадут не ему. В этом фильме Рокки меняется в социальном плане ещё во время тренировок, а сам бой по сути не так важен.

Главный перелом происходит не в бою, а в процессе тре-

нировок, когда Рокки впервые в жизни ставит перед собой цель и начинает её достигать. С Микки он переступает через гордость и сам приходит к тренеру мириться. Он признаёт, что Микки был прав, и просит его о помощи. Это первый взрослый поступок Рокки — признать свою уязвимость. Он впускает наставника в свою жизнь. С Эдриан он перестаёт быть клоуном. В сцене, где он берёт её на каток и впервые целует, он уже не трещит без умолку. Он начинает слушать. Пик доверия — сцена, где он признаётся ей в своих страхах перед боем: «Я не смогу его побить... Но я хочу продержаться все 15 раундов. Чтобы никто никогда не смог сказать, что я просто "стоял на ногах"». Он впервые делится не шуткой, а болью. С собой он покупает себе новую одежду, начинает следить за собой, выбрасывает старые плакаты из шкафа. Это внешнее проявление внутреннего сдвига: «Я имею право на уважение, я могу быть лучше».

Меняется и отношение окружающих к Рокки. Микки сначала кричит на Рокки и оскорбляет его. Но как только Рокки сам делает шаг к примирению, Микки мгновенно оттаивает и становится преданным менеджером (даже дарит ему свой старый боксёрский медальон). Пол, брат Эдриан, в начале стыдится сестры и презирает Рокки за «тупость». К концу фильма он скандалит и завидует, потому что Рокки поднялся выше него. Он единственный, кто злится на успех Рокки. Толпа и СМИ в начале смотрят на Рокки как на «мешок с мясом» (журналисты задают унизительные вопросы). К кон-

цу боя зал скандирует его имя. Зрители и репортеры полностью переобулись, увидев в нём не жертву, а героя.

И что же дальше? Фильм принёс много денег, нужно клепать продолжения, а персонаж уже пережил все арки, и идея победы через проигрыш уже показана. Остаётся переходить на западный стиль и выстраивать сюжет с фокусом на одно финальное действие — победу в матче над противником. В этом формате можно снимать фильмы, пока зрителю не надоест смотреть на новые монтажи тренировок и новые удары боксёрскими перчатками по потным физиономиям. В итоге «Рокки 5» уже всем надоел, хотя до этой части франчайз дотянул как раз из-за различных идей отношений между бойцами.

Вот так сразу два франчайза со Слаем очевидным образом перешли от первого фильма в русском классическом стиле к последующим фильмам в западном вещевом стиле и к утрате интереса зрителя.

Где новые авторы уровня Толстого и Достоевского?

Истории в русском классическом стиле писать куда сложнее, чем штамповать однотипные истории в западном стиле. Поэтому рост предложения должен рождать высокий спрос. А где он, этот высокий спрос? Много ли людей, которые прочитали всю русскую классику и хотят ещё чего-то в таком духе? Безусловно, такие люди есть, и они есть по всему миру, но их недостаточно много, чтобы заставить авторов бросить то, чем они занимаются, и начать изучать русскую классику,

чтобы понять её суть и начать делать что-то в таком духе.

Потому у нас в кинотеатре и борется «Колобок» со «Человеком-пауком». Неудачная отечественная поделка против пика эволюции западного стиля. Только если достаточно людей поймёт, о чём именно писали классики, мы, возможно, и увидим нечто новое в таком же духе. Радует то, что на YouTube несколько каналов занимаются озвучкой русских классических произведений и аудитория у них стабильная. Всё же спрос есть, и он растёт.

Как я пытался совместить оба подхода

При этом я вовсе не утверждаю, что книга должна быть скучной и назидательной. Напротив, я считаю, что многие авторы прошлого, стремясь к поучительности, порой действительно пренебрегали развлекательной стороной, из-за чего их произведения воспринимаются как нечто заумное, тяжеловесное и даже депрессивное. Но наличие в тексте полезных идей совершенно не отменяет того, что он может увлекать читателя — работать, так сказать, «на два фронта». Есть блестящие примеры, когда авторам удавалось совместить и то и другое: «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова или «Пикник на обочине» братьев Стругацких — каждый из этих текстов и развлекает, и заставляет задуматься. Разумеется, такое совмещение требует от писателя владения двумя разными наборами навыков: умением выстроить захватывающий сюжет и способностью заложить в него нетривиальную мысль. Но сегодня, в эпоху интернета, когда автор име-

ет возможность читать сколько угодно и развлекательных, и поучительных произведений, изучать их приёмы и учиться на них, самое время начать осознанно объединять эти два подхода.

Позвольте привести конкретный пример из самого начала этой книги — он послужит иллюстрацией того, о чём я говорю. В первых главах читатель встретит человека, который пытается доставить осиротевшего ребёнка в безопасное место. Он понимает, что ребёнку нужна семья, но сразу для себя решает, что усыновлять его не будет, потому что убеждён: усыновление повредит его карьере. Кроме того, этот персонаж недавно был несправедливо обижен и теперь считает, что жизнь должна как можно скорее компенсировать ему эту обиду и восстановить справедливость. Обе идеи кажутся естественными и даже разумными. Но что, если герой попал в ситуацию, где подобные мысли смертельно опасны? Что, если именно они закроют ему путь к верному решению? Именно такие моменты мне и интересно исследовать: как заготовленные, привычные представления о том, что правильно, а что нет, вдруг перестают работать — и чем это оборачивается для человека.

Дальнейшее произведение написано с фокусом на русский классический стиль, но и элементы западного стиля в нём присутствуют — однако они не образуют сюжет, а лишь дополняют его. По крайней мере, такова была задумка автора. А уж удалось мне это или нет — думаю, сам читатель и

решит.

Часть 1 "В тихом городе..." Глава 1

Путник знал, что впереди лес полон тварей, способных убить одним быстрым движением, но шёл так, будто был уверен, что ни одна не посмеет его тронуть.

Он не мог бы объяснить эту уверенность словами. Она не имела отношения ни к магии, которую он когда-то изучал, ни к оружию — оружия у него не было. Просто где-то глубоко внутри, под слоем усталости и боли, жило странное, почти чужое чувство — они не тронут.

И он доверял ему так же, как доверяют инстинкту, просыпающемуся раньше рассудка.

Лес вокруг жил своей жизнью. Ветер пробегал по кронам, выжимая из них протяжный, почти человеческий гул — будто деревья перешёптывались о том, кто вошёл в их круг и не выйдет обратно.

Местные жители равнины называли это место Шепотным лесом. Говорили, что деревья запоминают голоса тех, кто здесь умер, и повторяют их шёпотом, пока не появится новый путник.

Он, конечно, не верил в эти сказки — десять лет в лаборатории магистра Валериуса вытравили из него склонность к суевериям. Но сейчас, когда холодный воздух пронизывал промокший плащ, а где-то в чаще трещало и ухало, по спине всё равно пробежал холодок.

Рион поправил корзину, висевшую на сгибе локтя. Тяжёлую. Слишком тяжёлую для того, кто пробирается через чащу без тропы и без отдыха.

В корзине, укрытый старым одеяльцем, спал Корбин — шестимесячный мальчик, единственный, кто выжил после той ночи на поляне. Рион не знал, чувствует ли ребёнок холод, слышит ли шёпот леса, но ровное дыхание малыша было сейчас единственным, что держало его на ногах.

Раздвигая мокрые ветви, он пробирался дальше. Поросшие мхом сучья цеплялись за одежду, замедляя шаг. Тропы не было видно, и он брёл вслепую, чувствуя, как тяжёлая ноша в левой руке тянет плечо вниз, а промокшая ткань плаща прилипает к спине.

Пахло гниющими листьями, прелой корой и чем-то ещё — кисловатым, звериным, тревожным. Где-то впереди раздавался треск — то ли сук ломался под тяжестью невидимого зверя, то ли ветер играл с кронами. Рион заставлял себя не вслушиваться в этот звук, сосредоточившись на каждом шаге.

Рион родился в Башне и десять лет проработал младшим сотрудником в лаборатории магистра Валериуса. Он терпел, как начальник присваивает его открытия, молчал, когда его имя исчезало из отчётов.

Но однажды он не выдержал — вместе с группой таких же обиженных учёных сбежал из Башни, надеясь на свободу и собственное признание. Они разбили лагерь на поляне в глу-

бине Шепотного леса, вдали от стен, где их не могли достать.

Учёные затеяли опасный ритуал, надеясь совершить прорыв, который вернёт им славу. Они не хотели замечать опасность, полагаясь на собственный ум. В отличие от остальных, Рион не разделял этой уверенности — он стоял на краю круга, а не в центре. Но даже там, на границе, магическая волна, вырвавшаяся из алтаря, прошла сквозь него. Она не испепелила его, как остальных, — лишь задела, оставив в груди невидимый ожог, который теперь напоминал о себе каждой остановкой сердца. Он не знал, почему выжил, но чувствовал, что та же сила, что спасла его тогда, продолжает держать его в живых.

Когда маги активировали алтарь, что-то пошло не так. Вспышка — и лагерь исчез. Все погибли, кроме него и шестимесячного Корбина, которого спрятали в узкой нише под корнями старого вяза на краю поляны. Магический удар туда просто не достал.

Вспышка и тишина врезались в память так отчётливо, будто всё случилось минуту назад.

Прошли сутки с тех пор, как он ушёл с поляны, где ещё недавно шумели палатки беглых учёных. Теперь от них остался лишь пепел да оплавленные края алтаря.

Он нёс единственное, что уцелело — Корбина, спящего под плотной тканью корзины, и кошель с монетами, найденный среди пепла.

В Башне младших сотрудников часто пугали рассказами

о том, что ждёт их за стенами. Голод, болезни, дикие твари, бесконечные бури — всё это, говорили старшие, нельзя победить мечом или магией.

У этих бед нет лица, по которому можно ударить, нет имени, которое можно проклясть. Их невозможно вызвать на дуэль или перехитрить в споре. Поэтому в Башне их называли «проблемами без лица». Те же, кто жил за стенами, называли их просто — жизнью.

Внутри эти проблемы были решены — магия заменяла еду, тепло, защиту. Но стоило выйти наружу, и безликие проблемы становились реальностью, к которой нельзя привыкнуть.

Теперь, бредя по лесу с младенцем на руках, Рион понимал, что лекторы говорили правду, хотя тогда считал их всего лишь страшилками для новичков.

Среди всех, кто его обидел, он особенно чётко помнил Валериуса — высокого мужчину с аккуратно подстриженной бородкой, которую тот тщательно холил перед каждым докладом.

Каждый раз, стоя в тени колонны, Рион наблюдал, как начальник поднимается на верхний ярус для публичных выступлений и получает овации за открытия, которые на самом деле сделал его подчинённый. Десять лет он молчал — в Башне не принято было спорить с теми, кто выше по званию.

Всё это время он смотрел, как его имя исчезало из отчётов, а чужое появлялось в заголовках. Теперь начальник

остался в Башне, и вернуть себе признание казалось невозможным. Но Рион не собирался прощать эту обиду.

Стоя перед выбором — ждать в руинах лагеря или идти в чащу, — он достал из кармана куртки медную монету, обычную, потёртую, с едва заметным рисунком на одной стороне.

«Если выпадет орёл, останусь здесь, в опустевшем лагере. Пережду ночь среди пепла, может, найду что-то ещё. Если решка — пойду в чащу, не оглядываясь», — решил он.

Он подбросил монету, и та упала решкой. Нахмурившись, он подбросил её снова — и опять выпала решка. Десять раз подряд, потом двадцать, потом пятьдесят.

Монета падала одной стороной сто раз подряд, и каждый раз он проверял её на ощупь — не заговорённая ли, не поддельная. Нет, она была самой обычной, без всякой магии. Ладонь ловила холодный металл — и каждый раз решку. Это уже не было случайностью.

После эксперимента в лесу Рион почувствовал, что на его стороне невероятная удача. Он не понимал, как именно ритуал изменил его — он стоял на краю круга, а не в центре, и большая часть того, что произошло в ту вспышку, осталась за пределами его понимания.

Но кое-что он всё же смог вывести из обрывков теоретических записей, которые успел изучить ещё в Башне, и из собственных наблюдений за последние сутки. Сила, доставшаяся ему, не была магией в привычном смысле.

Она не требовала заклинаний, жестов, концентрации. Она

не откликалась на волю. Она просто была — как дыхание, как сердцебиение, как гравитация.

Работала она через манипуляцию малыми физическими событиями — теми, которые невозможно отследить и которые никто не назовёт магическими. Монета падала нужной стороной. Ветка, которая могла бы хлестнуть по лицу, отклонялась так, чтобы его не задеть.

Тварь, способная убить одним движением, отворачивалась, почуяв запах не с той стороны. Рион не мог включить эту силу, не мог направить её, не мог попросить.

Она действовала сама, пассивно, непрерывно, и единственное, что ему оставалось, — наблюдать за результатами и пытаться угадать логику. Монетка стала его способом задавать вопросы — подбросить, посмотреть, сделать вывод.

Ограничения, насколько он мог судить, были немногочисленны. Сила действовала на расстоянии, и расстояние это измерялось не метрами, а километрами. Она не требовала отдыха, не накапливала заряды, не слабела от частоты применения.

Плата была внесена один раз, в момент получения, и Рион не хотел думать, чем именно он заплатил. Никаких ощущений сила не давала — ни тепла, ни покалывания, ни щелчка в голове. Он не ощущал ни её работы, ни её бездействия.

Единственным доказательством присутствия был результат — мир вокруг него складывался чуть удобнее, чем должен был. При этом сила влияла только на малые события —

монету, порыв ветра, трещину в коре, направление взгляда.

Но Рион, проведший десять лет в лаборатории, понимал, что малое событие, вовремя случившееся, способно запустить цепочку, которая изменит всё. Трещина в плотине начинается с капли.

Неизвестного было больше, чем известного. Сила действовала в его интересах — в этом он не сомневался. Но как она определяла эти интересы, что именно считала для него лучшим, оставалось загадкой.

Совпадало ли её представление о его благе с тем, что он сам считал благом, он пока не знал. Распространяется ли её влияние на других людей или привязана только к нему — и это было неясно, хотя обрывки записей в Башне намекали, что дублирование подобных свойств, если оно вообще возможно, занимает годы, а не дни.

Вся его информация была теоретической, собранной из чужих отчётов, из полунамёков, из догадок. И каждый раз, когда монета падала решкой в сотый раз подряд, он напоминал себе, что не понимает, что именно ему досталось. Он лишь учится задавать правильные вопросы.

«Удача указывает маршрут, — отметил он про себя, чувствуя, как монета холодит ладонь. — Спорить с таким знаком глупо. Если я смогу довериться ей, возможно, я смогу довериться и себе».

Не колеблясь больше, он подхватил корзину и шагнул в темноту леса. Теперь он шёл не как беглец — монета пока-

зала ему путь, и он доверял этому знаку.

В груди поселилась уверенность — холодная, как монета в кармане, но твёрдая. Он не знал, что именно защищает его, но чувствовал, что удача рядом.

Вещей он взял мало. На поясе висела шкатулка с гранёными кристаллами — меморикс; ремень под её тяжестью ощутимо врезался в плечо. Рион знал устройство наизусть — касание холодной линзы запускало запись всего, что попадало в поле зрения, вместе со звуком.

Линзы требовали бережного отношения, кристаллы боялись ударов, но записи могли изменить всё. Он прятал прибор под плащ, защищая от сырости, и доставал лишь тогда, когда встречал нечто, достойное запечатления.

Эти кадры должны были стать доказательством того, что он заслуживает признания.

В груди резко кольнуло, будто кто-то сжал сердце холодными пальцами. Оно пропустило удар, замерло и тут же забилось снова, подхлёстнутое болезненной судорогой. Это началось на поляне. Когда магическая вспышка смела лагерь, волна прошла сквозь него, не убив, но оставив внутри что-то сломанное. С тех пор сердце работало с перебоями — могло замереть в любой миг, и каждый раз, когда это случалось, оно вдруг начинало биться снова, без его воли, словно кто-то невидимый нажимал на спусковой крючок. Рион не понимал, что это за сила. Он знал только одно — с тех пор, как он покинул ту поляну, она не позволяла ему погибнуть. Серд-

це могло останавливаться сколько угодно раз, но каждый раз запускалось снова, потому что та же удача, что вела его через лес, не собиралась его терять. Боль была неприятной, но не страшной. Он достал футляр, проглотил две таблетки, не доставая воды. Не потому что боялся умереть — таблетки снимали боль, а не спасали жизнь. Жизнь ему обеспечивала она. По телу быстро разлилось привычное онемение, глушащее спазм.

Перед глазами всплыло серое морщинистое лицо магистра Валериуса. Он невольно сжал кулаки. Именно Валериус выдавал ему эти капсулы перед многодневными сменами, и они всегда срабатывали. Таблетки Валериуса — единственное, что начальник ему оставил, не украл.

Он шёл, думая о сухой лежанке, о миске горячей похлёбки, о том, как его имя появится в отчётах. Сможет ли он выбраться из леса, Рион пока сказать не мог.

Сначала он шёл наугад, но вскоре ступни нащупали протоптанную зверями тропинку. Вела ли она к окраине, он не знал, но готов был идти, пока лес не кончится. Тишина давила на уши.

Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Замер, прислушался. Сначала ничего, потом едва слышный скрежет, будто кто-то тёрся о кору. Волосы на затылке приподнялись, но он не остановился.

Среди гнилых пней, прямо на тропе, светился крупный магический гриб. Мягкое голубоватое свечение притягива-

ло взгляд, звало запечатлеть его. Рион опустил корзину на плоский валун, проверил, плотно ли ткань защищает ребёнка от ветра, и отступил на три шага, доставая меморикс.

Он уже видел, как учёные в Башне будут изучать его отчёт, как станут переписывать историю открытия. Пальцы сами потянулись к настройкам прибора — и вдруг замерли. Что-то в воздухе изменилось — лёгкий, еле уловимый запах гари, будто кто-то совсем рядом зажёг сырую ветку. Рион перевёл дыхание и убрал руку.

Он поднёс линзу к грибу, но в этот момент правый сапог зацепился за скрытый под листвой корень. Рион потерял равновесие, ударился коленом о корень и содрал кожу на предплечье. Меморикс выскользнул, глухо ударился о мох и тускло мигнул. Рукав намок от крови.

Он даже не взглянул на рану — первым делом поднял устройство и стёр с него грязь. Прибор уцелел. Рион помнил правило Башни — кто первым выходит на площадь и показывает находку, тот получает признание и награду. Гриб мог подтвердить его путь.

Но падение было знаком — сейчас не время останавливаться ради записи. Может быть, это тоже она. Не дала мне задержаться там, где не нужно.

Рион поднялся, стряхнул хвою с колен и, глядя прямо в линзу, ровным голосом произнёс. — Лес слишком опасен, чтобы задерживаться. Идём дальше.

Царапину он не перевязывал — промокшая ткань куртки

уже прилипла к ране. Таблетки должны были справиться с болью. Время уходило, лес сгущался, а впереди ждали новые преграды. Останавливаться из-за мелкой раны было нельзя.

В трёх шагах от него бесшумно проползла многоногая тварь-тень. Её тело казалось сгустком тьмы, почти невесомым. Она принюхалась к прутьям корзины, выдохнула с урчанием и ушла в подлесок, не заметив Риона.

«Хорошо, что мы её не заинтересовали», — подумал он, поправляя одеяльце. Главное — держать ритм и не паниковать. Может, и это тоже она. Отвернула, как отворачивает монету.

Он двинулся дальше. Впереди, сквозь туман, замаячили то ли камни, то ли фигуры. Рион напрягся. В лесу всё могло оказаться опасным, но именно здесь ему пригодились знания о магических тварях, которые он вынес из Башни. Бежать было поздно. Он пошёл вперёд, стараясь дышать ровно.

На тропе, преграждая путь, сидела тварь, похожая на гигантского паука. Вместо хитина её тело покрывала корка спекшейся земли и мха, шуршащая при каждом движении. Восемь лап с корневыми отростками впивались в почву. Существо не двигалось — лишь следило за Рионом сотнями крошечных глаз.

Он осторожно сунул руку за пазуху, вытащил меморикс и начал снимать. Он знал, что один взгляд на этого монстра вызывает смертельную сонливость. Жертва ложилась рядом и засыпала навсегда.

Рион тут же отвёл глаза, закусил губу и побрёл дальше, глядя под ноги. Голова слегка закружилась, но он удержал равновесие, списав дурноту на усталость.

В тени старого дуба притаилась третья тварь — перевёрнутая сосновая шишка, утыканная острыми шипами. Из центра торчали две тонкие прозрачные руки. «Смотрите, кто тут со мной», — вполголоса произнёс он, держа меморикс так, чтобы в кадр попали и он, и существо.

Он сделал ещё шаг — и вдруг почувствовал, как что-то невидимое уперлось ему в грудь, словно прозрачная стена. Рука с мемориксом дрогнула. Рион отступил, и давление исчезло. Тварь не отпускала его взглядом — будто оценивала.

За валуном лежала четвёртая — похожая на каменную глыбу. Когда Рион приблизился, из-под неё раздался едва слышный плач младенца — уловка природной магии.

«Не бойся, малыш, — мысленно шепнул он ребёнку, крепче прижимая корзину. — Булыжник пытается нас обмануть. Я доберусь до людей и найду тебе дом».

Тварь замолкла и, казалось, потеряла к нему интерес.

Рион сделал последние двадцать шагов между шеренгами монстров — и почувствовал, как мягкая гнилая подстилка сменилась жёсткой травой. Он вышел на открытое место, и напряжение в плечах спало. Он не запаниковал, не дрогнул — и теперь мог идти дальше.

Через полчаса стволы расступились совсем. Рион вышел на открытую равнину. Небо затянули тяжёлые тучи, но кое-

где пробивались редкие лучи. Он перевёл дух. До дороги, по его прикидкам, оставалось не больше часа ходьбы.

Перед тем как идти дальше, Рион переложил корзину в другую руку, разминая затёкшую кисть, и заглянул под ткань. Корбин спал, даже не шелохнувшись. Рион даже позавидовал спокойствию своего случайного спутника.

Сердце снова замерло — спазм растянулся на три долгих вдоха. Рион едва устоял. Сосуды пережало, перед глазами потемнело от головокружения. Затем сердце заставило себя биться снова, словно по инерции, с болезненным толчком. С каждым разом пауза становилась чуть дольше. Раньше это его тревожило — в первые дни после поляны он считал каждую остановку, боялся, что следующая окажется последней. Теперь он воспринимал паузы иначе. Это был тот же механизм, что вёл его через лес, что отводил ветки от лица и отворачивал тварей. Неприятный, но не опасный. Удача не дала ему умереть на поляне. Не дала умереть в лесу. Не даст умереть и здесь, на открытой равнине, с ребёнком на руках и целью впереди. Не сейчас. Не когда до признания осталось так близко. Рион привык доверять этому странному механизму, работавшему без его ведома. Таблетки снимали боль, но не они держали его в живых. Их держала она.

«Точно так же тело сбоило после трёхсуточных смен, — мелькнуло у него. — Таблетки Валериуса всё исправляли. Сегодняшний день ничем не хуже».

Однако боль в груди отступила, когда перед ним открылся

вид огромного пространства, свободного от набивших оскомину деревьев. Вдалеке, над равниной, поднимались магические башни — тонкие, длинные, уходящие от самой земли в самое небо.

Они стояли шеренгой, будто гигантские нити, которыми кто-то сшил горизонт с облаками. Со стороны казалось, что это и есть их назначение — связывать небо и землю, не давать им разойтись в разные стороны.

Рион не раз слышал, как простые жители равнины шептали в дорожных трактирах, будто если башни убрать, небо улетит, а земля развалится. Он смотрел на них сейчас — и понимал, почему рождалась такая вера. Слишком уж хрупкими и одновременно бесконечными казались эти чёрные блестящие иглы на фоне свинцовых туч.

Но Рион знал правду. Башни были всего лишь конструкциями, где каждый этаж держался на чарах левитации. Плиты пола висели независимо друг от друга, а снаружи гулял холодный пронизывающий ветер.

Высота башен была условно не ограничена — сколько отдельных самодостаточных этажей построишь, такой и будет рост. Небо и землю они никак не регулировали, и уж точно не держали мир на себе.

Но со стороны впечатление складывалось именно такое — будто связывают. И теперь, стоя на краю равнины, он сам видел, как легко в это поверить.

Стоя на краю равнины, Рион смотрел на башни — туда,

где его когда-то не признали, где его идеи приписывали другим. Он так поразился, увидев их снова, что забыл о боли в груди. Теперь он вернётся и заставит их считаться с собой, чего бы это ни стоило.

Он хорошо помнил устройство башен изнутри. Башня не могла упасть, но на верхних ярусах воздухом снаружи уже невозможно было дышать — там проводили самые рискованные эксперименты, и именно оттуда, с высоты, обитатели башен смотрели на мир внизу, как на муравейник.

Простые люди у подножия боготворили тех, кто жил за стенами, и не видели, что там происходит. А потому те, кто наверху, оставались безнаказанными. И даже учёные средних этажей часто не получали заслуженного признания. Рион это знал на собственной шкуре.

«Высшие маги смеялись над моими отчётами, — отметил он, пряча лицо от ветра. — Но скоро континент узнает моё имя. То, что я записал сегодня, — только начало».

Холодный ветер прервал размышления. Небо менялось. Вокруг парящих вершин сгущались свинцовые тучи, по которым ползли вспышки молний. Очередная «безликая проблема» приближалась, и в одиночку с ней не совладать.

Нужно было договориться с местными, чтобы найти укрытие. Рион плотнее закутался в плащ и шагнул вперёд, навстречу ветру.

Глава 2

Ледяной порыв ветра ударил в лицо, возвращая Риона к суровой реальности. Небо стремительно чернело – тяжёлые тучи с юга поглощали последние отблески дня, а с равнины уже надвигалась неистовая буря. Но стихия была не единственной бедой. Изматывающая слабость и липкий страх за жизнь ребёнка гнали его вперёд, не позволяя остановиться ни на миг.

Переждать такую бурю на открытом месте – значит погибнуть. Рион глубже натянул капюшон и прибавил шагу, чувствуя, как сквозняк предательски ползёт под плащ, студя спину. Ветер крепчал, он шёл почти наугад, пока через сотню шагов не уткнулся в развилку. Грунтовые колеи расходились в разные стороны, и нужно было решать, куда сворачивать.

Левая, утоптанная и глубокая, вела к столице – туда, где его записи на кристаллах могли бы оценить по достоинству. Правая едва проступала сквозь высокую траву, уводя к безымянному поселению, которого не было ни на одной карте. Мысль о кристаллах заставила его свернуть налево. Если он хотел передать их тем, кто способен понять, путь лежал только в столицу. Иначе весь этот ад – лес, кишащий тварями, ослепительная вспышка ритуала, смерть всех, кто шёл рядом, – теряла смысл. Никто не узнает, что он сделал. Никто

не оценит, какую цену он заплатил.

У обочины рос старый, покосившийся дуб. Сначала ветер ударил в ствол, и по равнине разнёсся пронзительный скрип – словно дерево стонало перед смертью. В следующее мгновение налетел шквал, куда более яростный. Корни с тошнотворным хрустом вывернуло из размокшей земли, обнажив переплетённые коричневые жилы. Ствол надломился, и тяжёлая крона рухнула поперёк колеи, намертво перегородив путь. Объехать завал по разбитой, раскисшей после вчерашнего дождя грязи было невозможно.

Риона осыпало щепками, но он устоял, заслонив корзину с ребёнком собственным телом. Отойдя от упавшего гиганта, он потёр ушибленный лоб, нащупывая горячую, быстро напухающую шишку. И замер. Каковы шансы, что дерево рухнуло именно сейчас, именно перед ним? Мизерные. А вот вероятность вмешательства удачи, которая всегда берегла его, была огромна. Но что это значит? Какой знак она посылает?

Тишина, воцарившаяся после падения, давила на уши. Рион смотрел на перегородивший дорогу ствол, и мысль о случайности казалась кощунственной. На ум пришла монета – та самая, что падала решкой сто раз подряд, безоговорочно приказывая идти именно сюда. «Силы уже говорили со мной напрямую, когда я не хотел их слушать, – вспомнил он. – Теперь они снова правят балом, оберегая от неизвестности, что подстерегает в столице».

Сдерживая раздражение, он сжал челюсти. В груди поднялась горячая, колючая обида – словно под шиворот попал раскалённый уголёк. В лагере он сам молил удачу указать путь, когда сомнения раздирали его. Теперь она указала, не спрашивая его мнения, и это бесило до дрожи. Он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. «Я собирался в столицу, – мысленно огрызнулся он. – Десять лет глотал унижения в Башне, чтобы наконец начать жить без чужих указок. А теперь мне снова затыкают рот, словно я не способен сам выбрать дорогу».

Но он тут же одёрнул себя. Спорить с удачей – значит потерять её. А без неё он не пройдёт и половины пути. Рион трезво посмотрел на поваленный дуб, признавая свою злость, но понимая её бесполезность. Указание есть указание. «Приходится подчиняться, – решил он, чувствуя, как горечь отступает, уступая место холодной рассудительности. – Сколько бы это ни бесило, другого выхода нет».

Он зажмурился, сжимая челюсти до скрежета, чувствуя, как из груди поднимается паника. Заставил себя дышать ровно, считая удары сердца – раз, два, три... На счёте «пять» дрожь в руках начала утихать. Это не удача даёт сбой. Это Корбин. Удача хочет, чтобы он как можно быстрее пристроил ребёнка, не позволяя отвлекаться на амбиции. Значит, так и нужно.

Вспомнив о кристаллах в мемориксе, ради которых он терпел этот ад, он нашёл в себе силы сделать ещё шаг. При-

знание придёт. Не сразу, не здесь, но в столице, когда он доберётся до нужных людей. Мысль об этом придала сил, и он ускорил шаг.

Впереди сквозь пелену дождя проступили первые дома – серые, унылые, под стать дороге. На краю стоял столб с потрескавшейся табличкой, на которой с трудом можно было разобрать «Уэстенд».

Рион перевёл дух, вытер рукавом грязь с лица и случайно взглянул в корзину. Корбин спал. Малыш дышал ровно, и его безмятежность, словно тёплое одеяло, укрыла Риона, отогнав остатки паники.

Взвесив всё за и против, он понял, что здесь он не станет известным, но сможет перевести дух, обсохнуть и согреться, а уже потом думать о столице. Рион шагнул в Уэстенд. Название он слышал впервые, и звучало оно так же непритязательно, как и само место – глухая провинция, где не ждут гостей. Узкие улицы петляли между небогатыми домишками с облупившейся краской и покосившимися крышами. Повсюду висел тяжёлый запах дыма и металла – местная рафинерия очищала артефакты, и этот въедливый аромат пропитал сам воздух.

«Всего пять тысяч душ?» – усмехнулся он, чувствуя, как грязь хлюпает под сапогами. В Башне, где он жил раньше, население было в десять раз больше, и каждый знал своё место. Здесь же, в этой глуши, он мог спокойно затеряться. Для передышки Уэстенд подходил идеально – в таком захолустье

никто не станет задавать лишних вопросов. Но даже в дыре должны быть приличные места – рафинерия, дом мэра, особняки торговцев. Не в сарае же ночевать с ребёнком на руках.

Сомнения достигли предела, и он понял, что пора действовать. Остановившись посреди улицы, Рион приоткрыл корзину и поправил край старого одеяльца, убеждаясь, что малышу тепло. Корбин даже не пошевелился. Убедившись, что ребёнок в безопасности, Рион достал монету. В лагере она ни разу не подвела – орёл – идти к мэру, решка – к местным магам.

Сквозь сизую дымку он разглядел крупное здание с богатой резьбой на фасаде. Над дверью висела добротная вывеска «Болден-рафинерия». Дом выглядел крепким, сытым; ставни плотно закрыты, из трубы валил густой дым, а в окнах горел тёплый, манящий свет. Лучшее место в городе – каменные стены, горячие печи и, главное, люди, у которых могли найтись деньги на кристаллы или хотя бы сухая пелёнка для ребёнка.

«Здесь и перекантуемся, – решил он, и в груди снова вспыхнула надежда. – А потом, с деньгами в кармане, можно и к мэру идти».

Но стоило ему сделать шаг к крыльцу, как шквальный порыв ветра ударил в грудь, выбив воздух из лёгких. Рион согнулся, хватая ртом воздух, и в этот момент штанина зацепилась за сухой сук, торчащий из земли у самого крыльца.

Он споткнулся, потерял равновесие, и инерция рывком развернула его прочь от крыльца. Он едва удержался на ногах, не упав лицом в грязь и сберегая корзину, но его буквально отбросило от входа.

Он едва не выронил корзину, восстанавливая дыхание, и попытался осмыслить происходящее.

– Да что ж за день такой... – прошептал он, отряхивая плащ. В Башне перед ним хотя бы расступались. А здесь каждый бежал по своим делам, не глядя по сторонам.

«Странно, – пронзила его мысль. – На развилке удача велела идти не в столицу, а в этот городишко. Дерево упало, загородив дорогу – заставило меня свернуть сюда. А теперь не даёт даже к дому подойти. Предупреждает?»

Неужели и рафинерия не подходит? Это было лучшее место в городе, а его отталкивают от него, словно бродягу. Другого объяснения не было. Удача не хотела, чтобы он останавливался здесь.

Боль в ушибленном плече вспыхнула с новой силой. Сердце пропустило удар, и мир поплыл тёмными кругами перед глазами. Он закачался, схватившись за край брошенной телеги. От холода, боли и череды нелепых неудач его начало трясти. Рион знал этот признак. Если не принять таблетки, начнётся приступ. Тогда он не удержит ни корзину, ни себя.

Дрожащими пальцами он нащупал футляр на поясе. Руки не слушались, страх и холод сковали движения. Он с трудом справился с застёжкой, но несколько таблеток выскользнули

из пальцев и шлёпнулись в жижу под ногами.

Рион смотрел, как они мгновенно расползаются серой кашицей, растворяясь в грязи. Единственное лекарство, которое держало болезнь в узде, исчезло за несколько секунд. Без него приступ мог вернуться в любую минуту. Страх сжал горло ледяными пальцами. Когда последние крупинки растаяли, он осознал, что остался без защиты. На чужой улице, в незнакомом городе, где никто не знал его имени. Лечить себя было нечем.

К горлу подступил крик, но он приказал себе сжать челюсти. *Дыши. Считай каждый вдох.* В голове пронеслось, что таблетки кончились и он умрёт здесь, в грязи. Но он вспомнил монету. Она вела его всю дорогу. Если она привела его в этот город – значит, здесь есть тот, кто может помочь. «Таблетки не нужны, – мысленно убеждал он себя. – В лаборатории я глотал их горстями, и это не помогло. Удача на моей стороне – она лучше любой химии».

Главное – кристаллы. Он нёс их через весь лес, рисковал жизнью. Пока они целы, всё остальное можно пережить.

«Рафинерия отпала, – решил он, стряхивая грязь с рукава. – Оставался мэр. Его особняк – второй по богатству дом в городе, там точно есть тёплые комнаты и сухая одежда. Пойду туда».

– Потерпи ещё немного, – прошептал он, склонившись к корзине. – Сейчас найдём тебе тёплый дом. Ты будешь в безопасности.

Он развернулся, намереваясь идти в центр, к богатому особняку. Но стоило ему сделать шаг, как новый шквал ударил в спину, снова выбивая воздух из лёгких. Ветер швырнул ему в лицо пригоршню мелкого гравия и едкого пепла из ближайшей трубы. Рион зажмурился, закрывая лицо плащом, и пошатнулся, опираясь на телегу.

Он стоял посреди улицы – мокрый, грязный, с пустым футляром в кармане и огнём в груди. Идти к мэру в таком виде? Его просто вышвырнут за ворота, как бродягу. Из горла вырвался короткий, полный горечи смешок. Сперва удача завела его в эту глушь, отрезала путь к столице, а теперь не даёт укрыться даже в этом захолустье. Это было уже не наставление – это походило на жестокую насмешку.

Но злость, в отличие от отчаяния, придавала сил. Он сжал челюсти так, что зубы скрипнули. *Нет уж. Я не сломаюсь. Не здесь и не сейчас.* Он коснулся меморикса – жёсткий прямоугольник привычно давил на грудь. Пока кристаллы целы, можно пережить всё. Даже эту чёртову бурю. Даже собственное бессилие.

«Потерпи ещё немного, – прошептал он уже без горечи, а с холодным, упрямым спокойствием. – Сейчас найдём тебе тёплый дом».

Словно в ответ на его слова, свинцовые тучи, затянувшие небо, вдруг разошлись в стороны. Луч солнца пробился сквозь брешь и ударил прямо в невзрачный дом напротив, осветив его золотым, почти театральным светом.

Рион замер. Это был ответ.

Когда яркий свет ударил в глаза, он зажмурился, прикрыв лицо ладонью. Когда он снова открыл глаза, сомнений не осталось. «Вот он, знак, – выдохнул он, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи. – Удача указывает мне путь. Спорить бесполезно».

Он подошёл к указанному дому и остановился, разглядывая его. Покосившаяся дверь, старые ставни, когда-то выкрашенные зелёной краской, которая теперь шелушилась от старости. Дом выглядел ветхим.

Всю дорогу он ожидал, что удача приведёт его к богатому особняку – к рафинерии или к дому мэра, где ребёнка примут без вопросов. Вместо этого перед ним стояла лачуга, готовая развалиться от первого сильного порыва ветра.

«Из всех домов в городе, – проговорил он, качая головой, – удача выбрала этот сарай. Странный выбор. Зачем вести меня к этой развалюхе, когда рядом есть приличные места?» Но он тут же прикрикнул на себя. Монета сто раз не подводила. И каждый раз, когда она указывала путь, это оказывалось правильным решением, даже если сначала казалось нелепой ошибкой. «Слушаться её я уже научился, – решил он. – Если она сказала сюда – значит, сюда».

Ветер бил в спину, заставляя плащ хлопать по ногам. Уже занеся руку для стука, он застыл. Этот стук решит всё – оставит он ребёнка здесь или нет. Переведя взгляд с облезлой двери на корзину, он посмотрел на спящего Корбина. Ма-

лыш ничего не знал, его лицо было безмятежным. Осознав, что сейчас решится судьба ребёнка, Рион сглотнул подступивший ком. Он оставлял Корбина в этом ветхом доме, у совершенно незнакомых людей.

«Прости, малыш, – прошептал он. – Здесь наши дороги расходятся. Расти здоровым и счастливым».

Собравшись с духом, он постучал в потемневшую от времени древесину. Глухой звук разнёсся по пустой улице и затерялся между домами. Рион замер, прислушиваясь.

Тишина.

Не дождавшись ответа, он ударил кулаком снова, громче и настойчивее.

Замерев на крыльце, он чувствовал, как холод пробирает промокшую ткань до костей. Наконец, за дверью послышались шаги – медленные, осторожные. Кто-то подошёл к порогу и застыл. Всматриваясь в тёмную щель между дверью и косяком, Рион не видел хозяина, но слышал, как тихо скрипнула половица.

Шаги затихли. Человек по ту сторону просто стоял и ждал, слушая его молчание. Хозяин не торопился открывать, и эта затянувшаяся тишина становилась невыносимой, давя на виски.

Рион стоял в мокром плаще под ледяным ветром и нутром чувствовал, что за этой дверью его ждут не деньги и не золото. Это будет что-то совсем другое – то, что он пока даже не мог вообразить. Оставалось только ждать, пока хозя-

ин дома решит, открыть ему или навсегда захлопнуть дверь перед его носом.

Глава 3

Дверь рванули на себя, словно тот, кто стоял по ту сторону, в последнюю секунду передумал и решил, что проще открыть, чем дальше слушать гнетущую тишину.

На пороге стоял мужчина лет пятидесяти. Седеющий, с тяжелым, изборожденным морщинами лицом – эти морщины были глубже, чем позволял его возраст. В правой руке он всё ещё сжимал молоток, в левой – горсть гвоздей, а пальцы были перепачканы густой смолой. Он окинул Риона быстрым, оценивающим взглядом: мокрый плащ, грязные сапоги, корзина на сгибе локтя. Но именно на корзине его взгляд задержался дольше всего.

– Мы никого не ждём, – сказал он, но дверь не закрыл. Голос у него был хриплый, не злой, скорее бесконечно уставший. – Буря на подходе. Дом хлипкий. Нам самим бы удержаться.

– Мне нужна одна ночь, – произнёс Рион. Его голос звучал ровнее, чем он ожидал. – Буря застанет меня на дороге, а с ребёнком на руках я не дойду до следующего укрытия.

Он чуть сдвинул ткань на корзине, чтобы хозяин мог увидеть, кто внутри. Мужчина наклонился, заглянул под полог, и лицо его изменилось. Не резко, не театрально, но что-то в глазах дрогнуло, словно пламя свечи на резком сквозняке.

Он выпрямился. Посмотрел на Риона. Потом снова на

корзину. Затем его взгляд ушёл куда-то вглубь дома, где в полутьме угадывался силуэт женщины.

– Мира, – позвал он негромко. – Иди сюда.

Женщина возникла в проёме. Худая, с туго собранными волосами и усталым лицом, на котором уже лежала тень раздражения – того самого, что появляется, когда тебя отрывают от важного дела. Она посмотрела на Риона, потом на мужа, и её губы сжались.

– Гарольд. Мы договорились.

– Посмотри, – он кивнул на корзину.

Мира шагнула ближе. Заглянула внутрь. И замерла. Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на спящего младенца, и Рион видел, как раздражение на её лице медленно тает, уступая место чему-то иному. Не жалости. Скорее – узнаванию. Будто она увидела в этом крошечном комочке что-то, чего так долго была лишена.

Она выпрямилась. Посмотрела на мужа. Потом на Риона.

– Одна ночь, – сказала она тихо. Голос её был ровным, но прежней резкости в нём уже не было. – Утром вы уходите.

Гарольд молча отступил в сторону, пропуская гостя.

Рион шагнул через порог. Внутри дом оказался теснее, чем казался снаружи, но безупречно чистым. Ни пылинки на полу, ни соринки в углах. В печи потрескивали дрова, разливая сухое тепло, а воздух пах дымом и сушёными травами. После ледяного ветра снаружи это тепло ударило в лицо, и Рион почувствовал, как отпускает плечи напряжение, кото-

рое он держал последние несколько часов.

На кровати у стены сидел Лейтан, мальчик лет восьми. Он смотрел на гостя большими любопытными глазами, даже не притворяясь спящим.

Гарольд закрыл дверь, отложил молоток и гвозди на полку у входа, вытер руки о ветошь.

– Садитесь, – сказал он, кивнув на стол. – Раз уж пришли.

Снаружи уже завывал ветер, и стены дома начали вздрагивать от первых, ещё робких, но злых порывов бури. Рион сел за деревянный стол. Мира поставила перед ним кружку горячего травяного чая – поставила так, словно отрезала от собственного сердца, но сделала это молча. Гарольд сел напротив, ещё раз вытер руки и пристально посмотрел на гостя.

Лейтан, всё ещё не сводивший с Риона любопытных глаз, по приказу матери нехотя забрался под одеяло, однако по напряжённой спине было видно, что он продолжает прислушиваться к каждому слову.

Рион сделал глоток. Тепло разлилось по груди, и усталость тут же навалилась на плечи, заставляя тело просить отдыха. Он не спал уже двое суток, каждая мышца ныла, но он заставил себя выпрямиться. Пусть буря беснуется снаружи – он внутри, в сухости и тепле. И самое странное – он почти не боялся. Ещё месяц назад, окажись он в такой ситуации, он бы в ужасе прислушивался к каждому скрипу, гадая, выдержит ли крыша. Но сейчас ему было всё равно. Логических

причин для этой уверенности не было, но он твёрдо знал, что судьба, приведшая его в этот дом, не даст ему здесь погибнуть.

Рион понимал, что если сейчас напрямую попросить приютившую его пару принять ребёнка и поискать ему новый дом, они и слушать не станут. Нужно устроить всё так, чтобы они *сами* захотели забрать мальчика. В конце концов, он не собирался путешествовать с чужим ребёнком, которого лишь вынес из леса, полного монстров, из каких-то гуманистических соображений.

Вот только как подступиться к такому делу, он пока не знал. Рион поставил кружку и выпрямил спину, пытаясь сосредоточиться. И тут его посетило странное, почти пугающее прозрение. Он вдруг спросил себя, что бы посоветовала в этой ситуации *Судьба*. Вот бы сейчас подбросить монетку... только хозяева заметят.

С удивлением он отметил, что, по сути, ведёт себя как адепт какого-нибудь внешнего культа, коих множество за пределами Башни. В самой Башне всегда иронизировали над людьми, которые делают что-то не из расчёта, а из слепой веры. И вот он, рациональный лаборант, внезапно стал одним из них. Он задался вопросом, каждый ли на его месте создал бы для себя такую веру и стал бы советоваться с удачей при каждом удобном случае. Вполне возможно. Ведь всем хочется знать, какой путь самый простой и эффективный.

– Откуда же вы на нас свалились, мил человек? – нарушил

тишину Гарольд.

– Если говорить начистоту, я родился в Башне, – произнёс Рион ровным голосом, решив не сопротивляться тому, как начала развиваться ситуация. Раз судьба привела его в этот дом, не стоит скрывать информацию. Если спрашивают – он расскажет всё как на духу. – Родителей помню смутно. Они были увлечены магией, жили на другом этаже и редко ко мне заглядывали. Из детства остались только гул левитационных контуров в стенах да холодный свет кристаллов в коридорах.

Лиц родителей он почти не помнил, и эта мысль сейчас даже не задела.

Гарольд хмыкнул, покачивая головой. Было видно, что он, как и большинство простых людей, представлял жизнь в Башне совсем иначе.

– Да, не повезло тебе. А я всегда думал, что у вас там, в Башне, одно сплошное согласие. Маги живут, носу наружу не кажут – значит, всё у них ладно.

– Десять лет я проработал лаборантом на нижних ярусах, – продолжил Рион. – Смешивал реактивы, чистил кристаллы, сводил отчёты. К настоящей магии это почти не имело отношения – так, черновая работа. Но именно в этом я со временем стал хорош: отчёты у меня выходили аккуратнее, чем у других, кристаллы после моей чистки светили ровнее. Однако похвалы или какого-то признания я так и не дождался. Зато моё начальство успело нагреть руки.

Он говорил это и удивлялся себе. Ещё месяц назад он бы

никогда не рассказал незнакомцам про присвоенные отчёты, про десять лет в тени. Но то, что привело его в этот дом, не оставляло сомнений – он доверял этому. Если судьба хотела, чтобы он говорил, значит, так нужно.

Мира покачала головой, и в её взгляде мелькнуло искреннее сочувствие.

– Десять лет – это много. Я бы на твоём месте не выдержала, – тихо произнесла она.

Ему хотелось сказать что-то колкое. За десять лет в Башне он научился отвечать на подобное сочувствие едким сарказмом – это была его привычная защита. Но внутри тут же возникло тихое, ясное чувство: *не надо*. Судьба подсказывала, что сейчас нужно не защищаться, а быть открытым. Она привела его сюда, чтобы он говорил, а не отгораживался. Он помолчал, позволяя горечи отступить, и впервые за десять лет не стал держать оборону. Это было странно, почти непривычно, но – правильно.

– Мои идеи присваивал магистр Валериус, мой непосредственный начальник, – произнёс Рион, и в голосе его мелькнула едва заметная дрожь. – С такой раздражающей бородкой, какую и представить сложно. Он поднимался на верхние ярусы, получал овации за открытия, которые на самом деле сделал я. А я оставался незаметным работягой, чьё имя никто даже не помнил.

Гарольд нахмурился и подался вперёд.

– И ты терпел это десять лет? – спросил он недоверчиво.

– Он брал мои отчёты, переписывал их от руки и ставил свою подпись, – пожал плечами Рион. – Я привык к этому. Десять лет – привыкаешь ко всему.

Гарольд хмыкнул и почесал затылок – его, видно, больше всего поразило именно слово «десять». Для него, который каждый день латал крышу и замазывал щели, такой срок покорного терпения казался немыслимым.

– Выходит, ты не просто сбежал – тебя и правда выжили оттуда. А чего ж ты раньше не ушёл? Неужели так и терпел?

Рион пожал плечами. Вопрос был справедливый, и он сам задавал его себе не раз.

– В Башне нас учили, что за стенами – одни проблемы, – ответил он. – Голод, болезни, монстры... Поэтому большинство и не высовывались. Нам даже читали книги про отважных воинов, которые собирались в группы, куда-то шли, побеждали каких-то злодеев, обязательно волшебников в чёрных балахонах. Забавное чтиво, но не более того, говорили нам. На самом деле, у большинства людей за пределами Башни проблемы такие, у которых нет лица, которому можно вмазать. «Безликие проблемы». Голод, болезни, бедность, бури, как сегодняшняя. Такие проблемы не решить, собрав отряд весёлых героев. Про эти проблемы можно лишь ненадолго забыть, читая истории про них.

До Гарольда дошло, что слова Риона попали в самое больное. Для него, который каждый день боролся с ветхостью дома и скудостью жизни, «безликая проблема» была не теори-

ей, а повседневностью.

– Это верно, – тихо сказал он. – Вмазать и правда некому. А герои – они в книжках. У нас таких не водится.

Мира кивнула. Её взгляд задержался на Рионе дольше, чем нужно. Выражение «безликая проблема» явно попало ей в самое сердце, дав имя тому, с чем она боролась каждый день, не давая дому рассыпаться.

– Мудрость из Башни, – прошептала она. – Я запомню.

Рион усмехнулся про себя – разболтался как на докладной. В Башне он бы никогда не позволил себе такого, там над теми, кто рассказывал о себе незнакомцам, только иронизировали.

Он поймал себя на странной мысли: а как бы он повёл себя в этом доме, если бы не это странное везение? Заплатил бы небольшую сумму за ночлег. Слушал хозяев из вежливости, но ничего не рассказывал бы о себе. Боялся бы бури и не спал бы всю ночь. Но сейчас он делал всё иначе – потому что обстоятельства привели его сюда. А раз так, значит, нужно плыть по течению. Не сопротивляться. И если спрашивают – говорить всё начистоту.

Неизвестно, почему это срабатывало, но факт оставался фактом. Хозяева узнали о нём немного больше, и вскоре он сможет сказать им, что зашёл к ним в дом со скрытыми мотивами.

Затем Рион перешёл к рассказу о побеге. Он объяснил, что та самая группа учёных, с которыми он десять лет ва-

рил реактивы в забытых этажах Башни, решила организовать своё дело. Эксперимент, который в Башне было не провернуть – высшие маги не дали бы разрешения. Группа задумала сбежать, и люди были настроены серьёзно. «Нужно выйти на свежий воздух», – как однажды выразился один из заговорщиков. Рион примкнул к ним, чтобы выбраться на свободу и наконец получить признание.

Десять лет в тени не могут считаться жизнью. Лучше рискнуть и вырваться, чем сгнить в подвалах Башни, сводя чужие отчёты. Рион сжал пальцы на колене, чувствуя, как ногти впиваются в ткань штанов. Он вспомнил, как в Башне его руки пахли реактивами и пылью кристаллов. Сейчас они пахли лесом, потом и кровью – но это был *его* запах. Запах человека, который наконец живёт свою жизнь, а не чужую.

Он вкратце обрисовал план: бежать в Шепотный лес, построить лагерь, провести эксперимент, сулящий крупное научное открытие. На этом он остановился – чем меньше будет сказано про сам эксперимент, тем лучше. Хозяева и так напуганы бурей, не стоит добавлять им поводов для тревоги. Рион добавил, что планировал отделиться от группы перед началом их чересчур амбициозного опыта, уйти в крупный город и прославиться своими навыками. Учёные не пытались его остановить – они понимали, что их выбор преследовать знания, несмотря на риски, не самый очевидный.

Гарольд подался вперёд, в его глазах зажглось любопытство. Его явно зацепило, что Рион не был на поляне во время

самого эксперимента.

– А где сейчас остальные-то? – спросил он. – И почему ты с этим младенцем здесь? Мог бы и бурю там переждать, в лесу всё же сподручнее, чем в городе в такую погоду.

Рион понял, что вопрос Гарольда даёт ему возможность объяснить, почему он вообще здесь. Сейчас или никогда. Если сказать правду, они поверят – правдой проще всего объяснить его появление. Но если переборщить с деталями про эксперимент, они могут решить, что он замешан в случившемся. Внутреннее чутьё подсказывало говорить честно, но только то, что необходимо. Он кивнул сам себе, решив довериться этому чувству.

– Они погибли, – ответил Рион, понижая голос и глядя в кружку. Он обвёл пальцем трещину на ободке, словно это была карта, по которой он не хотел идти. – Все, кто стоял близко к алтарю, исчезли в тот же миг.

Он не поднял глаз. Гарольд и Мира переглянулись – быстро, почти незаметно, но Рион это уловил. Они явно не ожидали такого поворота и теперь пытались понять, что делать дальше – сочувствовать ему или держаться подальше. Что-то подсказывало ему их реакцию – он читал их лица, как открытую книгу.

Рион принялся описывать лагерь, чтобы раскрыть контекст. Простецкие домики на поляне в Шепотном лесу, запасы припасов, места для работы, костры, чертежи алтаря... Они жили там почти полгода, все были одержимы одной иде-

ей. Как только группа оказалась в лесу, он объявил, что поживёт в лагере, но участвовать в ритуале не будет. Он хотел дистанцироваться от эксперимента, потому что чувствовал: что-то пойдёт не так. Эксперимент требовал подготовки – они собирали алтарь, проводили расчёты, заготавливали материалы, трудились день и ночь. Он всегда знал, что в день ритуала будет держаться от возводимой ими штуковины на почтительном расстоянии.

Рион признался, что сам участвовал в строительстве алтаря, помогал с организацией – он хотел быть честным с хозяевами. Но сразу добавил, что никогда не планировал быть рядом во время активации. Пробуждённая учёными магия могла оказаться смертельной, и он это понимал. Именно поэтому он держался в стороне.

– То есть ты, выходит, помогал строить то, что всех убило? – спросила Мира, и в голосе её прозвучало обвинение.

Рион увидел, что она ищет в произошедшем его вину. Хотя он не подал сбежавшим учёным ни одной идеи и не уговаривал их рисковать. Внутри поднялась глухая защита, привычная и выработанная за десять лет в Башне, где каждый его шаг разбирали под микроскопом.

– Они были осведомлены о рисках, – возразил он ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Они шли на это сознательно. И главное – сделали бы всё и без меня. – Он помедлил, выбирая главный аргумент, который должен был снять с него подозрения. – А этот парень в корзинке наверняка по-

гиб бы вместе со всеми, если бы не я.

Рион пояснил, что среди исследователей была пара с маленьким сыном – Корбином. Как и почти все в Башне, супруги были одержимы знаниями и готовы рискнуть жизнью ради открытий. Они верили, что их гений защитит и их самих, и мальчика. Родители Корбина понимали риск, но считали, что, если сын разделит их судьбу, какой бы она ни была, это не такая уж плохая идея. Однако они также придумали и второй вариант – поручить кому-то вывезти мальчика с поляны на время эксперимента.

После некоторых споров они всё же решили передать Риону корзину с ребёнком перед самым ритуалом и попросить отвезти сына в безопасное место. Рион выполнил их просьбу и вынес Корбина из леса. Но он не обещал растить его как своего сына, и хотел, чтобы приютившие его хозяева поняли: он не отец этого ребёнка и не собирается им становиться. Он лишь выполнил просьбу коллег. В Башне к детям относились иначе, считая их будущими сотрудниками, а не смыслом жизни. Родители Корбина всего лишь жили по тем правилам, что знали. Ребёнок – это продолжение рода, а не центр вселенной.

Гарольд покачал головой – его, видно, больше всего поразило, что родители отдали ребёнка чужому человеку. Для него, который каждый день чинил этот дом ради сына, это было немыслимо.

– Отдать ребёнка чужому – это как-то странно, разве нет?

– спросил он, и в голосе его звучало искреннее недоумение.

Ему не понять, – подумал Рион, и внутри поднялась тупая досада. Причём не на Гарольда, а на саму ситуацию, в которой ему приходилось объяснять очевидные вещи. В Башне все были чужими друг другу. Они не были семьёй.

– Они знали, что я не буду участвовать в ритуале, – ответил Рион, выбирая самый короткий путь объяснения. – Я был единственным, кто мог отнести их сына в безопасное место. Им нужен был тот, кто выживет, а не тот, кто будет рисковать вместе с ними.

Гарольд качнул головой, но ничего не сказал – по всему выходило, что он понял: переспорить Риона, ещё живого по башенной логике, ему не удастся.

За окном ветер снова ударил в стены, и дом жалобно скрипнул. Рион перевёл взгляд на корзину, где мирно посапывал Корбин. Скрип дома напомнил ему о том, как хрупок этот ночлег. Скоро он так или иначе выполнит просьбу родителей, подумал Рион. Ребёнку будет лучше с хорошей семьёй, а не с вечно кочующим лаборантом, который и сам не знает, где окажется завтра. Тогда ничто не будет мешать ему путешествовать по стране в поисках признания и славы, которых его так долго лишали.

Он медленно поднял глаза от кружки, глядя в тёплый полумрак чужого дома, и тихо добавил:

– И всё же... я был там. Когда они активировали алтарь, я видел всё.

Глава 4

Мира прижала ладонь к груди. Голос её дрогнул, и в глазах читалось не столько осуждение, сколько глубокое непонимание. Её потрясло не чудо его спасения, а то, как именно он выжил. Он остался жив, тогда как все остальные погибли, и он стоял и смотрел.

— И ты стоял и смотрел? — переспросила она.

«Она думает, что я мог что-то сделать», — понял Рион. Ему казалось, будто Мира ждёт от него рывка на помощь коллегам. Если бы не невероятное везение, он предпочёл бы вообще не вспоминать об этом эпизоде. Но после эксперимента на поляне его жизнь изменилась навсегда. Изменилась сама логика принятия решений. Теперь он твёрдо верил: удача вытащит из любой передряги.

— Помочь им было невозможно, — ответил он, стараясь говорить ровно. — Они сами этого хотели. Некоторые маги Башни ради знаний готовы отдать жизнь, лишь бы перед смертью получить ответы.

— В это сложно поверить, — прошептала Мира.

— Разве? — удивился Рион. — Как часто прохожие спрашивают мага: «А как это работает, объясни»? Даже обычные люди жаждут магических знаний. Они требуют ответов, но не осознают, что те не валяются на дороге. За них платят потом и кровью.

Он замолк, и в памяти всплыли детали, которые он старался не вспоминать. От алтаря хлынули лиловые, пульсирующие волны магии, лишённой жизни. Воздух стал густым, пахло озоном и палёной травой. Этот оттенок фиолетового он не забудет никогда. Маги падали один за другим, их тела сводило в конвульсиях. А он стоял на краю поляны, у лагеря, чувствуя, как ослабшая от расстояния энергия проходит сквозь него, не убивая.

Рион признался, что его охватил ужас, когда волна накрывала исследователей, но предпринять ничего он не мог. В тот миг он думал только о том, чтобы дерзкий эксперимент не задел и его. Когда же он осознал себя в безопасности, паника отступила.

После вспышки света наступила абсолютная, звенящая тишина. На какое-то время он потерял сознание, а когда пришёл в себя, алтарь был выжжен, а из учёных не осталось никого. Мир словно замер. Он оказался один среди пепла и пустоты. И вдруг осознал, что уцелел. Теперь он принадлежал сам себе.

Рион намеренно сменил интонацию, закончив рассказ о ритуале сухо, почти казённым тоном. Уцелел потому, что стоял на периферии, и магия задела его недостаточно сильно. Он уже понимал, что в истории есть нестыковка. Если он так старался держаться подальше от алтаря, почему оказался рядом? Ответ он оставил при себе — если только Мира или Гарольд не спросят напрямую.

Заметив, как взгляд Миры снова метнулся к корзине, он поспешил добавить, что Корбин был в куда большей безопасности.

— Я оставил его в укрытии, в лесу, ещё до того, как маги начали ритуал. Он был далеко от алтаря. Поэтому и уцелел.

Мира слегка расслабилась, плечи её опустились. Материнский инстинкт взял верх над страхом перед чужаком.

— Похвально, что вы позаботились о младенце, — тихо произнесла она, и в голосе впервые за вечер прозвучала искренняя теплота.

— Я вынес его из леса, — отозвался он. — Но воспитывать детей не умею.

— Никто поначалу не умеет, — спокойно сказала Мира. — Пока ребёнка нет, откуда этому умению взяться? На первенце и тренируются.

— Да и желания нет, если честно, — продолжил Рион. — Может, когда-нибудь потом, но не сейчас. Я принёс его в этот город, чтобы отыскать ему хороший дом. Этим я и занимался, пока буря не накрыла нас всех.

— Значит, ребёнка ждёт усыновление, — уточнил Гарольд. — Может, вам стоит обратиться к местным магам за помощью? Всё же он сын обитателей Башни, это что-то да значит.

— Была такая идея, — кивнул Рион, чувствуя, что крючок заброшен. — Но я беглец, если вы помните. Мне лучше не показываться им на глаза.

Мира подалась вперёд. Её защитный инстинкт окончательно перешёл на сторону младенца.

— Вы можете обратиться к местному мэру, его связи будут весьма кстати.

— Я только пришёл в этот город и никого тут не знаю, — честно ответил Рион. — Даже вашей фамилии, если на то пошло.

— Вейл. Будем знакомы, — сказал Гарольд, на что Рион ответил лёгким кивком.

— Я рад, что у вас есть идеи. Как только ветер…

Словно услышав его слова, буря резко усилилась. Шквальный порыв сорвал одну из недавно заколоченных досок — та с треском ударилась о стену снаружи. Буря будто ждала этого момента, чтобы напомнить о своей мощи. Хозяева вздрогнули. Гарольд приложил ладонь к стене, словно пытаясь успокоить напуганного жеребца.

В голове Риона промелькнула совсем иная мысль. Буря, сдирающая крыши, — идеальный кадр для меморикса. Такие записи не продают, их выставляют на торги.

Стены заходили ходуном. С потолка посыпалась труха, половицы застонали. Ветер сотрясал дом с такой силой, что пакля и солома, которыми Гарольд ещё осенью законопатил щели между брёвнами, не выдержали и посыпались на пол мелкой трухой. Теперь сквозняк гулял по избе, задувая свечи и выстуживая воздух. Мира вскрикнула и прижала к себе Лейтана. Гарольд рванул мальчика за руку и потащил под

тяжёлый дубовый стол, а Мира, одной рукой прижимая сына к полу, другой уже тащила корзину с Корбином к несущей стене.

Рион не сдвинулся с места. Он достал меморикс и, прищурившись, навёл линзу в щель между брёвнами. Ветхая изба тряслась, но объектив оставался неподвижен. Такая запись в столице стоила больше, чем всё, что он когда-либо зарабатывал в Башне. Пусть столичные маги увидят: он не из тех, кто теряет голову.

За окном раздался оглушительный скрежет металла. Огромный лист кровельного железа, сорванный с крыши рафинерии «Болден», пролетел над улицей и с грохотом рухнул прямо перед домом Вейлов. Скрип потолка и дрожание стен мгновенно прекратились.

Тогда никто не знал, что этот щит не был случайностью. Лишь долгие годы спустя станет ясно, что на крепления крыши рафинерии воздействовала некая магическая сила. Они и без того проржавели почти полностью, и ветер довершил бы своё дело в ближайшие минуты. Сила не разрушила того, что не разрушилось бы само, — она лишь ускорила неизбежное и направила падение тяжёлого листа так, чтобы он встал ровно перед домом её владельца, приняв удар стихии на себя.

Лист встал вертикально. Ветер, ударившись о препятствие, разделился на два потока, огибая дом слева и справа. Пыль, поднятая падением, медленно оседала на мокрую

землю. Где-то вдалеке застонала сорванная вывеска.

Это не случайность, тут же понял Рион, вспомнив всё, что произошло с ним сегодня. Вот как судьба — или тот, кто её направляет, — оберегает его. Пока что он движется верным курсом. Кто же теперь не поверит, что он принёс сюда везение? Осталось грамотно использовать этот аргумент, и Вейлы сами возьмутся за поиск дома для ребёнка, а он сможет отправиться в столицу уже утром.

Гарольд первым подошёл к окну, приник к узкой щели между досками и с облегчением выдохнул:

— Ну, слава богам, целы! Только я ничего не вижу.

Мира оторвала ладони от корзины, перевела взгляд с мужа на Риона, потом на спокойно спящего Корбина. Ребёнок даже не проснулся. Она помедлила, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Вот у кого вообще нет проблем, — тихо произнесла она. — А ведь обычно судьба детей не щадит, как бы нам этого ни хотелось.

Рион заметил, как её взгляд задержался на ребёнке дольше, чем нужно. Похоже, она сделала какие-то выводы.

Супруги переглянулись.

— Господин Рион пришёл к нам прямо перед бурей, — сказал Гарольд. — Выбрал наш дом из всего города. И, как видите, мы уцелели — единственный дом на всей улице. Ты не находишь, что это странное совпадение?

— Слишком много совпадений, — согласилась Мира. —

Одно за другим. Как будто кто-то вёл тебя сюда.

— Судьба, — сказал Гарольд. — Или везение. Что-то из этого.

— Посмотри на него, — Мира указала на Риона. — Да не обидится господин маг, но он грязный, мокрый, бледный, руки дрожат. Он едва стоит на ногах. Если кому-то везёт, они обычно выглядят не так.

— Точно тебе говорю, — настаивал Гарольд. — Тут или магия, или невероятное везение, а может, и то и другое. Да и какая между ними разница? Что скажете, господин маг-исследователь?

— И вправду нам всем сегодня повезло, — кивнул Рион.

Гарольд перевёл взгляд на корзину. Корбин лежал под чистым одеяльцем, спокойный, будто бури и вовсе не было. Мужчина потянулся было к ребёнку — то ли коснуться его, то ли проверить, реален ли он. Им овладело странное чувство благоговения перед этим маленьким существом, которое, как он верил, спасло их дом. Но Мира перехватила его руку — мягко, но твёрдо. Гарольд замер, понимая, что она тоже чувствует: к ребёнку нельзя прикасаться без нужды, как к обычной вещи.

— Малыш, — медленно пробормотал он, не отводя взгляда от корзины. — Это он приносит удачу. Он нас сегодня спас.

— Простите, господин исследователь, — заметила Мира, — но, глядя на вас, не скажешь, что вы такой уж везучий

человек. Сегодня вы многое пережили, но и вид у вас соответствующий. Если удача была с вами, почему вы выглядите так, будто она вас бросила?

Хозяйка ошибается, подумал Рион. Разговоры о том, будто удача у ребёнка, а не у него, — это лишь удобная выдумка. Эта удача была его, потому что так справедливо. Он долго готовился, чтобы её получить, выверял каждый шаг, выстраивал планы и работал на износ. Раньше его постоянно обворовывали, отнимая плоды его трудов, но теперь всё иначе. Это должен быть его первый проект, который никто не украдёт. Должно же когда-нибудь получиться оставить себе все итоги своей вполне честной работы.

Но спорить он не собирался. Наоборот, если Мира верит в везение ребёнка, это отлично сработает ему на руку. Вот шанс всё устроить: убедить их не просто оставить его и Корбина на ночь, а всерьёз заняться поисками для малыша нового дома.

— Со стороны, наверное, виднее, — бросил Рион уклончиво, стараясь, чтобы голос звучал скромно.

Он не считал это ложью. Он лишь аккуратно смещал акценты, позволяя Вейлам самим сделать нужные выводы. В конце концов, удача сопутствовала ему с тех пор, как он взял Корбина из того лагеря. Разве это не достаточный повод для веры?

И он принялся рассказывать о событиях, произошедших после того, как он оказался в безлюдном лагере. Он говорил

о знаках, которые не давали ему ошибиться: на развилке упало большое дерево, перегородив путь в столицу, и пришлось свернуть в Уэстенд. В лесу удача снова проявилась явно — он повстречал редкий магический гриб, один лишь снимок которого стоил немалых денег.

Гарольд подался вперёд:

— И как, вышло?

— Увы, нет, я запнулся и упал, — отозвался Рион с лёгкой иронией. — Но встретить такой гриб — большая удача. Если бы не моя неуклюжесть…

Затем он описал четырёх магических тварей — паука-корневище, сонную змею, крадущую тень и имитатора детского плача. Ни одна не напала на него. Корзинка их словно отпугивала, будто судьба ребёнка распространялась и на него, создавая невидимый щит. Его новое чутьё подсказывало, что ситуацию нужно подать именно так.

Рион достал меморикс, переживший всё путешествие, и показал Вейлам чуть грязные, потрескавшиеся края коробочки.

— Вот, смотрите, — бросил он, протягивая прибор Гарольду. — Там записаны все эти встречи. А первый, самый важный кадр, я сделал ещё до выхода из лагеря. Такое местным магам даже не снилось.

Он уловил, что Вейлы уже готовы поверить в силу удачи. Новое чутьё подсказывало, что наступил решающий момент. Пора было переходить к главному. Корбина он оставить у

себя не мог — ведь впереди его ждали слава и признание в столице.

Гарольд нахмурился, обдумывая услышанное. Он почесал затылок, и в его глазах появилось то самое выражение, которое бывает у человека, когда он наконец складывает в голове разрозненные кусочки.

— Подожди-ка, — сказал он медленно. — Ты говоришь, удача вела тебя через лес, спасала от тварей, указывала путь. Но почему она привела тебя именно к нашему дому? В городе есть рафинерия, дом мэра — богатые места. Там бы ребёнку было лучше. Почему удача не пустила тебя туда?

Рион пожал плечами.

— Честно? Не знаю. Я сам удивился. Пытался подойти к рафинерии — ветер оттолкнул. Пошёл к мэру — снова ветер и пепел в лицо. А потом луч солнца ударил прямо в ваш дом. Я думал, удача ошибается. Но знаки не подводили, и я решил довериться.

Он помолчал, потом добавил:

— Может, она хотела, чтобы я быстрее пристроил ребёнка и отправился дальше. Не знаю.

Мира покачала головой, и в её глазах появилось понимание.

— Нет, — сказала она тихо. — Ты не понимаешь. Удача не просто так выбрала наш дом.

Она посмотрела на Гарольда, потом снова на Риона.

— Когда ты шёл к местным богатеям, ты думал о се-

бе в первую очередь. Хотел получить мягкую кровать, еду повкуснее, может, деньги за кристаллы. Ты, поди, думал: «Здесь ребёнку будет нормально, а я смогу как шикарно отдохнуть».

Рион нахмурился, но не перебил.

— Но в богатом доме, — продолжала Мира, — малыша могли бы использовать. Если бы богач узнал о даре ребёнка, наверняка попытался бы заработать на этом. Ребёнок жил бы как слуга, а не как сын. А маги… — она поморщилась, — маги известны тем, что любят ставить эксперименты, и тут всё могло сложиться ничуть не лучше.

Гарольд кивнул, подхватывая мысль:

— Удаче важно не богатство, которое ребёнок может получить, а забота. Чтобы он попал к порядочным людям. Малышу нужна семья, которая его полюбит, а не использует.

Рион смотрел на них, и в его глазах было искреннее удивление.

— Вы правда так считаете? — спросил он тихо. — Что удача выбирает не богатых, а… хороших людей?

Он посмотрел на корзину, где спал Корбин.

— Тогда получается, она привела меня сюда, потому что вы… порядочные.

Гарольд усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки.

— А ты-то сам разве не порядочный? — спросил он. — Ты прошёл через лес с младенцем на руках. Десять лет терпел унижения в Башне, но не озлобился. Не бросил ребёнка, хотя

мог бы — никто бы не осудил. Удача не против того, чтобы ты вовсе никому его не отдавал. Может, ты и есть тот самый порядочный человек, которого она искала?

Рион помнил, что разговоры о том, будто удача у ребёнка, а не у него, — это лишь удобная выдумка. Удача точно была у него, потому что это попросту справедливо. Он долго готовился, чтобы её получить, выверял каждый шаг, выстраивал планы и работал на износ. Раньше его постоянно обворовывали, отнимая плоды его трудов, но теперь всё иначе. Это должен быть его первый проект, который никто не украдёт. Должно же когда-нибудь получиться оставить себе все плоды своей вполне честной работы.

Но слова Гарольда заставили его задуматься.

«Как бы выглядела моя жизнь с малышом? — мелькнуло у него. — Наверно, не так плохо. Я бы научился его воспитывать. Нашёл бы работу в столице или даже в этом городке, снял дом…»

Но тут же перед глазами возникло лицо Валериуса — высокого мужчины с аккуратно подстриженной бородкой, который присваивал его открытия. И остро почувствовал, как ему хочется быть одному. Совершенно одному. Ни перед кем не отчитываться. Всю славу и деньги оставлять себе.

«Могу я пожить один хоть немного? — подумал Рион. — В конце концов, я десять лет терпел. Я заслужил».

Рион помолчал, обдумывая услышанное. Потом покачал головой.

— Я не могу его оставить, — сказал он тихо. — У меня другие планы. Я не готов…

Он не договорил, но Вейлы поняли.

— Вижу, — кивнул Гарольд. — Но всё же…

— Раз уж вы считаете, что малыш вас защитил, — настойчиво произнёс Рион, глядя им в глаза, — так отплатите ему добротой. Найдите ему хорошую семью в этом городе. В конце концов, вы тут всех знаете, а не я.

Гарольд и Мира обменялись взглядами, отошли в угол и зашептались, бросая короткие взгляды то на Риона, то на корзину. Он подумал, что в других обстоятельствах ждал бы их решения, затая дыхание, но сейчас так вымотался, что лишь смирно сидел на стуле, без единой мысли разглядывая стену. Удача должна была сделать своё дело так или иначе.

В этот момент за окном что-то грохнуло — буря снова усилилась, но стальной щит, оберегающий дом Вейлов, держался уверенно.

— Мы поможем подыскать дом для мальчика, — проговорил Гарольд, возвращаясь. — Но ты, мил человек, посмотри на себя. Ты такой бледный, еле на стуле сидишь. Может, оставишь его себе? Везение малыша уже помогло нам всем — наш дом уцелел благодаря ему. Глядишь, и тебя подлечит.

«И как же теперь отказаться от этого щедрого предложения?» — подумал Рион с усмешкой. Сам намекнул им на то, что ребёнок приносит этот странный дар, а теперь не отступать же от своих слов.

— Нет, это не для меня, — отрезал он. Голос его прозвучал ровно, но пальцы на колене сжались так, что побелели костяшки. — У меня другие планы. Хочу отправиться в столицу, а по дороге, кто знает, где буду спать и что есть.

Гарольд не стал отвечать сразу. Помолчал, разглядывая Риона, потом медленно кивнул. Мира, поняв, что муж затевает что-то серьёзное, тихо вышла, прихватив с собой спящего Лейтана.

Гарольд наклонился вперёд, положив локти на колени.

— Послушай меня, — начал он тише обычного. — Я понимаю про столицу. Но я хочу, чтобы ты ещё раз подумал. Скажи честно: тяжело тебе было с ним в лесу? Пелёнки менять приходилось? Кормить было чем?

Рион пожал плечами.

— Особо не почувствовал. Уставал, да. Пелёнки менял, ребёнок иногда плакал, но не настолько громко, чтобы тварей привлечь. Всё было — и я со всем справился.

— Вот и я о том же, — Гарольд кивнул, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на торжество. — Если осилил это, остальное куда проще. Удача у вас с малышом есть — значит, будут и деньги. Снимешь дом, наймёшь нянек, воспитателей. Не обязательно всё делать самому. Главное — вам обоим сопутствует успех. А менять то, что работает, — себе дороже.

Рион сжал пальцы на колене.

— Я хочу начать строить карьеру в столице. Как можно

быстрее. В Башне, где я работал, магистр присваивал мои заслуги. Десять лет. Я хочу ему отомстить. Не напрямую — это не в моих правилах. А обустроив свою жизнь наилучшим образом. Прославившись. Чтобы он увидел моё имя и понял, кого обокрал.

Гарольд помолчал, переваривая. Потом медленно кивнул.

— Понимаю тебя. И поддерживаю — справедливость восстановить стоит. Но, может, проще забыть эту обиду? Живи здесь, воспитывай ребёнка. Заодно сходишь к магам, спросишь, что у тебя со здоровьем. С бытом никаких проблем не возникнет, ведь так. Ты просто не хочешь.

Рион посмотрел на него, и в глазах мелькнуло что-то — не злость, скорее усталость.

— И правда, с бытом проблем не возникнет, — сказал он тихо. — Но я не хочу. Не люблю менять планы. И магистр меня достал куда сильнее, чем можно подумать. Хочу прославиться — так я восстановлю справедливость к себе. Остальное меня сейчас не интересует.

Гарольд долго смотрел на него. Потом медленно склонил голову.

— Я сделал всё, что мог, — сказал он. — Больше уговорить тебя не выйдет.

— Не выйдет, — подтвердил Рион.

Гарольд поднялся и протянул руку.

— Тогда прощай, Рион. Удачи тебе в столице.

Рион пожал ему руку — крепко, коротко.

— И тебе. Спасибо за ночлег. И за то, что найдёте мальчику дом.

— Найдём, — кивнул Гарольд. — Не сомневайся.

Рион вышел. Гарольд остался стоять посреди кухни, глядя на закрытую дверь. Мира вернулась, посмотрела на мужа вопросительно.

— Не удалось, — тихо сказал он. — Не хочет его оставлять.

— Жаль. — Мира покачала головой. — Но, может, оно и к лучшему. Так малышу будет надёжнее, чем с человеком, который его не хочет.

Гарольд кивнул, но в груди осталось странное, тяжёлое чувство. Он не мог понять — правильно ли они поступили, попытавшись отговорить Риона, или просто не сумели его переубедить.

Ночь тянулась медленно, отмеченная лишь треском поленьев да редкими ударами ветра. Вейлы уложили Риона на лавке у печи. Он разглядывал, как огонь пожирает дерево, и обдумывал планы. Завтра он уйдёт из этого городка. Нужно добраться до столицы — пешком или на попутном зеннатском грузовозе. На поясе — меморикс с записями тварей и бури.

Если он найдёт торговца с декодером, покажет кристаллы и получит столько денег, что вряд ли сможет всё унести, — о нём заговорят. Его имя должно попасть в столичные новости, а не быть записанным в одной из ветхих книг учёта пер-

сонала Башни. Главное — не сбиться с тракта и не застрять в размытой колее. Плащ к утру подсохнет, сапоги выдержат. Тепло от печи приятно согревало спину, а запах дыма смутно напоминал о лаборатории в Башне.

Буря постепенно стихала. Ветер, ещё час назад сотрясавший стены, теперь лишь едва слышно постанывал в щелях. Дождь перестал барабанить по крыше.

К утру ветер утих совсем. Из-за разорванных туч пробился тусклый, но чистый рассветный свет. Дом перестал дрожать, стало тихо — только редкие капли срывались с карниза и падали на мокрую землю.

Буря позади. Гарольд дал слово помочь отыскать дом для Корбина, и Рион решил, что этого достаточно. Теперь ничто не мешает ему идти к столице и начинать там новую жизнь. В этот раз — без начальников, присваивающих все его труды.

Рион бережно убрал меморикс за пазуху, поправил плащ, который за ночь почти высох у печи. Сапоги он поставил сушиться к огню ещё с вечера — кожа потрескалась, но держалась. Он наклонился, стянул их с подставки у печи и начал неспешно шнуровать, обдумывая маршрут.

Затем выпрямился, отряхнул одежду и кивнул Вейлам, стоявшим у печи.

— Благодарю за ночлег и кров, — произнёс он, подходя к двери. — На этом мы расстанемся, хотя, возможно, вы ещё обо мне услышите.

Он обернулся — быстро, словно хотел что-то добавить,

но слова застряли в горле. Мира стояла у печи, прижимая корзину к груди так, будто боялась, что он передумает и заберёт её.

Супруги поблагодарили его в ответ, а Гарольд протянул мешочек с деньгами, ничуть об этом не жалея. Рука его на мгновение задержалась в воздухе — он смотрел на Риона так, словно хотел спросить что-то важное, но не решился.

Рион кивнул и вышел, не оглядываясь.

Глава 5

Влажный послегрозовой воздух ударил в лицо, и Рион глубоко вздохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются прохладой после душной духоты дома, где он провёл всю ночь. Город лежал в руинах: повсюду валялись сорванные крыши, разбитые стёкла и снесённые заборы, а мокрые мостовые были усеяны мусором, который ветер разбросал по округе, словно играя в жестокую игру. Рион медленно обвёл взглядом окрестности и с удивлением отметил, что из всех домов уцелел лишь тот, из которого он только что вышел, — и это казалось почти невероятным.

Корбин остался в тёплом доме под присмотром Миры и Гарольда, а Рион снова был один, наедине с собой и своими планами, которые вынашивал ещё в Башне. Впервые за всё путешествие эта мысль не принесла облегчения. Где-то в глубине души шевельнулось странное, почти чужое чувство, похожее на тоску. Рион предпочитал его не замечать, потому что оно мешало сосредоточиться на главном. И всё же плечи распрямились сами собой, будто с них сняли невидимый груз, давивший все эти дни, пока он нёс корзину с младенцем через полный опасностей лес. С корзиной в руках он был словно прикован: каждый шаг приходилось рассчитывать, каждую кочку — обходить, каждую минуту — прислушиваться, не заплакал ли ребёнок, не замёрз ли, не проголо-

дался ли. Это постоянное напряжение изматывало до предела. Он не спал ночами, боясь его разбудить, и ел урывками, одной рукой укачивая ребёнка, пока другая сжимала скудные остатки еды. Теперь он свободен, и это чувство должно было радовать, но почему-то казалось пустым.

Рион зашагал по пустынной мокрой улице. Каждый шаг отдавался в груди тупой, ставшей уже привычной болью, и от этой привычности становилось только тревожнее: он не знал, сколько ещё таких толчков выдержит его сердце. Впереди ждала столица с её высокими башнями и шумными площадями, где каждый второй носил мантию мага и смотрел на прохожих свысока, как на муравьёв. Там его ждали деньги, связи, слава — всё, чего он был лишён десять лет в Башне, пока его имя исчезало из отчётов, а чужие — появлялись в заголовках. Меморикс должен был стать ключом к признанию, а записи на кристаллах — прославить его имя по всему континенту. Особенно та первая запись, сделанная ещё до выхода из разорённого лагеря, до того, как он понял, что остался совсем один: без союзников, без поддержки, без единой души, способной разделить его путь.

Он шёл по улицам и переулкам, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть следов бури: каждый обломок напоминал о хрупкости человеческой жизни. Внезапно боль в груди сдавила так, что дыхание сорвалось на короткие, рваные вдохи, а перед глазами заплясали тёмные пятна. Колени ударились о мокрую брусчатку, пальцы соскользнули с

камня, оставляя грязные полосы, и холодная вода пропитала штаны. Обычно в такие моменты случайность подставляла выступ, чтобы он не упал, или ветер стихал на секунду, давая передохнуть. Но сейчас всё было иначе. Его сковала глухая, безразличная тяжесть, не оставлявшая ни малейшего шанса на спасение. Механизм, на который он полагался все эти дни, дал осечку. И Рион впервые по-настоящему испугался — не за свои планы, а за саму жизнь, утекавшую из него, как вода сквозь пальцы.

Он попытался встать, но ноги не слушались, будто превратились в вату. Рухнув обратно на мокрую брусчатку, он почувствовал, как холод пробирается сквозь одежду, и осознал: это не очередной спазм, который через минуту отпустит, сменившись привычной ноющей болью. Это был конец. Тело отказывалось подчиняться, темнота подступала к глазам, воздух выходил из лёгких и не возвращался. Рион умирал здесь, на пустынной улице захолустного городишки, о котором никто никогда не слышал, и это было до смешного нелепо. После Шепотного леса с его тварями, после магической вспышки, убившей всех его коллег, — умереть вот так, без борьбы, без свидетелей, без смысла, просто от того, что сердце отказалось биться.

Когда сознание начало угасать, пришла мысль: нужно понять, что пошло не так, иначе его смерть будет не просто бессмысленной, но и глупой. Он не узнает, где совершил ошибку. Он обязан был проверить и вспомнить каждую деталь: за-

щита, которую давала ему эта странная удача, не могла подвести без причины. Значит, он что-то упустил в расчётах, что-то важное, что могло бы всё объяснить и, возможно, спасти его.

Сквозь звон в ушах, похожий на скрежет лезвия по стеклу, продрался голос Гарольда: ещё несколько часов назад тот напоминал, что именно малыш приносит удачу в их дом. Теперь эти слова звучали как приговор. Рион стиснул челюсти, пытаясь отогнать эту мысль, но она цеплялась за сознание, как репейник. Ладони, впившиеся в холодную воду на мостовой, не врали: он чувствовал, как уходит та самая сила, что вела его по лесу, защищала от тварей и направляла монету. Если защита и правда была привязана к ребёнку, то его собственное выживание в лесу, монета, падавшая решкой, буря, обошедшая его стороной, — всё это было не его везением, а побочным эффектом чужой силы, которая осталась в тёплом доме Вейлов, вместе с Корбином.

Он заставил себя выдохнуть, и спина слегка распрямилась. Взгляд упёрся в глубокую трещину между плитами, похожую на карту, по которой он не хотел идти, но должен был. Паника попыталась подступить, но Рион загнал её обратно, как загоняют воду в щели, и сосредоточился на главном: нужно проверить условия контракта, с которого всё началось, — договора с демоном, заключённого на поляне, когда все вокруг были мертвы. Он старался отследить, кто и что сказал первым, каковы были правила, при каких условиях

состоялся тот странный разговор. Его разум, привыкший к лабораторной точности, начал восстанавливать картину событий. Без эмоций. Только цифры. Только факты. Только холодная логика, которая всегда его выручала.

И тогда перед ним, чётко и без спешки, проступила поляна, где когда-то разбили лагерь исследователи, сбежавшие из Башни: латунные цилиндры, меловые символы, густой запах озона, смешанный с лесной сыростью. Он не ждал озарения и не надеялся на чудо, привыкнув полагаться только на собственный ум. Он просто открывал архив памяти, чтобы найти ошибку в расчёте, шаг за шагом, пока образы не начали тускнеть, уступая место более ранним воспоминаниям, которые он старательно прятал от себя.

Перед глазами возник алтарь с латунными цилиндрами, светящимися кристаллами и меловыми символами, пульсирующими в такт чужой магии, словно живое сердце. Вокруг суетились маги, каждый был занят своим делом, а сам Рион стоял в стороне, наблюдая за подготовкой к ритуалу, который должен был изменить всё. Он знал, что это очередная их безумная затея. Его лицо, ещё не такое бледное и измождённое, выражало холодную отстранённость человека, который не собирается рисковать понапрасну. «Я не верю в их безумную затею, — думал он. — Они накличут на себя беду, и мне лучше держаться подальше, чтобы не оказаться в центре взрыва».

К нему подошли родители Корбина — спокойные, уми-

ротворённые, с плетёной корзиной, в которой лежал их сын, укутанный в шерстяное одеяло. Они выглядели так, будто уже смирились со своей участью. Они сделали то, о чём давно договорились: передали ему ребёнка и все деньги, которые могли пригодиться в столице, потому что сами не рассчитывали выжить после ритуала. Задача Риона была проста: подняться на воздушный корабль, зависший над лагерем, и отправиться с младенцем в столицу, выполнив последнюю просьбу коллег. Но он уже знал, что не сможет просто улететь.

Он увидел себя на грузовой платформе серебристого корабля Зенната, парившего над поляной. Тросы тянули её вверх, отрывая от земли, а ветер трепал волосы. Вскоре он оказался внутри стальной конструкции, пахнущей маслом и магией, и уже готовился к отлёту, но что-то внутри сопротивлялось. Он не планировал сразу лететь в столицу: оставалось неоконченное дело, важнее любого обещания. Он хотел заполучить магические артефакты, которые должны были появиться после активации алтаря. Чтобы преуспеть за пределами Башни, нужен был стартовый капитал, и в его случае это были не деньги, а магические инструменты. При побеге из Башни захватить что-то ценное не удалось — всё осталось за стенами, под присмотром магистра Валериуса, который не упускал возможности присвоить чужие открытия.

Единственная по-настоящему уникальная ценность должна была возникнуть здесь, на поляне, в момент активации

алтаря, когда магия достигнет пика и что-то изменится в самом мире. Рион рассчитывал быть рядом, чтобы забрать всё, что останется. Однако забрать её было непросто не потому, что маги не отдали бы ему артефакты, а потому, что эксперимент был смертельно опасен: все, кто окажется рядом с алтарём в момент вспышки, вполне могли погибнуть. Он не хотел повторить их судьбу.

Но был нюанс. Рион вёл собственные расчёты: магия теряла силу с расстоянием, и достаточно было держаться подальше от алтаря во время активации, чтобы избежать смерти, по крайней мере, в теории. А пережив первичный всплеск, он сможет забрать из лагеря нечто по-настоящему ценное, когда маги уже не смогут ему помешать.

Для этого нужно было сойти с корабля, что оказалось не так просто. Экипаж не собирался менять правила. Рион попросил высадить его в лесу недалеко от поляны, но те упёрлись: ребёнка нельзя перевозить без сопровождения взрослого, а его деньги никого не убеждали — сумма была слишком мала для отдельного рейса. Либо он летит с ребёнком в столицу, либо они высаживаются оба прямо здесь, в лесу, и он сам решает свои проблемы. Пришлось подчиниться, хотя это ломало все планы: он не хотел брать младенца в опасную зону.

Спустившись с корзиной в высокую траву, он отнёс её к крупному дубу на краю поляны и спрятал в корнях, накрыв листьями и ветками, чтобы никто не нашёл малыша до его

возвращения. Это было единственное, что он мог сделать для его безопасности. Сам же Рион вернулся к краю поляны и занял позицию на рассчитанной ранее границе: достаточно близко, чтобы магия задела его, но достаточно далеко, чтобы не погибнуть от того, что его коллеги собирались выпустить в этот мир.

Алтарь вспыхнул, маги встали в круг, читая древние формулы, и их голоса слились в единый гул, наполнявший воздух вибрацией. От конструкции разлились потоки фиолетовой магии — пульсирующие, расходящиеся концентрическими кругами, которые с каждой секундой становились всё ярче и разрушительнее. Рион почувствовал, как воздух вокруг накаляется.

И тогда ему пришла в голову тревожная мысль: магический удар, погубивший коллег, мог повредить и его внутренние органы. Он не чувствовал боли, но это ничего не значило. Проверить себя сейчас он не мог — не было ни инструментов, ни знаний для такой диагностики. А значит, думать об этом бесполезно. Нужно было сосредоточиться на другом. Например, на том, что осталось от лагеря.

Рион выпрямился, стряхивая с плаща сосновые иглы и обгоревшие стебли, и огляделся в поисках чего-то ценного. Воздух всё ещё дрожал от остаточного гула, но к нему добавилось что-то новое: пространство у края поляны начало сгущаться, словно кто-то невидимый вытеснял собой реальность. Волосы на затылке встали дыбом. Резкий запах озона

перебил лесную сырость, температура упала так резко, что холод пробрал до костей. Рион замер. Из сгущающейся тьмы начала оформляться фигура, которая росла и становилась всё более отчётливой.

Висящий в воздухе сгусток тьмы, едва заметный на фоне леса, вдруг оформился в высокую тёмную фигуру, возвышавшуюся над ним. Сердце Риона пропустило удар. Перед ним стоял демон почти вдвое выше человека, его тело состояло из сгустков тьмы, которые то сжимались, то разжимались, словно он дышал. Вместо лица была пустота, в которой мерцали две точки света, похожие на глаза, и они смотрели на Риона с холодным любопытством. Рион не отступил. Он потянулся к поясу, нащупывая знакомые грани меморикса: это был его единственный шанс запечатлеть встречу, которая могла принести ему славу.

Ему нужно было доказательство, чтобы продать его дорого и прославиться как один из немногих, кто встретил демона и выжил. Запись устранила бы любые сомнения. Он поднял линзу, и демон замер, позволяя зафиксировать своё изображение на кристаллах, словно не имел причин мешать. Это казалось странным, но Рион не стал задавать вопросов.

— Я один из тех, кто воздвиг алтарь, — произнёс Рион ровным голосом, сохраняя привычную интонацию лабораторного отчёта, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Мы показали тебе путь в этот мир. Исследования указывают, что сущности вроде тебя привязывают сознание к тому, кто

открыл им дорогу, и защищают его в ответ.

Глава 6

Рион держал линзу, направленную на демона, и ловил каждый сдвиг плотности воздуха, каждое колебание тьмы, выдававшее возможный ответ. Его разум лихорадочно пытался предугадать реакцию. Ответ пришёл не через уши, а прямо в череп — слоистый, лишённый человеческих обертонов звук, который раздавался одновременно внутри и снаружи, проникая в глубины сознания.

— Я помогу тому, кто не сможет прожить без моей помощи.

Фраза застыла в голове Риона. Он слегка опустил устройство, но не отступил: сейчас решалось его будущее, и требовалось убедить демона, что именно он достоин помощи. Рион тут же принялся доказывать, начав с самого начала: десять лет в нижних ярусах Башни, где его идеи присваивали, а имя исчезало из отчётов. Теперь, снаружи, без стен и магии, его ждут голод и бедность, если не получить поддержки.

Аргументы выстраивались в чёткую цепочку, продуманную заранее, ещё до появления на поляне. Он надеялся, что холодная логика убедит существо. Уцелел он потому, что умел просчитывать риски и не лезть туда, где ждала неминуемая гибель. Но за стенами Башни одного разума мало — нужна сила, которую он не мог получить сам, и он просил о ней демона. Рион говорил тихо, отмеряя каждое слово с той

же тщательностью, с какой когда-то сводил отчёты для магистра Валериуса. В голосе не было мольбы — только сухая оценка условий, холодный расчёт, призванный убедить.

Демон не кивнул, не сделал жеста — лишь слушал, и в этом молчании было больше смысла, чем в любых словах. Рион чувствовал, что его слушают, но не понимал, каков будет вердикт. Когда последнее слово сорвалось с его губ, голос демона отозвался вновь, и в нём прозвучала странная отстранённость, словно решение уже принято.

— Мне нужно завершить иные дела.

Давление в воздухе исчезло мгновенно. Рион остался один среди выжженных участков травы и звенящей тишины, которая казалась ещё более пустой, чем раньше; последние силы покидали его. Он ощутил лёгкое разочарование: общение с потусторонней сущностью оказалось слишком кратким, он не успел узнать ничего нового, и планы рушились на глазах. И всё же на него не напали, он до сих пор был жив — и это уже стоило ценить, хотя внутри зарождалась тревога.

Рион стоял неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее. В голове снова и снова звучали слова демона о том, что он поможет тому, кто не сможет прожить без его помощи, и он анализировал их без конца. Тогда он не сомневался, что речь шла именно о нём: сбежавший из Башни маг без единого заклинания и без денег не сможет прожить достойно — по крайней мере, так он считал. Стало быть, демон должен помочь ему. Или нет? Вопрос остался без ответа, и теперь,

лёжа на мокрой брусчатке, он начинал понимать, что ошибался.

Воспоминание схлынуло так же внезапно, как и нахлынуло, оставив Риона на мокрой после бури мостовой — он корчился на коленях и хватал ртом воздух, который никак не наполнял лёгкие. Сознание ускользало, но вместе с тем прояснялось, принося пугающее понимание, которое он так долго отгонял. Теперь оно было неотвратимым, как сама смерть.

С холодной ясностью вспыхнули слова демона, пообещавшего помочь лишь тому, кто не сможет прожить без его поддержки. Теперь Рион видел их в новом свете, и его ошибка стала очевидной.

Из всех, кто оказался на поляне, уцелели только Рион и младенец. Вопрос был в том, кто нуждался больше, и ответ оказался жестоким. Рион начинал понимать: он мог обойтись и сам — взрослый мужчина, знающий, как добыть еду, избежать опасностей, найти дорогу к людям. Он не был беспомощным. А младенец, лежавший в корзине посреди леса, наполненного монстрами, без чужой помощи не протянул бы и дня. Это было очевидно любому, кто смотрел на него, но Рион не хотел этого признавать.

В памяти всплыло, как он поднимался на корабль с Корбином на руках и хотел оставить ребёнка там, чтобы тот летел в столицу один, пока сам Рион вернётся к лагерю к началу ритуала. Таков был его план. Но экипаж не позволил: либо он сопровождает ребёнка до столицы, либо они выса-

живаются оба прямо здесь, в лесу. Пришлось подчиниться, высадиться, вернуться к поляне, оставить ребёнка в укрытии и идти к алтарю, чтобы успеть к активации. Каждый его шаг был продиктован эгоизмом.

Рион сам создал угрозу для Корбина, вынеся его из безопасного корабля и вернув в опасный лес, полный тварей и магии. Это был его собственный выбор, сделавший младенца нуждающимся. Именно поэтому сила дала защиту тому, кто нуждался больше. Не ему, а ребёнку, который без неё не выжил бы и дня. Теперь эта истина обжигала.

Всю дорогу он считал Корбина досадной обузой, которая замедлит путь к столичной жизни с её лабораториями, знакомствами и признанием, ради которых он терпел унижения десять лет. Младенец был помехой, которую нужно сбыть с рук при первой возможности; все силы уходили на то, чтобы выполнить обещание родителям и забыть о ребёнке, как о дурном сне. Теперь пришло осознание: всё кончено.

Он поставил корзину на пол чужого дома и вышел за дверь, не оглянувшись, — и тем самым отдал единственное, что держало его в живых последние два дня: силу, что отводила тварей, роняла монету нужной стороной и перезапускала сердце каждый раз, когда оно замирало. Теперь, лёжа на мокрой брусчатке, он понял: он не избавился от груза, а всего лишь отдал свою удачу, и забрать её обратно уже не мог.

Сознание угасало. С трудом он выдавил короткую фразу, слыша её как бы со стороны, будто говорил кто-то другой;

голос звучал хрипло и слабо.

— Я сам вынес его из корабля и вернул в лес... Из-за меня ему понадобилась помощь...

Он попытался подняться, но ноги не слушались, тело предательски отказывало именно сейчас, когда он наконец всё понял. Отчаяние охватило его. Он рухнул на камни, цепляясь пальцами за скользкую поверхность, из угла рта потекла алая пена, смешиваясь с грязной водой на мостовой. Теперь он знал: приступ, которого он так боялся все эти дни, настиг его. На этот раз не помогут ни таблетки, ни удача — он сам отрезал себя от источника силы. Где-то рядом послышался встревоженный голос, доносившийся словно издалека, пытавшийся пробиться сквозь туман.

— Эй, парень! Ты чего? Плохо тебе? Чем помочь-то?

Но Рион уже не отвечал. Воздух перестал наполнять лёгкие, сердце замерло в последний раз, не дождавшись спасительного толчка.

В это время в тёплой комнате у печи Мира и Гарольд приходили в себя после пережитого ужаса: ветер выл за стенами, стены дрожали от каждого порыва. Теперь в доме висела тишина, нарушаемая лишь редкими каплями с крыши и потрескиванием догорающих поленьев, дававших тепло и свет — островок уюта среди хаоса. Мира крепче прижала к себе Лейтана, который наконец проснулся и испуганно озирался, не понимая, что происходит. Гарольд перевёл взгляд с жены на корзину, где мирно посапывал Корбин, и в его глазах по-

явилось что-то новое, чему он не мог подобрать слов, но что чувствовал всем сердцем.

— Мы и вправду уцелели, поверить не могу, — тихо проговорил он, всё ещё сомневаясь: их дом остался целым, пока вокруг всё рушилось, и это казалось чудом.

Мира кивнула, руки её слегка дрожали от напряжения, но она старалась держаться спокойно ради детей.

— Эта развалина — единственное, что у нас есть, — произнёс Гарольд, помедлив и переводя взгляд на корзину. — А ребёнку нужен дом побогаче. Мы не сможем дать ему всё, что нужно для достойной жизни, и это меня тревожит.

— Не только это, — заметила Мира, и в её голосе прозвучала твёрдость, которой раньше не было, когда речь шла о чужих детях. Материнский инстинкт уже пробудился к этому малышу, и она не могла отдать его кому попало, чувствуя, что за одну эту ночь он стал частью семьи. — Мы не будем отдавать малыша абы кому. Новые родители должны о нём позаботиться, уделить внимание и заботу, а не просто взять из жалости.

— Кому-то, у кого проблем поменьше, чем у нас, — согласился Гарольд, понимая, что она права, хотя внутри ещё боролись сомнения.

Мира кивнула. Через час, когда буря окончательно утихла, они вышли на улицу, чтобы оценить масштаб разрушений. Вокруг царило сплошное разорение: покосившиеся ограды, сорванная кровля, осколки оконных рам. Повсюду

люди с инструментами принимались за срочный ремонт; на лицах читались усталость и тревога за потерянное.

— Гарольд... — тихо произнесла Мира, оглядываясь и не веря глазам: увиденное превосходило все ожидания. — Посмотри. У всех всё разрушено, а наш дом...

Гарольд проследил за её взглядом и медленно кивнул. Внутри разрасталось тихое изумление, смешанное с благодарностью. Среди всеобщего хаоса их дом стоял целым и невредимым — единственный на улице, защищённый упавшей крышей рафинерии, вставшей как щит.

— Меньше всего проблем сейчас у нас, — закончил он за неё. В голосе звучало не торжество, а тихое изумление перед тем, как удача обошла их стороной, и он понял: это не случайность.

Они направились к зданию мэрии: Рион просил найти дом для ребёнка, и супруги решили выполнить просьбу как можно скорее, пока буря не принесла новых бед. Мира сжала губы, уже зная, что их ждёт отказ: после такой бури мэру не до чужих проблем, он вряд ли станет слушать бедных соседей. Дверь приоткрылась, из щели выглянуло усталое, раздражённое лицо помощника мэра, не давшего им рта раскрыть.

— У мэра нет времени! — выпалил он, даже не взглянув на них; голос его был резким и нетерпеливым. — Половина города без крыш, другая половина в развалинах! Если вы не ранены, разбирайтесь сами!

Он захлопнул дверь с грохотом. Мира и Гарольд остались на крыльце, глядя на закрытую дверь и чувствуя себя униженными и растерянными.

Они переглянулись. В этом взгляде читалось понимание: после такого отказа никто в городе не возьмёт ребёнка, кроме них самих, и это было одновременно и пугающе, и обнадёживающе. Мира крепче прижала корзину с Корбином к груди, и в этот момент страх и сомнения исчезли, оставив лишь спокойную, твёрдую решимость.

— Пойдём домой, Гарольд, — сказала она, и в голосе не было сомнений. — У нас есть дом, который нужно сделать более уютным, и, кажется, теперь у нас есть ещё один сын. Мы не отдадим его никому.

Гарольд молча кивнул, понимая: удача ребёнка привела его именно к ним, и они не имеют права его отдавать — это было бы предательством того, что они пережили вместе. Они развернулись и зашагали обратно по улицам, где уже кипела работа: люди таскали доски, сбивали заборы, выносили мокрый хлам. Никто не разговаривал — все слишком устали и злились на бурю, чтобы тратить силы на пустые слова, и эта тишина была красноречивее криков. Мира посмотрела вниз: Корбин в корзине даже не проснулся, словно ничего не случилось, и его спокойствие успокаивало её.

Прошло несколько дней. У Риона не нашлось родственников, которые пришли бы за телом, поэтому его похоронили на местном кладбище вместе с другими жертвами бури.

Вейлы знали лишь то, что он сам рассказал за тот вечер, но этого хватило, чтобы считать его своим и взять на себя заботу о похоронах. Мира настояла на простом деревянном надгробии, Гарольд сам вырезал на нём имя. Многие приходили посмотреть на место, где внезапно, без видимых причин, умер никому не известный путник, переживший бурю; это вызывало любопытство.

Слухи расползлись быстро: их разносили соседи, видевшие, как он упал на мокрую брусчатку, и те, кто слышал его последние слова. Эти слова передавались из уст в уста. Долго ещё говорили на рынке, у колодцев, в тавернах о загадочном человеке, пережившем бурю и внезапно погибшем посреди улицы на ровном месте. Его последние таинственные слова — «Из-за меня ему понадобилась помощь...» — повторяли как заклинание, не понимая смысла, но чувствуя, что в них кроется что-то важное.

В итоге Рион добился того, чего хотел: его имя стало известно, о нём заговорили. Но не так, как он мечтал. Не как о великом маге, чьи навыки изменили науку, и не как о герое, не испугавшемся опасности, а как о жертве неизвестных обстоятельств, о странном чужаке, который пережил то, что должно было его убить, и умер тогда, когда должен был выжить. Это стало его истинным наследием. А потом о нём забыли — но не навсегда, а лишь на двенадцать лет, и эта цифра была весьма неслучайной.

Глава 7

Двенадцать лет спустя...

Серое утро едва разгоняло туман над дорогой. Внизу, в долине, петлял старый тракт, соединявший два крупных торговых города, — древняя магистраль, по которой ходили караваны из одной столицы в другую. Грузовозы гильдии Зеннат курсировали по ней регулярно, но здесь могли появиться не раньше чем через несколько часов — если, конечно, не лопнуло колесо или не застряли в грязи на переправе.

На скалистом обрыве, нависавшем над дорогой, догорал костёр. Ветер разносил запах сырого дерева и промокшей земли. Дым стелился низко, цепляясь за камни и коряги, которыми бандиты укрывались от утренней сырости.

Двое мужчин дремали, привалившись к сёдлам и натянув капюшоны на лица; их дыхание вырывалось паром и таяло в холодном воздухе. Третий сидел поодаль, на плоском камне, и сосредоточенно правил лезвие ножа о точильный камень. Сухой, монотонный скрежет вплетался в шум ветра, придавая происходящему размеренность, почти сонную.

У самого огня, вытянув замёрзшие руки к тлеющим углям, сидел Привал и чувствовал, как тепло медленно возвращается к пальцам. Он вернулся из заключения всего три дня назад и до сих пор не мог отогреться. В тюрьме холод пробирал до костей, но здесь, на открытом ветру, ощущался

иначе — забирался под плащ, под рубаху, сводил мышцы. Привал размялся, хрустнул шеей, провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и окинул лагерь взглядом: ничего не изменилось, пока он грелся.

Взгляд Привала зацепился за фигуру в стороне — незнакомый силуэт сидел на камне, отвернувшись от костра, и что-то делал с оружием. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, видел ли этого человека раньше, но память подсказывала: нет. За время его отсутствия в банде появились новые лица. Привал перевёл глаза на Ведро, который сидел рядом и жевал чёрствый хлеб, отламывая кусок за куском, погружённый в свои мысли. Привал пихнул его локтем и кивнул в сторону незнакомца.

— Это кто? Новый? — спросил он хрипло; голос ещё не до конца проснулся.

Ведро не сразу ответил. Прожевал кусок, вытер рот рукавом и только потом взглянул в ту же сторону.

— Да, новенький, — произнёс он негромко. — Шеф его привёл, с месяц где-то уже с нами.

Привал вскинул брови и перестал греть руки — новость застала его врасплох. Шеф редко приводил кого-то сам, обычно этим занимались другие, и уж точно никогда не приближал к себе новичков.

— Шеф привёл? Сам? — переспросил он. — Не узнаю я этого типа. Из какой он банды? Только не говори, что раньше работал один, — таких сразу гнать взашей.

— Нет, не одиночка, — Ведро откусил ещё хлеба. — Банда у него была. Накрылось всё. Еле ноги унёс, когда жарко стало.

Хмыкнув и проведя ладонью по щетине, Привал потянулся к фляге. Отвинтил крышку, сделал глоток — вода оказалась холодной, с привкусом железа. Протянул флягу Ведру. Тот взял, глотнул и вернул, вытирая губы.

— Откуда он? — спросил Привал, снова кивая в сторону незнакомца.

— Из Уэстенда, — Ведро оживился. — Дыра город. Говорят, лет двенадцать назад буря всё снесла. Один дом устоял. Байка, поди.

Ведро размял плечи и подбросил в костёр сухую ветку. Угли вспыхнули, на секунду осветив его лицо — шрам через левую щёку, глубокие тени под глазами, обветренную кожу, — и снова погасли, оставив лишь тлеющий жар.

Услышав про Уэстенд, Привал усмехнулся и покачал головой: он слышал об этом городишке, но ничего примечательного там не водилось.

— Уэстэнд, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Неужто нашёл там, что плохо лежит? А от нас ему что надо?

— Денег, наверное, или от кого-то прячется, — Ведро развёл руками. — Шеф не рассказывает, а я не спрашиваю.

Привал снова уставился на незнакомца. Тот сидел неподвижно, наклонив голову, и рука его двигалась с механической точностью: нож о камень, нож о камень — размерен-

но, без нетерпения, без суеты. Это спокойствие вызывало у Привала странное беспокойство: обычно такие люди не попадают в банды случайно.

— Позову-ка я его, — решил Привал после недолгого раздумья. — Расспрошу, что за птица.

Он поднялся, стряхнул листья с одежды и шагнул в сторону незнакомца, но Ведро коснулся его плеча — настороженно, почти предупредительно.

— Погоди, не спеши, — остановил он. — Сначала глянь на это.

Сунув руку во внутренний карман, Ведро достал помятую, сложенную в несколько раз листовку и протянул Привалу. Тот повертел её в руках — бумага грубая, пахла типографской краской и сыростью, будто её долго носили за пазухой. Развернув листовку, Привал поднёс её ближе к огню и увидел текст и схематичный портрет — нечёткий, смазанный, но достаточный, чтобы узнать человека при встрече.

Он пробежал глазами по строкам, и брови его поползли вверх: сумма, указанная внизу, была немаленькой — такие деньги не платят за мелкого воришку или случайного прохожего. Привал тихо присвистнул и опустил листовку.

— Ничего себе, — выдохнул он. — Кому-то он здорово насолил, раз такую награду назначили.

— Угу, — отозвался Ведро и сунул руки в карманы плаща, пряча их от холода.

Привал снова посмотрел на незнакомца. Тот по-прежнему

сидел на камне и теперь, кажется, проверял лезвие на остроту, проводя по нему пальцем. Солнце поднималось над горизонтом, и в первых лучах силуэт становился чётче. Привал разглядел его лицо — спокойное, почти безразличное к тому, что его изучают.

Имя из листовки уже вертелось на языке, но Привал в последний момент осёкся, не в силах вымолвить ни слова. Он стоял, приоткрыв рот, и не сводил глаз с незнакомца.

Заметив его замешательство, Ведро нахмурился.

— Ну? — поторопил он. — Зови, чего стоишь?

Привал замялся, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Не из полиции он? — понизил он голос почти до шёпота, чтобы не услышали спящие, и оглянулся, проверяя, не подслушивает ли кто. — Вдруг это подстава, а награда — лишь приманка?

Ведро фыркнул и покачал головой: вопрос показался ему глупым.

— Нет, точно нет, — он крошил хлеб. — Я сам там был. Он такую кашу заварил — город на ушах стоял. А мы в итоге с прибылью ушли. Полицаи так не умеют, у них кишка тонка.

Привал нахмурился, переваривая услышанное.

— Так ты говоришь, сам видел, как он это провернул? — переспросил он. — Мало ли, может, ему один раз повезло.

Он вздохнул и снова потёр лицо ладонью — щетина колола пальцы.

— Лёгкие деньги были бы, если сдать его властям. Награ-

да немаленькая, и никто бы не узнал, что это мы.

Ведро усмехнулся снисходительно, словно уже слышал эту мысль и знал, чем она кончается.

— Думали уже, — ответил он спокойно. — Шеф сказал, он нам полезнее здесь, чем в казематах или на виселице. Так что не суетись и не лезь с этим.

Привал в очередной раз окинул взглядом фигуру у костра. Незнакомец перестал править клинок и теперь смотрел в сторону дороги, где туман рассеивался, открывая вид на долину. В его позе чувствовалась уверенность человека, который знает, что его не тронут.

— Дело своё знает хоть? — спросил Привал.

— На словах — очень даже, — ответил Ведро и усмехнулся. — Посмотрим, что на деле покажет, когда грузовоз подойдёт.

Привал снова полез в карман, достал листовку и долго разглядывал портрет и текст, беззвучно шевеля губами. Он видел имя, напечатанное там, и знал, что может произнести его в любой момент. Но вместо этого сложил бумагу, сунул обратно за пазуху и перевёл взгляд на незнакомца — долгий, изучающий, словно пытался заглянуть ему в душу.

— Эй, Уэстэнд! Да, ты, новенький! Иди сюда!

Голова новичка вздрогнула от окрика. Движения замедлились, нож на мгновение замер в руке — будто он раздумывал, стоит ли отвлекаться. Он посмотрел на Привала: в его взгляде было любопытство, смешанное с лёгким удивлени-

ем, но без страха или тревоги.

Потом он поднялся с камня и направился к костру — спокойно, не торопясь. В походке чувствовалась уверенность человека, который не считает себя ни незваным, ни лишним.

Привал повернулся к Ведру.

— Уэстэнд? — переспросил тот. — Серьёзно, сразу даёшь погоняло?

— Сразу, — ответил Привал твёрдо. — Старое имя ему здесь не нужно, оно осталось там, в прошлой жизни. Теперь он наш и будет Уэстэндом. А сейчас пусть докажет, что заслуживает доверия. Если не докажет — я лично с ним разберусь.

Когда новичок подошёл, Привал оглядел его с ног до головы, отмечая каждую деталь: одежду, оружие, походку, выражение лица. Тот выглядел спокойным и собранным, лицо ничего не выражало — ни враждебности, ни страха, ни желания понравиться, лишь спокойствие. И это спокойствие одновременно внушало доверие и настораживало.

— Значит, ты тот самый, — заговорил Привал. — Шеф тебя хвалит, это я слышал. Теперь ты Уэстэнд, запомни, и не вздумай тут выпендриваться.

Незнакомец молчал, глядя на Привала и ожидая, и в его молчании не было ни вызова, ни напряжения — он просто ждал, зачем его позвали.

Ведро кивнул в сторону Привала:

— Это Привал. Недавно вернулся из заключения, так что

не в курсе всех новостей.

Привал усмехнулся, подтверждая слова товарища.

— Я пока не понял, хороший ты парень или нет, но время покажет, так что не торопись. Иди, дождись грузовоза, скоро он должен появиться.

Новичок кивнул, развернулся и пошёл обратно к своему камню, не сказав ни слова. Его молчание показалось Привалу почти вызывающим, хотя тот понимал: возможно, это лишь обычная осторожность. Проводив новичка глазами, Привал перевёл внимание на листовку, лежащую под плащом, и погладил бумагу рукой, словно проверяя, что она всё ещё при нём.

— Уэстэнд, — прошептал он себе под нос. — Теперь ты наш, и старой жизни у тебя больше нет.

Ведро снова придвинулся к костру и подбросил в огонь сухую ветку, потом уставился на дорогу внизу, где туман продолжал рассеиваться. Уже можно было разглядеть старый тракт, по которому скоро должен пройти грузовоз. До его появления оставалось всего несколько часов.

Глава 8

Шестью месяцами ранее...

Стоя на пороге своего всё ещё целого дома, Гарольд смотрел, как младший сын Корбин натягивает слишком большой для него сапог. Мира, жена, суетилась рядом, поправляя воротник его рубахи.

— В прошлом месяце там мальчишка в омут упал, — говорила она уже в третий раз. — Держись подальше от глубоких мест, ладно?

Гарольд молчал, но челюсть сжал так, будто сам собирался идти с сыном и охранять его от всех опасностей мира. Корбин кивал, хотя было видно: мыслями он уже на улице.

Прислонившись плечом к дверному косяку, стоял старший брат Корбина, Лейтан.

— Мама, ты же знаешь, он у нас самостоятельный, — заметил он. — Но если полезет в воду, я его сам за шиворот вытащу. Не переживай так.

Затем, кивнув в сторону брата, он продолжил, и в голосе его прозвучало нечто такое, от чего Гарольд нахмурился ещё сильнее.

— Скучно в Уэстенде, — вздохнул Лейтан. — Вот бы рвануть куда-то. Чтобы раз — и деньги, а потом до старости ноги на стол. Представляешь?

Взгляд Миры, брошенный на старшего сына, выражал та-

кое же недоумение, будто он только что предложил ограбить банк.

Лейтан нёс свою старую удочку — видавшую виды, с потёртой рукоятью и леской, перевязанной в трёх местах, — а для Корбина прямо по дороге мастерил вторую, из тонкой ветки и бечёвки, которую стащил у соседки. Корбин нёс сачок и ведёрко с наживкой, с надеждой поглядывая на брата.

— На, держи. Только червей сам добывай — я свои руки для более благородных дел берегу, — протянул он конструкцию Корбину.

Скривившись, Корбин удочку всё же взял. Братья остановились у старого вяза и принялись копать. Мальчик морщился каждый раз, когда пальцы касались холодного скользкого червя.

Когда братья вышли к реке, на знакомом берегу уже сидели двое. Олдрик Болден, сын владельца рафинерии, важно восседал на складном стульчике, который принёс за ним дворецкий. Рядом стояла Сенра, дочь мэра, и внимательно смотрела на воду. Слуга, высокий худой мужчина в безупречном камзоле, держал в руках редкий в этих местах предмет — зонт, хотя солнце едва проглядывало из-за облаков, а дождя не было и в помине.

На мгновение Корбин замер и обернулся к Лейтану. Тот пожал плечами.

— Ну, пойдём поздороваемся.

Олдрик поднял голову с таким видом, будто его прерва-

ли в разгар важных государственных дел. Он улыбнулся той улыбкой, которая означала: сейчас будет сказано нечто, от чего собеседнику станет неловко.

— А, соседи! — воскликнул он. — Как вовремя. Помните бурю? Когда наша крыша удачно приземлилась на ваш дом? Моя семья всё ещё ждёт благодарности. Ваш домишко стоит только из-за нас.

Он окинул Корбина, а затем Лейтана самодовольной улыбкой.

Услышав эту тираду, Лейтан медленно выпрямился и уставился на Олдрика так, будто тот сморозил невообразимую глупость.

— При всём уважении, тогда нам стоит благодарить бурю — это она подбросила нам вашу крышу. Вы же не предложили нам ничего полезного.

Олдрик открыл рот, чтобы возразить, но Лейтан уже отвернулся и принялся разматывать снасть. Сенра тихо хмыкнула и спрятала улыбку. Дворецкий неодобрительно покачал головой.

Из-за спин мальчиков Сенра шагнула вперёд и встала между ними.

— Мы все тогда были несмышлёными карапузами, о чём вы говорите? Давайте оставим это в прошлом — память такая штука, иногда лучше не ворошить.

Она посмотрела на Корбина и кивнула в сторону свободного места на берегу.

Лейтан прекрасно понимал, что во время бури он как раз карапузом не был — ему тогда исполнилось восемь. Тот вечер, когда к ним нагрянул внезапный гость, он отлично помнил, но решил промолчать и не портить намечающееся примирение.

— Место рядом свободно, — сказала Сенра. — Рыба сегодня, говорят, добрая — сама на крючок просится. Но если не клюнет, хотя бы тихо посидим.

Олдрик пожал плечами и вернулся к своему удилищу, делая вид, что ничего не произошло.

Корбин постоял немного в стороне, переминаясь с ноги на ногу, а потом шагнул к Олдрику.

— Тут и правда не занято? — спросил он с осторожностью.

Слуга тут же нахмурился и сделал шаг вперёд, собираясь возразить, но Лейтан опередил его, дёрнув брата за рукав.

Олдрик махнул рукой.

— Садись, конечно. Только если рыба уйдёт — я буду знать, кто виноват.

Дворецкий закрыл рот, но продолжал сверлить Корбина взглядом, будто тот только что сел на трон без разрешения.

Устроившись рядом с Олдриком, Корбин оглядел его снасть — толстая леска, блестящий крючок, аккуратно насаженный червь. У Корбина всё было проще — тонкая ветка, бечёвка и крючок, который Лейтан смастерил по дороге.

Олдрик поинтересовался:

— Ну что, червяки уже на крючке, или так и будешь на них смотреть?

Корбин покосился на ведёрко, в котором копошились серые скользкие создания, и поморщился.

— Выкопал — да. Но насаживать? Нет уж. Они холодные и какие-то... слишком живые. Пусть живут.

Олдрик поднял бровь, а Лейтан только фыркнул.

— Я же говорил — пора быть самостоятельным.

Олдрик задумался на мгновение, а потом его лицо просветлело той самой улыбкой, от которой у дворецкого начинала дёргаться щека.

— А знаешь, есть идея — лови так, без наживки, — предложил он, изо всех сил сдерживая смех. — Вдруг рыба сама заинтересуется — что это за блеск такой в воде? Будет научный эксперимент.

Терпение сопровождающего лопнуло.

— Мастер Олдрик, может, всё же не стоит? Дети знатного рода обычно не устраивают таких шуток.

Олдрик взглянул на дворецкого с невинным видом.

— Я не шутил. Это эксперимент.

Сенра, сидевшая немного в стороне, тихо вздохнула и покачала головой.

Корбин опустил глаза на свою удочку, потом на ведёрко с червями. Затем взял прут, не притронулся к червям и закинул пустой крючок в воду. Олдрик открыл рот, собираясь сказать что-то вроде «я же пошутил», но Корбин уже удобно

устроился и смотрел на поплавок с таким видом, будто делал всё правильно с самого начала.

Лейтан перестал копаться в земле и уставился на брата с выражением человека, давно привыкшего к таким фокусам.

— Ну-ну, — пробормотал он и вернулся к своим червям.

Тогда никто на берегу не знал, что под перекатом, в глубокой тени подмытого берега, уже неделю держалась стая эфирных окуней — той самой редкой рыбы, что светилась изнутри и ценилась в столице на вес золота. В этом месте реки она ничего не ела. То ли вода была для неё слишком холодной, то ли привычная добыча не поднималась так высоко против течения, но окунь проходил мимо любых наживок равнодушно, и потому на удочку здесь его не ловил никто и никогда. Ниже по течению гильдия рыболовов вылавливала его сетями, а у города он оставался лишь слухом, красивой байкой для приезжих.

Но в то утро в реку вмешалась сила, которая не спрашивала ни у рыбы, ни у людей, чего они хотят.

Одна из рыбин — крупная, с серебристой чешуёй и тяжёлым осторожным нравом — проходила под перекатом, когда в воду опустился тонкий блестящий предмет. Для любой другой рыбы он остался бы безразличной мелочью — не еда, не добыча, не опасность. Но сила, что вела Корбина с самой поляны, коснулась и реки. Она не создала ничего нового — лишь повернула на самую малость то, что уже было у рыбы: её осторожность, её привычку охранять свою воду. Блеск ме-

талла в толще вдруг перестал быть безразличным. Рыба увидела в нём угрозу — тонкую юркую тварь, которая пришла в её воды и затаилась. И тогда окунь, не знавший в этой реке ни голода, ни страха, сделал то, чего не делал никогда, — метнулся к блестящему предмету, чтобы напасть первым, и с размаху заглотил его, рассчитывая раздавить врага челюстями.

Прошло минут десять. Олдрик поймал маленького окунька, Сенра — ничего, Корбин сидел неподвижно, как статуя. А потом его поплавок нырнул так резко, что удочка чуть не вылетела из рук.

— Есть! — крикнул он, но тут же понял, что рыба слишком большая: удилище согнулось дугой, леска натянулась до предела, а Корбина потащило вперёд.

Олдрик Болден вскочил со своего места, выронив снасть.

— Держи её! — закричал он, хотя Корбин и так держал изо всех сил.

Дворецкий бросился вперёд, забыв про зонт, который так и остался лежать на траве.

В тот же миг Лейтан отшвырнул червей и подбежал к брату, схватив удочку сверху. Слуга, несмотря на безупречный камзол, встал на колени у самой воды и тоже ухватился за леску.

— Тянем вместе! — скомандовал он, и в его голосе впервые за день не прозвучало ни капли неодобрения.

Сенра отступила на шаг, чтобы её не забрызгали. Рыба

билась, вода кипела, и постепенно из глубины начала подниматься большая голова — чешуя блестела на солнце, рот жадно открывался и закрывался.

Сглотнув, Олдрик выдохнул, не сводя глаз с рыбы.

— Это... это же деликатес!

Рыбу вытащили на берег. Она оказалась огромной — почти с руку длиной, с блестящей серебристой чешуёй и важными, даже немного обиженными глазами. Корбин отступил на шаг и посмотрел на неё с обидой.

— Можно я её отпущу? — тихо спросил он. — Она не виновата, что ей на крючок захотелось.

Дворецкий, всё ещё стоя на коленях, замер и поднял на мальчика изумлённый взгляд.

— Отпустить? Молодой человек, это рыба, которую в столичных резиденциях подают под серебряными крышками. Её весной ловят по специальному разрешению, а вы хотите вот так взять и...

Он не договорил, потому что Корбин уже наклонился, будто и правда собирался вернуть рыбу в воду. Но Лейтан, хмыкнув, положил руку ему на плечо.

— Погоди, братец. Деньги в семье не лишние.

Дворецкий, опомнившись, поднялся, отряхнул колени, поправил камзол и с достоинством вытащил кошелёк.

— Молодой человек, — обратился он к Корбину, — вы поступили... необычно. Но благородство не измеряется серебром. За зрелище я обязан заплатить.

Он отсчитал монеты и передал их старшему из братьев — Лейтану. Корбин же с лёгкой грустью провожал взглядом рыбу, которую дворецкий бережно поднимал с земли, чтобы отнести её мэру.

На берегу повисла тишина. Олдрик уставился на пустые руки Корбина, потом на своё ведёрко с крошечным окунем и молчал.

С берега раздался смех Лейтана — он хохотал так, что чуть не упал в воду.

— Ну, братец, ты даёшь! — выдавил он сквозь смех. — Сам того не зная, поймал деликатес для мэра!

В глазах Сенры мелькнуло одобрение, хотя на губах застыла едва заметная улыбка.

Олдрик наконец глянул на своего окунька, который теперь казался совсем крошечным по сравнению с трофеем Корбина, и вздохнул. Он хотел сказать что-то колкое, но передумал и лишь криво усмехнулся.

— Ну, по крайней мере, мой эксперимент удался, — пробормотал он себе под нос. — Иногда клюёт и без наживки.

Опустившись на траву, Корбин положил удочку рядом и вгляделся в реку. Вода уже успокоилась, и ничто не напоминало о только что разыгравшейся битве, кроме мокрых штанов и сбитого дыхания.

— Хороший был день, — произнёс он тихо, ни к кому не обращаясь.

Лейтан хлопнул его по плечу.

— Ещё бы. Теперь лет пять будут припоминать. Для нашего города — событие.

Солнце выглянуло из-за облаков, и на воде заиграли блики. Дворецкий тем временем бережно завернул рыбу в белый платок, который достал из внутреннего кармана, и прижал свёрток к груди, как прижимают нечто хрупкое и ценное. Он не оглянулся на зонт, забытый на траве, и не оглянулся на детей. Он шёл быстро, чуть ли не вприпрыжку, и на губах его играла редкая для него улыбка — не дежурная, не снисходительная, а настоящая, довольная улыбка человека, который уверен, что принёс хозяину нечто исключительное.

За всю свою службу он выучил одно простое правило: безупречные манеры, выдержка и преданность делу хозяина — единственное, что отделяет дворецкого от хаоса внешнего мира. Пока он следует этому правилу, ничто не способно выбить почву у него из-под ног: ни капризы господ, ни сплетни прислуги, ни дерзость незваных гостей, ни невежество местных чернорабочих. Он пока не знал, что несёт в руках не просто рыбу, а первую искру того пожара, который через несколько месяцев перевернёт весь город и впервые в жизни заставит его усомниться в том, что выдержка и верность хозяину способны защитить от настоящих потрясений.

Глава 9

В столовой мэрии на втором этаже накрыли обеденный стол — событие почти столь же редкое, как появление деликатесной рыбы в этих краях. Мэр Эдгар сидел во главе, рядом — его жена Амелия в шёлковом платье и дочь Сенра, державшая вилку так, будто это был государственный документ, требующий подписи. Дворецкий подал блюдо под серебряным колпаком, и мэр откинул его с видом человека, открывающего сундук с сокровищами. Поднявшийся аромат заставил его сглотнуть. Он отрезал кусок, положил в рот и замер на пять секунд — для него это равнялось вечности.

— Потрясающе... Я такое ел лишь однажды, и то в детстве. Откуда у нас в Уэстенде подобное сокровище? — произнёс он, закрывая глаза.

Сенра отложила вилку и с любопытством взглянула на отца. Амелия лишь улыбнулась уголками губ. Открыв глаза, мэр дал волю тому самому огню, который домашние уже научились распознавать, — предвестнику очередной авантюры.

— Уже много лет в этой должности, но такую рыбу вижу впервые, — продолжил градоначальник, взглянув на слугу. — Скажи честно, ты сам её выловил или привёз откуда-то?

Дворецкий выпрямился, сложив руки за спиной.

— Отличное наблюдение. Вы правы, это деликатесная

речная рыба, очень редкая. Из нашей реки, выловлена по всем правилам, не извольте беспокоиться.

Мэр отрезал ещё кусок и не унимался.

— Из нашей реки? По правилам, без сетей, удочкой? Это ведь не шутка?

Распорядитель кашлянул в кулак.

— Её поймал местный мальчишка. Прямо здесь, на обычную удочку. Я выкупил её сразу, как увидел, — знал, что она того стоит.

На мгновение мэр застыл с вилкой на полпути ко рту, так что кусок едва не выпал и лишь чудом удержался на месте.

— Мальчишка? На удочку? В нашей реке?

Сенра тихо хмыкнула, продолжая есть. Амелия с лёгким беспокойством взглянула на мужа: она уже видела, как загораются его глаза при слове «бизнес».

Мэр поставил вилку, на сей раз аккуратно, и посмотрел на дворецкого с серьёзностью, будто речь шла о судьбе государства, а не о трапезе.

— Надеюсь, цену ты уже знаешь? Или мне самому догадываться, сколько мы только что съели?

Заминка слуги длилась лишь мгновение.

— Скажем так, если бы мы продали эту рыбу, то могли бы заплатить жалованье половине городской стражи за месяц. Однако кому? Местные жители такую цену не потянут.

Эдгар медленно кивнул, пальцы его застучали по столу. Сенра отложила прибор и взглянула на мать. Та едва заметно

покачала головой, но промолчала.

— Цифру, я надеюсь, ты мне сейчас назовёшь, — голос мэра стал жёстким, и дворецкий невольно отступил на полшага. — Не виляй.

— Один экземпляр... около пяти золотых. Это если рыба средняя. А если крупная — цену даже я не решусь назвать. Нужно будет устраивать аукцион. Разумеется, за этот экземпляр я отдал лишь то, что имел при себе.

Услышав сумму, Эдгар присвистнул. Сенра отложила вилку.

— Папа, ты ведь не хочешь снова... того же, что было с прошлым проектом? — начала она, но отец уже не слушал.

Он смотрел в окно, за которым вдалеке текла та самая река, где, оказывается, водятся пятизолотые рыбы.

— Пять... золотых? За рыбу? В нашей реке? И мы её ещё не ловим? — спросил мэр, хотя уже догадывался об ответе.

Дворецкий вздохнул.

— Поначалу я сомневался, но, посоветовавшись с поваром, мы точно установили — это эфирный окунь.

— Окунь, кажется, рыба обычная, — засомневался градоначальник.

— Только не этот вид, — пояснил слуга. — В его теле содержится магия, пусть и не сильная. Обладает лечебными свойствами. Оздоравливает тело при частом употреблении, продлевает жизнь лет на пять. Спрос, разумеется, невероятный.

— Начинаю понимать, — кивнул Эдгар, — но почему я не вижу его на своей тарелке ежедневно?

— Гильдия рыболовов. Монополия. Ловят сетями ниже по течению, а нам — только удочки и лишь для своих.

— Это у них такое к нам предложение?

— Увы, это закон, подтверждённый магами, — ответил дворецкий. — Гильдия отдаёт им сорок процентов улова бесплатно, и те держат запреты на ловлю сетями для нас в силе.

Мэр нахмурился. Амелия наконец заговорила:

— Эдгар, послушай меня, прошу тебя. Ты же знаешь: если гильдия узнает, что мы собираемся конкурировать, нас с потрохами съедят.

Но муж уже не слушал. Он смотрел на последний кусок рыбы в своей тарелке, и его пальцы снова застучали. Он отодвинул нетронутый картофельный гарнир и встал — решительный, будто собирался спасать мир.

— Обед был замечательный. Но, кажется, я придумал, как сделать его ещё лучше, — сказал он. — В нашем городе открывается новое дело. Пора выходить из нищеты, согласны?

Сенра взглянула на мать, и та едва заметно развела руками: жест означал «твой отец опять затевает что-то сомнительное». Мэр вышел из столовой, не посмотрев ни на жену, ни на дочь. В коридоре остановился, снова бросив взгляд в окно.

— Удочки... Только удочки. Кто бы мог подумать, что на-

ша река — не вода, а целая золотая жила. Нужно будет найти побольше удочников, — пробормотал он и улыбнулся той улыбкой, от которой у его помощника обычно начинала дёргаться щека.

Войдя в кабинет с папкой под мышкой, Сайлас застал мэра у окна. Эдгар глядел на реку, выстукивая по подоконнику знакомый ритм.

— Сайлас, ты у нас человек с цифрами на уме. Скажи, если я предъявлю тебе... как его... эфирного окуня, сколько ты готов заплатить? — произнёс он, не оборачиваясь.

Помощник замер, так и не дойдя до стола. Вопрос был неожиданным.

— Стандартная цена пять золотых, можно торговаться, но таких денег нет ни у меня, ни у рафинерии. Это деликатес для богатеев, — ответил он, хотя точной цены не знал, но уже понял: это не вопрос, а начало.

Мэр наконец обернулся, и в его глазах горел всё тот же авантюрный блеск, от которого у Сайласа пробежал холодок по спине.

— Я хочу открыть элитный ресторан, — объявил Эдгар. — Прямо здесь, в Уэстенде. Будем подавать деликатесную рыбу, как в столице. Собственная ловушка для богатеев. Я сам пробовал — это не бизнес, а золотое дно.

Сайлас сжал папку крепче.

— Господин мэр, можно мне хотя бы договорить? — начал он, но тот уже не слушал.

Помощник вышел из кабинета, прижимая папку к груди, как щит, хотя щит из заверенных печатями документов был не слишком надёжен против мэра. В коридоре он столкнулся с Амелией. Она стояла у окна, глядя в сад; её шёлковое платье зашелестело, когда она обернулась.

— Сайлас, вы ведь всегда всё знаете раньше меня. Мой муж опять что-то затеял. Скажите, в этот раз он хотя бы спросил чужого мнения? — произнесла она с лёгкой улыбкой.

Он откашлялся и выпрямился.

— Госпожа Келл, боюсь, у меня для вас новости, и не самые простые. Ваш муж планирует открыть ресторан.

— Кажется, пока звучит не так плохо, — заметила Амелия.

— Деликатесной рыбы. Идея — обслуживать клиентов самого высокого сословия по самому высокому разряду. В нашем городе подобного проекта не было ни разу. Я постараюсь, чтобы расходы не превратились в очередную чёрную дыру, но, как вы знаете... у него своё мнение на этот счёт.

Женщина кивнула, и её улыбка стала чуть теплее.

— Вы такой заботливый. Другая на моём месте уже давно бы вас приметила. Скажите честно — вы вообще думаете о женитьбе или работа для вас главная невеста?

Помощник заколебался. Он не любил обсуждать личную жизнь на службе и обычно пресекал подобные разговоры, считая их непрофессиональными. Но почему-то резкость в

адрес жены мэра давалась ему с трудом. Она ему нравилась, и он признавал это с сожалением.

— Надеюсь, когда-нибудь женюсь, — сказал он. — Но точно не сегодня.

Амелия тихо рассмеялась, и её голос стал серьёзнее.

— Знаете, я не знаю, как у вас с романтикой, но брак по расчёту — не так уж плохо. Любовь уходит, а расчёт остаётся. Я сама так вышла замуж и ни разу не пожалела.

Услышав такое, Сайлас взглянул на неё, не зная, что ответить.

— Брак... это ведь не контракт. Это целая жизнь. В таком деле нужно всё хорошо взвесить и обдумать.

Амелия посмотрела на него с лёгким сочувствием.

— Мой муж не боится ошибаться — и на мне женился, и в бизнес лезет. А вы как будто страшитесь даже шаг сделать. Может, пришло время рискнуть? Хотя бы раз.

Она положила руку на его рукав лёгким жестом, от которого у него перехватило дыхание.

— Подумайте. Но долго не думайте — жизнь не ждёт, — сказала она и пошла по коридору, оставив его стоять с папкой в руках и странным чувством в груди.

Постояв в пустом коридоре ещё несколько секунд, Сайлас глубоко вздохнул и направился выполнять поручение: нужно было начать организацию ресторанного бизнеса, выяснить, есть ли здания, которые можно переделать под заведение и подобие гостиницы. Он отдал начальные распоряжения, со-

брал кое-какую информацию и двинулся обратно. По дороге поймал себя на мысли, что впервые за долгое время думает не о работе. Покачал головой и постучал в дверь.

— Входите, не задерживайтесь — у нас тут бизнес на пять золотых за рыбину висит, — отозвался мэр.

Войдя, Сайлас прижал папку к груди и почувствовал, что его щёки всё ещё горят после разговора с Амелией — словно он не беседовал, а бегал по коридору.

— Господин мэр, я понимаю, что вы воодушевлены, и не хочу показаться занудой, но... Прежде чем открывать ресторан, давайте проверим, есть ли в реке ещё хоть одна такая рыба. Пока что это лишь удача, а не бизнес, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Мэр нахмурился.

— Ты вечно мне возражаешь. Я пробовал её, я знаю, что это такое. Она лежала на моей тарелке, причём тут удача? Или ты мне не веришь? Дело проверенное — я сам ел эту рыбу.

Сайлас продолжил, не сдаваясь.

— Но, господин мэр, посмотрите правде в глаза: роскошный ресторан — это кредиты, аренда, строительство. Город ещё не оправился от прошлого... Придётся брать заём, а мы и так под давлением.

Не слушая возражений, Эдгар махнул рукой.

— Оно того стоит. Ты не видишь потенциала, а я вижу. Удочки, река, свежая рыба — это наше преимущество. Я не

собираюсь упускать такой шанс.

Помощник спросил, чувствуя, как голос его становится всё тише:

— А как же гильдия рыболовов? Это, пожалуй, самый неприятный вопрос. Они ведь для того и добились запрета сетей, чтобы никому не дать конкурировать. Если нас засудят, будет не до рыбы.

Мэр усмехнулся.

— Удочки — законно. Гильдия не сможет нам ничего предъявить. И я уже договорился с дворецким — поставки будут.

Он подошёл к окну и взглянул на реку. Сайлас перевёл взгляд с градоначальника на папку в своих руках, потом снова на него.

— Я обязан вас предупредить, — сказал он тихо. — Мы не знаем ни запасов рыбы, ни настоящей цены этого ресторана, ни реакции гильдии. Это риск, и вы это знаете.

Мэр обернулся, в его глазах снова зажглось упрямство.

— Ты вечно меня отговариваешь. А я уже попробовал и знаю, что оно того стоит. Секрет успеха — больше попыток. Пока одни работают над одной годами, я делаю десяток за месяц. Да, кое-что проваливается, но и успехи бывают. Так я и стал мэром.

В конце концов Сайлас закрыл папку и кивнул.

— Как скажете. Я прослежу, чтобы расходы не превратились в катастрофу. Но предупреждаю — если что-то пойдёт

не так, я буду первым, кто скажет «я же говорил».

Эдгар улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Вот за это я тебя и ценю. Ты всегда осторожничаешь, но в итоге всё получается.

Помощник вышел из кабинета с тяжёлым чувством, что всё получится совсем не так, как хочет мэр.

Через неделю ресторан «Речные деликатесы» распахнул двери. Но это не было народным гулянием: мэр лично разослал приглашения самым богатым купцам, землевладельцам, магам из окрестных городов и паре столичных гостей, проезжавших через Уэстенд. На крыльце стоял вышколенный дворецкий в новом камзоле, сверяя имена с позолоченным списком, рядом — Эдгар Келл, сияющий в одеянии, сшитом женой специально для этого вечера.

Горожане толпились за ограждением, разглядывая экипажи с гербами и дам в шляпах. Кто-то одобрительно кивал, кто-то скептически качал головой. Старый рыбак Томас сплюнул в пыль:

— И это всё ради какой-то рыбы? Да я каждый день что-то таскаю из нашей реки, только мне за это никто пяти золотых не даст.

— Потому что ты не то ловишь, — усмехнулся сосед. — Говорят, нужна такая, от которой молодеют, и мужская сила прибавляется, и волосы снова растут.

Мэр перерезал ленточку.

— Господа, ресторан «Речные деликатесы» открыт! Пер-

вый месяц — спецпредложение. Все блюда из эфирного окуня, выловленного в нашей реке по всем правилам. Запись по предоплате, места ограничены. Мы ждём вас, господа! — громко объявил он.

Внутри столы ломились от серебра и хрусталя. Дворецкий подавал рыбу под крышками, повар выходил с пояснениями, какой именно кусок от какой части и как он влияет на здоровье. Высокородные гости, каких город ещё не видел, расталкивая друг друга локтями, ринулись к столам.

В первые дни ресторан действительно начал приносить доход. Дворецкий приносил улов каждое утро — одну, иногда две штуки, завёрнутые в мокрую ткань.

— Это от того мальчика, Корбина, — пояснял он мэру. — Ловит на удочку, как договаривались. Одну-две в день, больше отказывается. У других рыбаков дела хуже, точнее, совсем никак — что с наживкой, что без оной.

Мэр кивал и улыбался.

— Видишь, Сайлас? Дело проверенное. Рыба есть, ресторан работает, всё получается.

Некоторое время помощник смотрел на небольшой кусок на блюде одного из гостей и молчал.

— Господин мэр, — сказал он наконец, — две рыбины в день... это немного для ресторана. Если делить её слишком мелко, вся польза исчезнет. Хватает на два столика, а у нас их десять, и мы уже берём предоплату за месяц вперёд. Если поставки прекратятся...

— Потом будет больше, — махнул рукой градоначальник. — Главное — начать. А гостиница уже строится. Ты видел, сколько богатых гостей приехало? Они будут возвращаться.

Сайлас сидел в своём кабинете, считая расходы. Аренда, перестройка здания, зарплата поваров, закупка утвари, реклама в столичных газетах — всё это стоило денег. Но предоплата от гостей покрывала текущие траты.

— Если рыба будет поступать хотя бы по пять штук в день, мы выйдем в ноль через три месяца, — пробормотал он, глядя на цифры. — Если случится задержка... гостиница простоит пустой, а мы останемся без средств.

Он покачал головой и закрыл папку.

После рабочего дня Сайлас заглянул в таверну «Последний шанец» — выпить кружку эля и отвлечься от цифр. За соседним столиком двое торговцев оживлённо обсуждали новый ресторан.

— Слышал, наш мэр открыл ресторан для богатеев. Говорят, тарелка супа стоит как корова, — сказал первый.

— Да, слышал. Только вот думаю — надолго ли хватит? Рыба одна, а гостей много. Говорят, они уже заплатили за месяц вперёд, — ответил второй.

— Если рыба кончится, придётся возвращать золото. А где мэр возьмёт столько денег?

Они рассмеялись. Глоток эля не развязал Сайласу язык — он промолчал. Он сидел и слушал, чувствуя, как внутренний голос тихо шепчет своё извечное «я же говорил».

Глава 10

Утро только начинало золотить верхушки деревьев, когда на берег вышли трое рыбаков. Они спустились к воде с удочками, но не столько для ловли, сколько чтобы пропустить по кружке и обсудить городские новости. Крупный мужчина с рыжей бородой заметил компанию у воды — Лейтан сидел на корточках, проверяя снасти, а трое младших, Корбин, Сенра и Олдрик, стояли рядом, готовясь к ловле. Рыжий усмехнулся, толкнув соседа локтём.

— Гляньте, наш «золотой мальчик» опять на месте! — крикнул он, кивая в сторону Корбина. — Тот самый, что без наживки рыбу поймал. И этот длинный, что за ними присматривает, тоже туда же — видно, мэр и его подрядил.

Второй, прикладываясь к фляге, хмыкнул.

— Ага. Только теперь и мы рыбу по-новому ловить должны. Раз у пацана вышло — значит, и мы сможем.

— По-новому? — третий усмехнулся, не веря ушам. — Да мы всё уже перепробовали. Пока сетями не разрешат — толку ноль.

— Мэр думает, мы маги, — рыжий развёл руками. — Раз должны без наживки. Или решил над нами поиздеваться, скотина такая!

Второй покачал головой.

— Он точно нас за дураков держит. Обещал платить за

рыбу, которую я в жизни не видел.

— Да мэр в рыбалке не смыслит! — фыркнул второй, закручивая пробку на фляге. — Сидит в ратуше, бумажки перекладывает, а от нас требует непойми чего. Дескать, у кого-то вышло — теперь и мы давай.

— Мы тут причём? — спросил третий.

— А притом, — второй стукнул кулаком по колену. — Ему рассказали про дорогущую рыбу, которую можно поймать на пустой крючок. Теперь он всех рыболовов в городе заставил это делать.

Третий засмеялся.

— А ты что хотел? Он же мэр, он всё знает. Ему объяснили, что есть такая рыба. Вот он и решил, что мы должны её ловить. А что мы раньше ни одной такой не поймали — его не волнует.

Рыжий добавил, кивая в сторону детей.

— Мальчишке повезло. Один раз вытащил — уже герой. Везение — оно как погода, сегодня есть, завтра нет. А мы тут каждый день торчать должны. Пришёл бы мэр сюда, посмотрел — понял бы, что без сетей тут делать нечего.

Рыжий перевёл взгляд на Сенру, стоявшую чуть поодаль.

— Эй, дочка мэра! — крикнул он. — Передай папаше, пусть сам придёт, посмотрит, как мы тут мучаемся. А то он в ратуше придумывает, а мы расхлёбывай. Скажи, чтобы завязывал.

Второй подхватил, обращаясь уже к Лейтану, который

поднялся и встал между рыбаками и младшими.

— А ты, молодой, хоть понимаешь, что такое рыбалка? Объясни ему, что мы тут время теряем, у нас дела есть! Зачем этих детей привёл? Только мешаешь.

Лейтан нахмурился, но промолчал, лишь положил руку на плечо Корбина, давая знак не отвечать.

Все замерли. Сжав кулаки, Корбин застыл на месте. Олдрик вспыхнул и шагнул было вперёд, но Лейтан перехватил его за плечо.

— Не обращай внимания, они злятся. Ты же знаешь, почему.

— Но они говорят про мэра! — прошептал Олдрик. — Как они смеют?

— Пусть говорят, — ответил Лейтан спокойно. — Это не наше дело. Теперь я за всеми вами присматриваю, и моё правило такое — мы ни во что не вмешиваемся, ни с кем не спорим. Если опять что-то поймаем — хорошо. Не поймаем — так ещё лучше. Вы уже и сами поняли, что наша затея не туда идёт.

Всё это время Сенра молчала. Она стояла неподвижно, глядя на рыбаков. Вот уже несколько дней, когда она приходила на берег, она слышала их. Но они не только смеялись — они обвиняли её отца в том, что он не понимает того, что делает. И в этом была доля правды, от которой становилось особенно больно.

— Они не имеют права так говорить, — произнесла она

тихо. — Он отстроил весь город после той бури.

Повернувшись к ней, Корбин позвал.

— Сенра? Если хочешь, можем пойти куда-то ещё.

На берегу реки она подняла голову. В её глазах блеснули слёзы, но она сдержала их.

— Я больше не могу слушать, как они обвиняют папу в том, чего он не понимает. Они правы — он не разбирается в рыбалке. Но он пытается! Он хочет, чтобы город жил лучше. А они только смеются. Я больше не могу.

Подойдя к Сенре, Корбин положил руку ей на плечо.

— Тогда мы уходим, — сказал он. — Я тоже больше не хочу быть здесь. Рыбаки, насмешки, рыбу из реки доставать... мне всё это не нравится.

Через мгновение они начали собирать вещи. Рыбаки, заметив это, засмеялись ещё громче, но дети не обращали на них внимания. Лейтан подошёл к троим младшим и тихо добавил.

— Я с вами. Я обещал дворецкому, что буду присматривать, и не собираюсь бросать вас. Если вы уходите — я тоже.

В этот момент на берегу появился дворецкий. Он спускался по тропинке с пустым садком в руках, готовясь принять улов. Увидев, что все собираются уходить, и услышав грубые выкрики рыбаков, он нахмурился, но не стал вступать в перепалку — подошёл прямо к ним.

— Доброе утро, господа, — произнёс он, останавливаясь в нескольких шагах. — Сегодняшний улов, я надеюсь, уже

готов?

Не колеблясь ни мгновения, Корбин поднял голову и посмотрел на него.

— Сегодня улова не будет, — ответил он спокойно. — И завтра тоже. И послезавтра. Мы уходим с реки.

Дворецкий моргнул, переваривая услышанное. Он окинул взглядом Корбина, пустой садок, остальных.

— Но... вы же ловили каждый день. Платили вам неплохо, господин Корбин. Если дело в цене, мы можем это обсудить. Вы сами говорили, что деньги пригодятся вашей семье. Да и ресторан мэра нуждается в поставках.

Корбин поднимался медленно, словно каждое движение стоило ему усилий. В глазах его читалась усталость, не свойственная его возрасту.

— Я больше не могу, — признался он тихо. — Эти рыбины смотрят на меня перед смертью. И мне надоело. Я не хочу, чтобы моя жизнь стала одной рыбалкой.

Дворецкий нахмурился.

— Понимаю, господин Корбин. Но вы вырастете, и вам нужна будет работа. Многие были бы рады такому успеху. А новый ресторан нуждается в поставщиках. Мэр оценил бы вашу надёжность.

— У меня другие планы, — коротко ответил Корбин. — Не знаю, чем я займусь, когда вырасту, но точно не рыбалкой.

Дворецкий посмотрел на Сенру, надеясь, что она скажет

что-то более разумное. Но, покачав головой, Сенра произнесла.

— Я тоже за то, чтобы уйти. Слышите их? Они смеются над отцом. Каждый день. Мне тяжело это говорить, но... я больше не могу. Пусть ловят что хотят и как хотят.

Дворецкий перевёл взгляд на Лейтана, стоявшего чуть в стороне, скрестив руки на груди.

— А вы, господин Лейтан? Я надеялся, что вы, как самый взрослый и рассудительный, скажете что-то более... практичное. Вы же понимаете, что без улова ресторан понесёт убытки. А деньги мы вашей семье платим неплохие. А этим невеждам мы прикажем держать язык за зубами.

На мгновение задержав взгляд на воде, Лейтан поднял голову. Внутри у него всё сжалось. Рыбаки были правы по сути — мэр и правда не разбирался в рыбалке, и его идеи мешали их работе. Сам выросший среди таких людей, Лейтан знал, что значит терять время и деньги из-за чужого невежества. Но он также знал, что эти же люди чересчур грубы и жестоки, когда говорят о родственниках мэра.

— Я понимаю их, — сказал он наконец тише, чем хотел. — Они правы, господин дворецкий. Мэр не разбирается в рыбалке. Он не должен был заставлять их ловить такую редкую рыбу. Это глупо. Но они не должны были так говорить при Сенре. И тем более так грубо. — Лейтан помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — И вот ещё что, и это уже не просто слова — гильдия рыболовов уже заметила, что

уловы упали. Они ищут, кто перехватывает рыбу. Узнают, что это всего один мальчишка, придут и создадут ему проблемы. Я не хочу, чтобы у моего брата были проблемы. Поэтому уходим. Отведу их подальше от реки. И буду присматривать.

Дворецкий открыл рот, чтобы спросить Олдрика, но тот уже стоял с рюкзаком на плече, готовый уйти.

— Не спрашивайте меня, господин дворецкий, — попросил Олдрик. Его взгляд метнулся от Корбина к рыбакам и обратно. — У вас и так много рыбаков, пусть они ловят. Нам здесь не место.

Про себя Олдрик думал совсем другое — хотел разыграть Корбина, этого простака, посмеяться, когда тот будет сидеть с пустым крючком, а у него вместо этого успех за успехом. Задумка была не такая. А когда задумки идут не по плану — терпеть этого не могу. Лучше пусть закончится, пока не переросло во что-то большее.

Вслух он этого не сказал. Он только скрестил руки на груди и отвернулся к реке, делая вид, что наблюдает за водой.

Дворецкий посмотрел на компанию — он уже всё понял. Корбин устал убивать. Сенра не могла терпеть насмешек. Лейтан, понимая рыбаков, выбирал дружбу и ответственность. Олдрик как будто бы скрывал свои истинные мотивы. Вздохнув, он опустил пустой садок на траву и поправил камзол.

— Я не могу с вами спорить, — согласился он наконец.

— Если гильдия действительно заинтересуется — неприятностей не оберёшься. Я сам доложу мэру, что у нас остались только городские рыбаки. От них, увы, мы магических рыб пока не видели.

На удочке Корбина дворецкий задержал взгляд.

— Господин Корбин, — обратился он тихо, — у меня к вам необычная просьба, и я понимаю, если она покажется странной. Продайте мне удочку. Только с ней получалось ловить эфирную рыбу. Я передам её нашим рыбакам, может, что-то из этого выйдет.

Впервые за это утро Корбин улыбнулся.

— Она ваша, — ответил он, поднимая удочку и протягивая дворецкому. — Берите даром. Мне она не нужна.

Дворецкий принял удочку с лёгким поклоном, словно принимал не обычную ветку с бечёвкой, а нечто ценное.

— Благодарю, господин Корбин. Вы поступили весьма благородно.

Корбин вскинул рюкзак на плечо и повернулся к друзьям.

— Пошли? — спросил он.

Компания двинулась прочь от реки — Лейтан впереди, трое младших за ним, а смех рыбаков постепенно таял за спиной, пока не остался только шелест травы под ногами и далёкий плеск воды, от которого теперь не несло рыбным запахом. Всю дорогу Сенра шла молча, но с каждым шагом её плечи расправлялись всё свободнее, будто с них снимали невидимый груз, накопившийся за эти дни у воды.

Когда насмешки стали едва слышны, Корбин остановился и обернулся — река осталась позади, такая же, как вчера и неделю назад, но теперь чужая, и он чувствовал это так ясно, будто между ним и водой легла невидимая граница.

— Знаешь, — произнёс он задумчиво, не отрывая взгляда от воды, — не жалею, что отдал удочку и больше не ловлю. Эта река начинала меня утомлять, и дело не в рыбаках — дело в том, что я не хочу, чтобы моя жизнь стала одной рыбалкой.

На тропинке Олдрик фыркнул и сжал кулаки, глядя себе под ноги, а внутри у него всё сжималось от той же мысли, что и вчера, когда Корбин вытащил деликатес, — всё пошло не по плану, и в следующий раз он будет умнее. Заметив его напряжённую позу, Лейтан слегка улыбнулся, но промолчал, потому что для себя он давно понял — успех Корбина был лишь верхушкой, под которой скрывались гильдия рыболовов, недовольные рыбаки и мэр, требующий невозможного, и Лейтан разглядел опасность там, где на поверхности был лишь успех, а потому сделал свой выбор — остаться с младшими, пока они не втянулись в то, из чего потом не выбраться.

Вскоре они подошли к старому вязу, и Сенра, остановившись, вдохнула полной грудью — воздух здесь был другим, чище и спокойнее, но больше всего её радовало не то, что рыбацкий запах ушёл, уступив место хвое и мокрой земле, а то, что здесь никто не кричал, не обвинял, не смеялся над

её отцом, и этой тишины ей было достаточно, чтобы почувствовать — теперь всё хорошо.

Взгляд Корбина устремился в сторону города, где за крышами виднелась дымка от труб, и он вдруг вспомнил, что Олдрик на днях рассказывал про новое место на окраине — проекционную, где через забор можно смотреть на магический экран с охотниками из пропитанного магией леса.

— Я знаю отличное место, — предложил он. — На окраине города есть проекционная с магическим экраном, говорят, показывают охотников, которые ловят тварей в лесу. Можно взять да и посмотреть.

Плечи Олдрика дрогнули, и он хотел возразить, что проекционная для взрослых, но в глазах уже мелькнул интерес, потому что если там показывают настоящих охотников, то можно будет взглянуть, как испугается при виде магической твари Корбин, который даже червяка насадить не может.

— Проекционная? — переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. — Это же для взрослых, нас прогонят.

— А мы посмотрим из-за забора, — усмехнулся Корбин. — Не сидеть же нам весь день под вязом, да и охотников интересно увидеть — говорят, они таких тварей ловят, что в два раза больше человека, и с клыками по локоть.

Сенра кивнула первой и повернулась к тропинке, ведущей к городу, потому что не хотела спорить, а Олдрик, услышав эти слова, только усмехнулся — он уже представлял, как будет припоминать Корбину это хвастовство, когда они добе-

рутся до проекционной и увидят настоящих охотников в деле.

Деревья сомкнулись над ними, и городской шум постепенно нарастал, а где-то в глубине леса, ещё далеко от города, в густом сумраке меж деревьев, что-то большое и тяжёлое ломало кусты, не торопясь, но и не останавливаясь — оно ещё не знало, что скоро побежит, и что побежит именно к городу под названием Уэстенд.

Глава 11

В густом лесу воздух был тяжёлым от сырости и полумрака, пахло гниющими листьями, мокрой корой и чем-то кисловатым, звериным, тревожным. Солнце уже клонилось к закату, и сквозь переплетённые ветви пробивались редкие золотистые лучи, но они тут же тонули в зелёном сумраке, не достигая земли. Где-то впереди, в глубине чащи, раздавался треск — тварь ломала кусты, не скрываясь, не таясь, и этот звук был единственным, что нарушало тягучую тишину леса.

Бранн шёл первым, сжимая в руке магический кристалл, который устойчиво светился ровным голубоватым светом. Прибор не только записывал происходящее — он передавал изображение на магические экраны в городе, и каждый, у кого был доступ в проекционный дом, мог видеть охоту в этот самый миг, словно стоял рядом. Бранн знал, что заряд кристалла рассчитан на несколько суток, и у них есть время, чтобы довести дело до конца.

Тарек двигался в нескольких шагах позади и то и дело оглядывался через плечо. Лес внушал ему недоверие — тишина внезапно сменялась треском, а тварь не рычала и не огрызалась, а бежала, не останавливаясь, не сбавляя шага. Пальцы сжимали арбалет, но обычный болт не причинил бы зверю вреда — лишь магия способна пробить шкуру. Её оставалось всё меньше, и каждый выстрел приходилось счи-

тать.

— Держи дистанцию, не приближайся, — сказал Бранн, не оборачиваясь. Голос звучал глухо в сыром воздухе. — Она должна устать, а не разозлиться. Если развернётся и пойдёт на нас, нечем будет её остановить, кроме как бежать. А я бегать не люблю.

Тарек молча кивнул, хотя Бранн не мог этого видеть. Он переложил арбалет в левую руку, вытер пот со лба и прибавил шагу. Снова треснула ветка — звук приближался. Тварь не сбавляла скорости, и это беспокоило больше всего. Такая выносливость говорила либо о безумии, либо о чём-то ещё более страшном.

— Сегодня мы с ней биться не будем, — сказал Бранн. В голосе его слышалась усталость, накопившаяся за долгие часы погони. — Она слишком сильна и быстра, в лесу у неё преимущество. Будем пугать её, преследовать, не давать спать и есть, гнать по кругу, пока не начнёт терять силы. Через сутки, может, двое — вымотается, и тогда ударим. Иначе не вернёмся, а город останется без защиты.

Бранн резко остановился — Тарек едва не врезался ему в спину. Кристалл на миг вспыхнул ярче и тут же погас, оставив лишь слабое свечение, по которому можно было отследить направление. Этого хватило, чтобы понять, что тварь не пошла к болоту, как они планировали, а свернула вглубь, туда, где больше добычи. К людям она не стремилась, и это было хорошим знаком.

— Она не туда идёт, — произнёс Бранн почти шёпотом, но в голосе уже не было страха — только усталое облегчение. — К окраине леса её не тянет. У нас есть время. Будем гнать ещё сутки, пока она не ослабнет, а потом ударим.

Тем временем в Уэстенде…

Лейтан уже привык к роли старшего — он следил, чтобы младшие не лезли в опасные места, и всегда держался чуть позади, готовый подхватить, если кто-то оступится. Сегодня он привёл их к забору — посмотреть на охотников через магический экран в доме напротив. Устройство показывало то, что происходило в лесу в этот самый миг, через кристалл охотника Бранна. Все, кто купил билет на сеанс, и ещё кое-кто, могли видеть каждый шаг, каждый поворот, каждую тень, мелькавшую между деревьями.

Прижавшись друг к другу у самого забора, Лейтан и трое младших — Корбин, Сенра и Олдрик — вглядывались в экран. Замерев от восторга, Олдрик приник к щели так плотно, что доска заскрипела. Он не отрывался, даже не моргал, будто боялся пропустить хоть одно движение. В его глазах горел тот самый огонь, что бывает у мальчишек, увидевших то, о чём мечтали всю жизнь.

— Гляньте на кристалл у него в руке! — прошептал Олдрик. — Он показывает охоту всему городу! Они прямо сейчас ходят где-то неподалёку!

Технология, позволявшая видеть происходящее в реальном времени, впечатляла Корбина, но на белом полотне

экрана он видел лишь быстро мелькающие деревья.

— Здорово, конечно, — фыркнул он. — Но пока ничего интересного. Они что, за это деньги берут? Билеты продают?

— А чего ты хотел?! — Олдрик резко обернулся. В его глазах загорелось возмущение — для него охота была символом всего, о чём он мечтал, славы, признания, приключений. — Охота всегда такая. Выматывают тварь, гоняют её целыми сутками, пока она не ослабнет. Это не беготня — это мастерство! А деньги берут за то, что можно увидеть зверя своими глазами, пусть даже издалека.

Корбин снова заглянул в щель, но быстро отстранился, разочарованно махнув рукой. На экране не было ни драк, ни магии, ни даже намёка на то, ради чего стоило торчать у забора. Он не понимал, почему все так возбуждаются из-за обычной беготни по лесу.

— Этого стоило ожидать, — заметил Лейтан. В его голосе послышалась скука, от которой у Олдрика начало подёргиваться веко. — Не могут же они драться с тварями каждый час. Охота — занятие в основном рутинное. Поиски артефактов, говорят, ничем не лучше. Хорошо, если группа путешественников хоть анекдоты рассказывает.

Олдрик резко повернулся к нему, и голос дрогнул от злости.

— Ты ничего не понимаешь! Даже шанс встретить тварь уже стоит денег! Ты же не знаешь, когда это случится.

— А я думаю, — возразил Корбин с самоуверенностью,

которая потом приведёт к тому, что он останется стоять перед тварью, не убегая, не прячась, — если берут деньги, должны показывать что-то интересное. Не могут же они сказать «приходите завтра, может, что-то будет». Они должны обещать схватку в определённое время. А потом брать деньги и собирать всех.

— Да ты что?! — Олдрик шагнул к нему. В его глазах было столько злости, что Лейтан нахмурился, но вмешиваться не стал — решил, что мальчишки сами должны научиться отстаивать свои слова. — Тварей нельзя бить по заказу! А охотники не актёры! Не могут сказать «сейчас я нападу, давайте начинать шоу».

— Вот именно, — кивнул Корбин с такой самоуверенностью, что Олдрик только сильнее разозлился. — На месте охотников я бы показал что-то интересное, а не обнадёживал попусту. Ходить по лесу часами — это не особо интересно.

— Да ты бы ничего не показал! — Олдрик покраснел, но не отвёл взгляда. В его глазах кипела злость. Сенра, стоявшая рядом, тихо вздохнула — она знала, что этот спор может длиться часами. — Ты даже червяка насадить не можешь без дрожи в руках!

— Червяки на меня не нападали, — усмехнулся Корбин с уверенностью, которая бывает у тех, кто ещё не знает настоящего страха. — Я бы показал что-то поинтереснее этих охотников. Что-то, за что не стыдно брать деньги.

— Давай, покажи, — рассмеялся Олдрик, — если кишка

не тонка.

— Как придумаю, что, сразу покажу, — заверил Корбин.

Тем временем, в сумерках Бранн и Тарек вылетели из леса на открытое пространство. Впереди расстилалась равнина, уже тонувшая в вечернем полумраке. Охотники остановились, тяжело дыша, и огляделись. Твари нигде не было. Лишь сломанные кусты на границе леса и вырванная с корнем трава на склоне указывали путь, по которому она пробежала.

— Она ушла, — выдохнул Тарек, опуская арбалет и опираясь на колено. В голосе его слышалось разочарование — он надеялся, что сейчас они догонят её, и всё кончится. — Мы потеряли след.

Бранн стоял неподвижно, вглядываясь в темнеющую даль. Пальцы сжимали кристалл — тот мерцал ровным светом, и он поднял прибор над головой, повертел, пытаясь уловить хоть слабый след. Свечение было ярким, и разглядеть направление не составляло труда.

— Нет, — сказал он наконец, опуская руку. — Она не ушла. Она прямо там.

Он указал вперёд, туда, где за равниной угадывались очертания города. В сумерках крыши казались почти чёрными, лишь редкие огни в окнах выдавали присутствие людей. Бранн перевёл взгляд с кристалла на Тарека, и тот бросил:
— Она идёт не обычным путём.

— Твари не выходят из леса без причины, — засомневал-

ся Бранн, но тут же услышал громкий треск поваленного дерева впереди. — Быть не может, что ей в голову взбрело?!

— Если так пойдёт, она выйдет к городу минут через десять. За ней, живо!

Тарек бросился вперёд. Взгляд его метнулся от Бранна к городу и обратно. Он хотел сказать что-то ободряющее, но не нашёл слов — сейчас всё зависело от того, успеют ли они до твари или она войдёт в город первой. Вместо этого он выпрямился, снова взял арбалет наизготовку и произнёс твёрже, чем ожидал: — Скорее. Даже если не успеем — будем рядом. Может, отвлечём, прежде чем она доберётся до людей.

Бранн кивнул и сорвался с места. Они побежали по открытой равнине. Ветер бил в лицо, земля уходила из-под ног. Где-то впереди, уже почти у самых окраин Уэстенда, мелькнула тень — огромная, чёрная, стремительная. Она была быстрее. Намного быстрее.

Никто из охотников не мог знать, что происходило в голове твари в тот миг, когда она свернула с привычного пути. А происходило нечто, чего не случалось за всю её жизнь.

Лес оставался её миром — знакомым, понятным, безопасным. Каждое дерево, каждый овраг, каждый ручей стояли на своих местах, неизменные, как и прежде. Она знала, где добыча, где укрытие, где можно спать, не опасаясь нападения. Лес не пугал — он был домом.

Равнина казалась иной — открытой, чужой, тревожной.

Там негде спрятаться, некуда отступить. Ветер дул иначе — не сквозь кроны, а прямо в морду, принося запахи, от которых шерсть вставала дыбом. А за равниной начинался город — шум, огни, сотни запахов, перемешанных в одну тошнотворную кашу. Движение, которого не бывает в природе, и голоса, от которых болели уши. Город вызывал не страх, а панику — слепую, животную, ту, что заставляет бежать прочь, не разбирая дороги.

И всё же что-то потянуло её туда.

Это началось не сразу. Сначала — лёгкое беспокойство, будто что-то изменилось в воздухе. Потом — смутное любопытство, чужое и непонятное, как заноза под кожей. Что там, за деревьями? Что за шум? Что за свет? Мысли, которые никогда раньше не приходили ей в голову, вдруг заполнили всё, вытеснив инстинкт, осторожность, привычку. Одна идея, одна точка, к которой тянуло, как магнитом, — не просто к городу, а к конкретному месту в нём, к той самой точке, которая звала её, как зовёт голод или жажда, — нестерпимо и неотвратимо.

Тварь понимала, что это безумие. Та часть её рассудка, что ещё помнила лес, что ещё помнила безопасность и тишину, билась в панике, кричала, требовала развернуться. Но другая часть — та, что заражена чужой волей, чужим везением, чужой удачей, — не слушала. Она тянула вперёд, к городу, к людям, к тому месту, где совсем скоро будет стоять мальчик с палкой в руках.

Тварь поставила себе лишь одно условие, чтобы оправдать этот безумный порыв, и оно оставалось простым и звериным: если там опасность — она нападёт немедленно. Не станет думать, не станет сомневаться, ударит первой.

Это стало её последним решением, принятым самостоятельно. Всё остальное уже решили за неё.

Внезапно Бранн остановился. Тарек едва не врезался в него. Кристалл в руке Бранна вспыхнул ярче, показывая направление. Бранн увидел, что тварь свернула не к болоту, а прямо к городу, к Уэстенду.

— Она к городу бежит! — крикнул он в кристалл. — Всем, кто смотрит трансляцию — бегите из города! Тварь идёт к Уэстенду!

В доме ретрансляции голос Бранна разнёсся по залу. Люди замерли, глядя на экран, где тварь уже была видна — огромная, чёрная, стремительная. Она бежала прямо к городу, в котором и проходила трансляция.

— Тварь бежит сюда! — закричал кто-то из зрителей и бросился к двери.

Другие последовали за ним, толкаясь, опрокидывая скамейки. Кто-то упал, его топтали. Крики слились в сплошной вой.

Зрители выскочили на улицу, не понимая, что делать. Они бежали по мостовой, размахивая руками, и кричали каждому встречному: — Тварь! Тварь идёт к городу! Прячьтесь!

Мать, шедшая по улице с ребёнком за руку, остановилась,

услышав крики. Она посмотрела на незнакомцев, на их испуганные лица, и схватила ребёнка на руки.

— Бежим домой! — закричала она и побежала, не оглядываясь.

Отец, стоявший у ворот своего дома, услышал крики и бросился внутрь. Он схватил жену за руку и потащил её в дом.

— Закрывай ставни! — крикнул он.

Жена кивнула и побежала к окнам.

Другой мужчина выбежал из дома, глядя на улицу, но тут же вернулся обратно и захлопнул дверь.

— Нет, нет, остаёмся внутри! — прокричал он жене.

По всей улице люди бросались в дома, запирали двери, заколачивали ставни. Те, кто был на улице, бежали кто куда — кто домой, кто в подвалы, кто прятался за углами.

Лейтан почувствовал, как толпа подхватила его и понесла. Он потерял из виду Корбина, Сенру и Олдрика. Кричал их имена, но голос тонул в общем шуме. Он пробивался сквозь людей, расталкивая их локтями. Кто-то ударил его в плечо, он упал, встал и снова побежал.

— Корбин! Сенра! Олдрик! — кричал он, срывая голос. Искал их среди бегущих людей, среди горожан, которые в панике разбегались во все стороны. Он был старшим — он должен был беречь их, а он потерял их.

Вдруг кто-то схватил его за рукав. Лейтан обернулся — перед ним стоял сосед, торговец рыбой, с перекошенным от

страха лицом.

— Твой брат, а с ним ещё двое! — закричал он. — Я видел их у забора! Они никуда не бегут!

Лейтан рванул туда. Сердце колотилось так громко, что он слышал его в ушах.

Когда добежал до забора, увидел их — Корбин стоял неподвижно, глядя в сторону леса, Сенра прижималась к нему, Олдрик лежал на земле. Все трое были живы. Лейтан выдохнул, подбежал, схватил их за руки и потащил прочь.

— Бежим! — крикнул он. — Бежим к рафинерии!

Но было поздно.

В последних лучах заката на улицу выскочила тварь. Огромная, размером с корову, с чёрной шерстью, отливающей синевой. Клыки торчали из пасти — жёлтые, кривые, со слюной. На морде — старый шрам через весь лоб. Глаза горели красным, как угли в костре. От неё пахло мокрой землёй и чем-то кислым, звериным. Она неслась прямо по улице, не сворачивая, не замедляясь. Казалось, ничто не может её остановить.

Глава 12

Все четверо — Лейтан и его подопечные — увидели тварь одновременно. Сенра закричала пронзительно, отчаянно, и её крик разрезал вечернюю тишину. Олдрик, секунду назад споривший с Корбином у забора, не успел даже сделать шага. Он отшатнулся, споткнулся о собственные ноги, упал навзничь и остался лежать, глядя вверх на приближающуюся тень.

Лейтан рванул вперёд и схватил Корбина за плечо, пытаясь оттащить в сторону. Но мальчик вырвался. Он понимал, что бегство — не выход. Чётко ещё не осознавал почему, но смутно чувствовал, что поворачиваться спиной к этому существу нельзя. Нужно что-то сделать прямо здесь и сейчас.

Лесная тварь бежала прямо на него, сокращая расстояние с каждым шагом. Тяжёлые лапы гулко били по брусчатке, из пасти вырывалось горячее дыхание, красные глаза горели всё ярче. Корбин видел, как люди разбегаются в разные стороны, но по сравнению с тварью они как будто стояли на месте.

В этот момент он решил остановить её, чего бы это ему ни стоило.

На открытом пространстве посреди улицы мальчик стоял неподвижно. Глаза его были широко открыты, но в них не таился страх — только странное, почти отстранённое внима-

ние. Тварь приближалась, дыхание становилось всё громче, всё отчётливее.

Покосившись в сторону сарая, Корбин заметил деревянную палку, лежащую на земле. Кто-то обронил её — может быть, рабочий, может, кто-то из детей — но она лежала прямо на мостовой, и в сумерках казалась почти чёрной. Мальчик метнулся к ней и поднял, даже не думая, что делает. Рука сама потянулась к деревянному обломку, пальцы сжали его — холодный и шершавый.

Деревяшка была короткой — едва доходила до пояса — и такой тонкой, что на вид могла сломаться от одного сильного удара. Корбин поднял её, взвесил в руке и понял, что это не оружие. Даже не защита. Ненужный мусор, который кто-то обронил. Но рядом больше ничего не валялось. И он не мог позволить себе опустить её.

Отойдя в сторону к сараю, мальчик остановился, а затем встал в стойку — ту самую, о которой читал в отцовских книгах про охотников. Широко расставил ноги, левую руку выставил вперёд для баланса, палку сжал в правой и поднял её на уровень груди. Он не знал, правильно ли делает, но это было похоже на то, о чём рассказывал отец в долгих зимних вечерах.

— Корбин, беги! — закричал Олдрик с земли, и голос его сорвался на визг, почти на плач. — Она же тебя сейчас разорвёт! Беги, дурак, беги, пока можешь!

Но мальчик не побежал. Он стоял, сжимая деревянный

обломок, и смотрел прямо в красные глаза зверя, который мчался на него, разбрызгивая грязь. Сердце билось так громко, что он слышал его в ушах, но ноги не шевелились. Он ждал.

По ту сторону улицы чудовище уже неслось, открыв пасть, и клыки блестели на свету. Корбин стоял перед ним — один, с палкой, похожий на смешную фигурку из детской игры. Но не уклонялся. Ждал.

Сделав ещё один шаг, тварь запнулась о ведро, которое кто-то оставил посреди мостовой. Оно было старым, ржавым, и кто-то явно забыл его здесь несколько дней назад. Зверь не заметил его — смотрел только на Корбина. Передние лапы наткнулись на железный обод, равновесие потерялось, и с глухим ударом чудовище рухнуло на брусчатку, взметнув грязь и мелкие камни.

Взвизгнула она коротко, пронзительно, почти жалобно, и сразу же вскочила, тряся головой. Правая задняя лапа дёрнулась — судорога прошла по мышцам, и она припала на неё, хромая. Но это не остановило зверя. Рванув вперёд, прихрамывая, она сохраняла ту же бешеную скорость, и красные глаза горели ещё ярче, чем раньше.

Передняя лапа наступила на осколки разбитого кувшина — кто-то швырнул его в суматохе, когда все побежали, и осколки почти сливались с брусчаткой. Острые черепки вонзились в подушечку лапы, и зверь взвизгнул снова, на этот раз громче и отчаяннее. Шарахнувшись в сторону, чтобы

стряхнуть черепки с подушечки, она только сильнее наступила на другой осколок и завертелась на месте, как раненая, на миг потеряв Корбина из виду.

Увидев своё отражение в луже — большой, тёмной, оставшейся после вчерашнего дождя, — тварь замерла, глядя на собственное чёрное тело, искажённое водой. И вдруг, во внезапном приступе паники, отпрянула назад. Шарахнулась в сторону, врезалась головой в деревянный столб, и глухой удар разнёсся по улице — таким громким, что дети слышали его даже на расстоянии.

Пошатнулась, но не упала. Качнулась вперёд, потом назад, глаза закатились, попыталась удержаться на месте, но поскользнулась на мокрой брусчатке — и с грохотом рухнула на бок, взметнув грязь и воду из лужи. Лежала миг — и снова встала, тряся головой, но теперь двигалась медленнее, и каждое движение казалось тяжёлым, словно тащила на себе неподъёмный груз.

Поднявшись на лапы, зверь уставился на Корбина. Дыхание было хриплым, рваным, из пасти вырывалась пена. Шаг — и снова споткнулась, на этот раз о собственные лапы. Падала, поднималась, падала снова. Глаза горели, но в них уже не было ярости — только боль и отчаяние.

Тварь инстинктивно чувствовала, что причина её бедствия — не только в том, что привычные деревья сменили чужие стены из камня и дерева. Дело было в этом существе, что стояло перед ней. Оно делало с ней что-то — отнимало

былую ловкость, заставляло ошибаться там, где раньше она бы даже не споткнулась. И зверь понял, что если не прикончить врага быстро — уйти не выйдет.

Тварь сделала ещё один шаг. Потом ещё. И прыгнула. Пасть распахнулась, и Корбин увидел клыки, пену на губах, безумные глаза.

Палка в руке мальчика поднялась. Он не думал о том, что делает — рука сама рванулась навстречу, когда чудовище прыгнуло на него. Чувствовал, как палка слишком лёгкая, слишком тонкая, как скользит в мокрых ладонях, и понимал, что не сможет ударить с силой. Не сможет остановить эту тушу, которая летела на него с раскрытой пастью.

Он сжал деревянный обломок крепче — так, что костяшки побелели. Корбин на миг зажмурился, ожидая удара, боли, конца. Но удара не последовало. Вместо него — глухой, влажный звук. Тварь налетела на палку на всей своей бешеной скорости, и тонкий деревянный обломок, упираясь задним концом в стену сарая, вонзился прямо в открытый глаз и пробил череп. Зверь взвыл так, что у детей заложило уши.

Зверь бился в агонии. Крутился на месте, натыкаясь на стены и заборы, пытаясь дотянуться до палки лапой, но та сидела крепко, и каждое движение только сильнее вгоняло её вглубь. Выла, рычала, била лапами по воздуху, и в этом хаосе казалась уже не страшным чудовищем, а больным, раненым, отчаявшимся существом, которое не знало, как спасти себя.

На брусчатке тварь билась, вскакивала, падала и подни-

малась снова, и сердце её колотилось так быстро, что грудь ходила ходуном. Крутясь на месте, пыталась достать палку лапой, но каждый рывок отзывался новой волной боли, и она становилась невыносимой. Дыхание уже не было хриплым — стало рваным, отчаянным, и в нём слышалась не ярость, а слабость.

Сделав последний шаг к Корбину, чудовище подогнуло передние лапы, будто их перерезали. Качнулось вперёд, пытаясь удержаться, но тело уже не слушалось. Единственный уцелевший глаз расширился — в нём мелькнуло что-то похожее на удивление, будто зверь не понимал, почему земля уходит из-под ног. Миг стоял, тяжело дыша, дрожа всем телом, и в этом дрожании не было уже ни силы, ни ярости — только слабость. А потом упала. Медленно, тяжело, с глухим стуком, от которого содрогнулась брусчатка, будто сама земля вздохнула вместе с ней.

Неподвижно тварь лежала, с открытым ртом и одним закрытым глазом. Другой — тот, в который попала палка, — представлял собой кровавую дыру, из которой торчал деревянный обломок, весь в тёмной жиже — она медленно стекала по нему и капала на брусчатку. Грудь твари перестала подниматься. Сердце, измотанное бесконечным бегом, болью и паникой, не выдержало — остановилось, не дожидаясь, пока смерть настигнет её от чужой руки.

Она умерла на брусчатке, в грязи, и это была не та славная победа над врагом, о которой читал Корбин в отцовских

книгах, а жалкая, мучительная кончина испуганного зверя. Он стоял, растерянный, с дрожащими руками, смотрел на мёртвую тварь, и впервые за весь день ему стало жалко дикого лесного зверя, которых он всегда представлял себе лишь добычей и врагом для будущих побед.

Глава 13

Всё ещё не веря своим глазам, Корбин стоял над поверженной тварью, не двигаясь. Руки его были пусты — он даже не почувствовал, как разжал пальцы в тот момент, когда обломок вонзился в череп. Он смотрел на чёрную шерсть, на красные глаза, на открытую пасть и не понимал, что произошло.

Медленно поднявшись с земли, Олдрик Болден стряхнул грязь с куртки. Лицо его было бледным, глаза широко раскрыты. Он ощупал себя — руки, ноги, грудь — проверяя, не течёт ли кровь, не видны ли раны. Пальцы дрожали, но он не мог их остановить.

— Ты цел? Целый? Ничего не болит? — хрипло вырвалось у него, всё ещё не глядя на Корбина. Голос дрогнул, и он сам испугался этого звука.

Медленно повернув голову, Корбин встретился с ним взглядом. В глазах было что-то странное — не страх, не облегчение, а почти недоумение, будто он только сейчас проснулся.

— Вроде цел, да. А ты как, Олдрик?

— И я вроде... — Олдрик сглотнул, кинул взгляд на тушу и отступил на шаг. — Боги, она пришла в город. Как она вообще сюда попала?

Взгляд Корбина упал на пустые руки, потом снова на ту-

шу.

— Не знаю, но теперь она мертва. Я сам не могу во всё это поверить.

— Ты её отделал, вот что, — заметил Лейтан. — Я давно видел, что ты парень везучий, но чтобы настолько…

Бледная, как Олдрик, Сенра направилась ближе — к Корбину. Она схватила его за плечи и повернула к себе, оглядывая лицо, руки, одежду. Пальцы её дрожали, но она не отпускала его.

— Корбин, ты цел? Ни царапины? Когтями, зубами — она тебя не задела? — выпалила она быстро, почти сердито.

— Нет, со мной всё в порядке. Но я сам не пойму, что только что произошло.

Только после этого Сенра выдохнула, и пальцы её разжались. Она отступила на шаг и обвела взглядом тварь — издалека, не подходя ближе. Лицо её оставалось бледным, но в глазах уже читалось что-то другое — не страх, а злость. Повернувшись к Лейтану, она заговорила.

— Лейтан, нам правда надо сматываться. Сейчас. Пока нас не увидели рядом с тушей. Мать потом будет ругаться — что я шлялась непонятно где. А отец мне такое устроит, что мало не покажется.

Рядом с сараем стоял Лейтан. Он не подходил к твари — держался на расстоянии. Взгляд его метался от твари к детям и обратно, и он считал их — одного, второго, третьего. Все трое были на ногах.

— Ладно, хватит стоять тут, идём быстро, за мной. И лучше не смотрите на неё, — выдавил он наконец. Голос был ровным, но Корбин заметил, как у брата дрожит подбородок.

Понизив голос, Лейтан взял Сенру за локоть и потянул за собой.

— Нам нельзя здесь оставаться — если кто-то увидит нас рядом с ней, начнутся вопросы, а мы сами не знаем, что отвечать.

Олдрик сделал шаг от твари, потом ещё один. Ноги его всё ещё дрожали, но он шёл. Сенра взяла Корбина за руку — крепко, почти больно — и потянула его за собой.

— Идём, Корбин, — негромко выронила она. — Не смотри на неё.

Корбин тронулся с места, но на миг оглянулся. Тварь лежала неподвижно, и в свете уличных фонарей чёрная шерсть казалась почти синей.

Отвернувшись, он поспешил за Сенрой. Ноги дрожали, но он двигался.

В тот же миг из переулка выбежали охотники, одного из них Корбин узнал сразу — не так давно его показывали на экране в проекторной. Они появились резко, с криками и наготове, сжимая в руках тускло мерцающие кристаллы, и остановились, переводя дыхание. Первым увидев тварь, Бранн замер — она лежала прямо на брусчатке, огромная и неподвижная. Охотник застыл на месте, не веря своим глазам, и рука его, всё ещё сжимавшая кристалл, медленно опу-

стилась.

— Что здесь, пропасть меня побери, произошло? Как это вообще случилось? Кто её остановил? — спросил он, обведя взглядом стоящую рядом компанию.

Шаг вперёд сделал Тарек, присел на корточки рядом с тварью и осторожно коснулся её головы. Повернув тело к себе, он заглянул в открытый глаз, потом в тот, из которого торчал деревянный обломок. Выпрямившись, он кинул взгляд на Бранна с выражением, в котором смешались удивление и недоверие.

Охотники осмотрели всё вокруг — переулки, сарай, близлежащие крыши. Никого, кроме четверых — одного подростка и трёх детей.

— Такого я ещё не видал. Кто-то из местных справился с ней подручными средствами.

Бранн и Тарек переглянулись. В их взглядах было что-то новое — не недоверие, а почти благоговение. Бранн медленно покачал головой и произнёс голосом, в котором звучало ироничное восхищение.

— Вы понимаете, что сделали? Трое детей и подросток против твари, которая убила десятерых охотников! Это... это как в историях про героев Древних Времён!

Тарек кивнул, глядя на детей, и подхватил в той же ироничной манере.

— Я читал про такое. Когда четверо воинов встали против дракона и победили. Только там были взрослые мужчи-

ны с мечами, а вы... вы дети. И никто из вас не струсил. Это главное.

Бранн обернулся к толпе, которая уже начала собираться, и громко объявил.

— Слушайте все! Эти четверо — настоящие герои! Они не испугались — вот что важно!

Толпа замерла на мгновение, а потом разразилась криками. Но это были не крики страха или гнева — это были крики восторга.

— Герои! Настоящие герои! — воскликнул мужчина в фартуке, который ещё минуту назад усмехался.

Кто-то из толпы подхватил, и по площади пробежала волна одобрения.

— Давайте поаплодируем им! — заорал кто-то из задних рядов.

И толпа начала аплодировать. Сначала робко, потом всё громче и громче. Кто-то закричал «Браво!», кто-то засвистел, кто-то начал хлопать по плечу соседа. Аплодисменты переросли в овацию — громкую, искреннюю, с восторгом.

Корбин почувствовал, как к горлу подступает ком. Он хотел возразить, хотел объяснить, что всё было не так, что он не хотел убивать тварь, что она так мучилась в конце, что он бы предпочёл, чтобы она убежала обратно в лес. Он раскрыл рот, но голос потонул в аплодисментах.

— Нет, подождите... — начал он, но его никто не слышал.

Сенра тоже попыталась возразить.

— Я ничего особенного не сделала. А Корбин... он как раз всё и провернул. Я стояла и...

Но её слова тоже утонули в шуме.

Олдрик мрачно молчал. Он вообще ничего не сделал — упал и лежал на земле. Но толпа аплодировала и ему, как части «героической четвёрки».

Лейтан попытался объяснить.

— Я не герой. Корбин может быть, но не я. Если по чести, я струхнул малость — не успел всех увести. Это не геройство.

Но мужчина в фартуке перебил его, улыбаясь.

— Скромность украшает героев! Всё так и должно быть!

Кто-то из толпы крикнул.

— Не слушайте их! Герои всегда скромничают!

Бранн улыбнулся, обращаясь к Тареку.

— Видишь? Именно так и должно быть. Настоящие герои не хвалятся.

Корбин склонил голову. Ему стало тошно. Они не понимали. Не видели, как тварь билась в агонии. Как обломок вонзился в глаз. Как она выла. Он не хотел этого. Хотел, чтобы она убежала обратно в лес, откуда так внезапно явилась.

Он не выдержал и крикнул так, что его наконец услышали.

— Нет! Вы не понимаете! Я заставил её страдать. Она билась, выла, падала... Я бы предпочёл, чтобы она убежала в лес.

Толпа на мгновение притихла. А потом мужчина в фар-

туке рассмеялся.

— Слышали? Он ещё и скромный! Настоящий герой!

Толпа снова зааплодировала, громче, чем раньше. Корбин опустил голову. Казалось, его слова только укрепили их в мысли, что перед ними — настоящий герой из историй.

Сенра тихо, только для детей, произнесла.

— Они не слушают. Видят то, что хотят видеть.

Лейтан тоже тихо ответил.

— Давайте уйдём, пока не началось...

Но тут кто-то в толпе задал первый невинный вопрос, и похвала начала медленно превращаться в обвинения.

— Кстати, а как она вообще сюда попала? Почему охотники не остановили её в лесу?

— И правда! — подхватил другой голос. — Охотники должны были поймать её в лесу!

— Они её спугнули — и она побежала в город!

— Да что там спугнули — не справились с работой!

— А деньги? Они брали деньги за защиту, а ребёнок сделал их работу!

Бранн и Тарек переглянулись — ещё минуту назад они восхищались детьми, а теперь защищались от толпы.

— Мы не пригнали её, граждане! — крикнул Бранн. — Она сама сбежала!

— Да и тварей не удержишь! — добавил Тарек.

— А почему вы не предупредили? — крикнул кто-то из толпы.

Но тут вступили другие.

— А как же маги? Они же обещали, что городу ничего не грозит!

— Говорили же, что город на удачном месте!

— Значит, наврали!

— Они только деньги собирают!

— Кстати, а кто смотрел трансляцию? — крикнул кто-то. — Может, это из-за них тварь побежала к городу? Кто знает, как эта магия работает!

— Ну я смотрел! И что? Я не виноват, что тварь прибежала!

— Скажи-ка, а ты почему не пустил меня в дом? — крикнула женщина, обращаясь к соседу. — Я же чуть не погибла!

— Я своё имущество спасал, когда все побежали в панике! — огрызнулся тот. — У меня там инструменты были, я на них работаю!

— Я-то думал, это шутка! — заорал кто-то. — Кто мог подумать, что тварь правда придёт?

— И кто это кричал «пожар»? — подхватил другой. — Это из-за тебя все побежали!

— А ты-то почему не предупредил соседей?

— Да ты что делал? Я видел, как ты прятался в подвале!

— Я старый, я не мог драться!

— А ты, молодой, почему спрятался?

— Если он прав, что дрался, ты почему убежал? — крикнул кто-то, указывая на мужчину в фартуке.

— Я не убежал! Я звал на помощь! — огрызнулся тот.

— Ты же почему не помог? — крикнула женщина, обращаясь к другому.

— Я своё имущество спасал!

— А я-то чуть не погибла из-за тебя!

Толпа гудела. Спор перерастал в крик. Крик — в почти драку. Кто-то замахнулся кулаком.

Корбин стоял посреди этого хаоса и не понимал, что происходит. Ещё минуту назад его называли героем. А теперь все кричали друг на друга. Он взглянул на Сенру — она уже тянула его за руку.

— Пошли, — прошептала она. — Здесь нечего делать.

Лейтан кивнул.

— Быстро, пока нас не втянули.

Олдрик молча двинулся за ними, но держался чуть поодаль. Он продолжал смотреть на Корбина, и во взгляде его было что-то новое — подозрение, которое он ни с кем не разделит.

«Что-то здесь не так, — подумал Олдрик. — Что-то он не знал, что делает, но он призвал её. И она пришла».

Дети быстро ушли с улицы, пока взрослые не заметили их. А на улице тем временем спор продолжался.

— Если он прав, что дрался, ты почему убежал? — крикнул кто-то.

— А ты почему не помог? — огрызнулся другой.

— Маги только и умеют, что деньги собирать!

— Охотники — бездельники!

— Мэр — трус!

Толпа разделилась на фракции. Одни защищали охотников, другие обвиняли. Одни защищали магов, другие требовали их головы. Одни обвиняли друг друга в панике, другие оправдывались.

И только родители — Мира и Гарольд, которые прибежали, узнав про тварь, — не включались в спор. Они переживали только за своих детей.

— Где Корбин? — спросила Мира, игнорируя крики толпы.

— Он ушёл домой, — буркнул Лейтан, который уже догнал брата.

— В порядке?

— В порядке.

Мира прижала руки к груди и только тогда позволила себе выдохнуть. Гарольд положил ей руку на плечо, и они вместе пошли домой, не обращая внимания на спор.

Для них не было важно, кто виноват. Не было важно, кто прав. Был важен только один факт — их дети в порядке.

Тем временем в окне ратуши стоял мэр Эдгар Келл и смотрел на хаос внизу. Пальцы его барабанили по подоконнику — тот самый ритм, который Сенра знала с детства. До него уже дошло донесение о случившемся — тварь появилась в городе, есть разрушения, жертв нет. И что его дочь оказалась в центре событий — рядом с ней был какой-то

местный парень, который и остановил зверя. Охотники явились, когда всё уже закончилось.

Он видел, как толпа, ещё минуту назад аплодировавшая каким-то детям, теперь рвала друг другу глотки. Видел, как быстро снимается напряжение и как легко оно превращается в агрессию. Видел, что город на грани беспорядков.

«Всего лишь какой-то мальчишка защищает мою дочь от тварей, — думал мэр, и пальцы его забарабанили быстрее. — А охотники — где они были? Явились, когда непойми когда. Я с этим разберусь. Завтра же город станет безопасным. Я найму дополнительных охотников, и они будут патрулировать улицы день и ночь. Любая тварь, которая к нам сунется, сильно об этом пожалеет. А охотники перестанут дурака валять. Уж я им устрою».

И взгляд его упал на улицу, где ещё минуту назад стояли дети.

В своей комнате Сенра сидела у окна и смотрела в темноту. Она видела, как толпа аплодировала им. Видела, как похвала мгновенно превратилась в обвинения. Видела, как взрослые — те, кто должен защищать, — рвали друг другу глотки.

И она знала — это только начало.

Отец никогда не упускает возможности что-то учудить. А Корбин... Корбин снова влезет в историю, если увидит опасность. Она знала его. И в следующий раз ему может не повезти.

И страннее всего было то, что страх перед тварью и страх перед людьми ощущались по-разному. Тварь — конкретная, с когтями и клыками — уже мертва. Её можно было бояться, пока она бежала по улице, но теперь этот страх отступил. А вот страх перед спорящей толпой, перед недовольным отцом, перед будущими разговорами за спиной — этот страх был тягучий, непонятный, про что-то большее, чего она пока не могла назвать. И этот второй страх пугал её сильнее, чем любая тварь.

Глава 14

Утро после нападения твари встретило Уэстенд серым, тяжёлым небом. Разрушений почти не было — лишь разбитые стёкла, перевёрнутые повозки да брошенные в панике вещи. Но хуже этих мелочей был страх, который не отпускал людей, когда они покидали свои дома.

Люди выходили на улицы, оглядывали последствия паники, переговаривались — и в их голосах звучала не столько тревога, сколько глухое раздражение. Каждый искал, на кого можно было бы свалить вину за случившееся, и почти все взгляды были устремлены к зданию ратуши.

Всё ещё не отойдя от вчерашнего потрясения, мэр Эдгар Келл стоял у окна своего кабинета и смотрел на город. Пальцы его барабанили по подоконнику — тот самый ритм, который Сайлас научился распознавать с первого дня работы.

Тем временем, под окнами кабинета, у дверей ратуши, уже собиралась встревоженная толпа. Одни требовали защиты, другие — объяснений, третьи лишь кричали, выплёскивая накопившийся за ночь страх.

Пока за окном шумела встревоженная толпа, мэр чувствовал, как напряжение сжимает грудь. В этот момент дверь кабинета тихо приоткрылась, и вошёл Сайлас с конвертом в руках, на котором красовалась печать гильдии магов.

— Господин мэр, тварь мертва — её убили вчера вечером

в южной части города. Полиция убрала тушу ночью, маги уже осмотрели её и говорят, что это редкий экземпляр, за который гильдия готова выложить почти триста золотых. Но, господин мэр, есть и другая новость... — Сайлас протянул конверт.

Мэр резко обернулся, в глазах мелькнул интерес.

— Сколько, Сайлас? Говори сразу, без этих пауз.

— Двадцать золотых, господин мэр. Я принёс расчёт из гильдии — вот, взгляните, в конверте все цифры и подписи.

Мэр взял конверт, бегло просмотрел бумаги, потом поднял глаза.

— Хорошо, Сайлас, двадцать — это хоть что-то. Эта сумма покроет примерно половину того, что мы потеряли на том злополучном ресторане. Но, как ты понимаешь, этих денег всё равно не хватит, чтобы расплатиться с долгами.

— Господин мэр, я вижу, что горожане успокоились после того, как вы объявили о найме. Они ждут, что вы сделаете следующий шаг. Но, господин мэр, я должен вас спросить прямо, уверены ли вы, что нам действительно нужны новые охотники? У нас ведь уже есть Бранн и Тарек — они знают здешние леса как свои пять пальцев.

Мэр резко развернулся к Сайласу.

— Бранн и Тарек не справились, Сайлас! Ты сам видел, что случилось вчера, моя дочь Сенра стояла в трёх шагах от этой твари, и, если бы не какой-то местный парень с палкой, я бы сейчас хоронил её, а не разговаривал с тобой. Они при-

мчались почти сразу после того, как всё кончилось, но это значит, что они опоздали. Весь город гудит, люди боятся выходить на улицу после заката.

Сайлас не отступал.

— Я понимаю ваш страх, господин мэр. Но подумайте, денег в казне нет даже на то, чтобы выплатить жалованье стражникам за этот месяц. А вы хотите взять на содержание ещё четырёх охотников на тварей. Если мы не заплатим стражникам, они разбегутся, и тогда у нас вообще никого не останется — ни охотников, ни охраны.

Мэр на мгновение замялся, но потом твёрдо ответил.

— Тогда найди мне таких же охотников, как тот мальчишка — за ту же цену, что и он. Ладно, сейчас не до шуток. Но всё же, если он смог завалить тварь почти голыми руками, значит, эта работа не требует особого мастерства. Дай объявление, где мы платим обычную ставку охотника, но ищем четверых сразу.

Но прежде чем Сайлас успел вымолвить слово, мэр уже отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Едва закрыв за собой дверь кабинета, Сайлас остановился в пустом коридоре. Прислонившись к холодной стене, он почувствовал, как дрожат руки — нервная дрожь, которую он не мог унять. «Он меня не слушает, — подумал Сайлас, — потому что страх за дочь затмил ему разум. А у меня ни одной идеи, я перепробовал все аргументы, но ничего не помогает. Ладно, не сейчас — нужно дать ему время остыть.

Может, за эти несколько дней он одумается и посмотрит на ситуацию по-другому».

Выйдя из ратуши, Сайлас направился к старой доске объявлений на главной площади. Через три часа листовка уже висела у ратуши, в таверне и на старом вязе. К вечеру весть о найме разлетелась по городу, а на следующее утро — по всем окрестным деревням.

Увидев, что мэр действует, горожане успокоились. Сайлас подал заявку на кредит. Банкир долго листал бумаги, качал головой, но в итоге согласился рассмотреть заявку. Это должно было занять несколько дней.

На третий день после подачи объявления в ратушу пришли четверо мужчин. Они выглядели как заправские охотники — потёртые куртки, сапоги, мечи на поясах. Однако их одежда была не слишком подходящей для леса, а лица — слишком уверенными для тех, кто промышляет опасным ремеслом. Сайлас, увидев их, сдвинул брови. «Четверо, — подумал он, — и все готовы работать за цену одного. Странно, что кто-то согласился на такие условия».

Он преградил им путь в коридоре.

— Вы и правда охотники, господа, или просто путешественники с мечами?

— Меня зовут Келлен, — представился один из них. — А ты правда из мэрии, друг, или просто пришёл посмотреть бравых парней? Сейчас не лучшее время для сомнений, не так ли? Мы слышали, что вы ищете защиту. Мы готовы ра-

ботать лишь за часть обычной платы, но нам нужна оплата за полгода вперёд.

Сайлас нахмурился. «За полгода вперёд... Это очень необычно для охотников. Обычно они берут помесячно».

Келлен шагнул вперёд.

— У нас есть документы, заверенные столичной гильдией охотников. Гильдия нас зарегистрировала, и мы можем это подтвердить.

Сайлас взял бумаги.

— Мы проверим ваши документы. Это займёт несколько дней, хотя и так ясно, что подделать такие бумаги не так уж сложно.

Келлен пожал плечами.

— Проверяйте, господин помощник, мы не против. Мы никуда не спешим, у нас есть время подождать. Но помните, мы можем уйти, если найдём работу в другом месте.

Как только они скрылись за дверью кабинета, Сайлас остался в пустом коридоре, глядя на закрытую дверь. «Они даже не торгуются, — подумал он, — и выглядят слишком уверенными и правильными. Что-то здесь определённо не так».

Развернувшись, он пошёл по коридору. Теперь у него было несколько дней, пока банкир рассматривал заявку, чтобы проверить охотников, собрать информацию, найти аргументы.

Как ни странно, спустя всего день Бранн и Тарек, охра-

нявшие Уэстенд, пришли к мэру и выглядели встревоженными — необычное состояние для этих спокойных профессионалов.

— Господин мэр, — начал Бранн, — я бы не спешил с этими новичками. Какие-то они подозрительные.

Мэр поморщился и забарабанил пальцами по столу.

— Подозрительные, говоришь, Бранн? Они пришли вовремя, в отличие от вас, и берут меньше, чем вы. Город на этом сэкономит.

— Но кто поручился за них, господин мэр? — спросил Тарек. — У них есть рекомендации от кого-то из серьёзных охотников?

— У них есть документы, — отмахнулся мэр.

— Документы от гильдии, которую уже ловили на подделках, — настаивал Тарек. — Это ничего не значит.

Мэр усмехнулся.

— А у вас, насколько я помню, документов вообще не было.

— Зато у нас есть репутация, — тихо сказал Бранн. — Мы готовы показать свою работу каждому, кто сомневается.

Он шагнул вперёд.

— Вы нанимаете их для дела или для виду, господин мэр?

— Для дела, — ответил мэр. — Чтобы я спал спокойнее по ночам.

— Тогда проверьте их навыки, — вмешался Тарек. — Мы уверены, они не отличают магический след одной твари от

другой, не знают тактики, не умеют читать следы. Если они не знают, на что охотятся, то не защитят город, а значит, пострадают люди, и виноваты будете вы.

— Всему своё время, — бросил мэр. — Встретят тварь — тогда и покажут, на что способны.

— Дешёвая цена оборачивается риском, а не экономией, — ответил Тарек. — Вы потеряете деньги и доверие горожан, если они окажутся бесполезны.

— Но горожане уже успокоились, — заметил мэр. — Они видят новых охотников на улицах, они чувствуют себя защищёнными.

— А если эта защита — обман? — тихо спросил Бранн. — Когда выяснится, что они ничего не умеют, гнев будет сильнее страха, и тогда вы потеряете всё.

После этих слов мэр замолчал. Пальцы его замерли. Он понял, что старые охотники знают, о чём говорят.

— Если вы их прогоните, — продолжил Бранн, — люди увидят, что вы не берёте кого попало. А если оставите, а они провалятся — доверие к вам исчезнет навсегда.

— Но, если тварь не появится, — возразил мэр, — я сэкономлю деньги и буду выглядеть предусмотрительным.

— А если появится? — спросил Тарек. — Вы готовы рискнуть городом ради экономии, господин мэр?

Мэр не ответил.

— И ещё, — добавил Бранн, — они просят оплату за полгода вперёд. Что, если они исчезнут с деньгами?

— Не исчезнут, — пробормотал мэр, но голос его дрогнул.

— Вы уверены? — спросил Тарек. — У них нет ни одной рекомендации, и я настаиваю, чтобы они сначала доказали свою полезность, хотя бы одну тварь завалили, а потом уже получили деньги.

Мэр долго смотрел на них.

— Хорошо, я подумаю над этим. Доверие должно быть взаимным — пусть сначала покажут хоть что-то, а мы посмотрим.

Переглянувшись и кивнув, Бранн и Тарек вышли из кабинета, а мэр остался сидеть, глядя в окно.

Как и было условлено, наутро Сайлас привёл в кабинет мага-консультанта Феликса — высокого, худого, с пронзительными серыми глазами. Тот говорил медленно, тщательно подбирая слова, будто каждое из них взвешивал.

Мэр жестом указал ему на кресло.

— Я слушаю вас, господин Феликс. Объясните мне, почему тварь оказалась в городе, если маги клялись, что такого не случится?

Феликс кивнул.

— Это аномалия, господин мэр. Здоровые твари обходят города за много километров — они чувствуют нашу магическую обсервацию как барьер. Та, что пришла к вам, была больна, возможно, бешена, и потому потеряла инстинкты.

— Больна или бешена — мне всё равно, господин Феликс.

Моя дочь была в шаге от этой твари, я сам видел, и наука не защитила её вчера. Почему я должен верить науке сегодня?

— Мы можем усилить обсервацию, установив дополнительные устройства прямо на подступах к городу. Они работают постоянно, стоят недорого, их нельзя обмануть. Это надёжнее, чем четыре сомнительных охотника.

Мэр усмехнулся.

— Устройства, говорите? Люди их не видят и не чувствуют. Они не успокоятся от того, что где-то за городом стоит невидимый барьер. Им нужны охотники — с мечами, в доспехах, на улицах. Они, можно сказать, символ защиты. А это тоже работает неплохо — по крайней мере, всем становится спокойнее.

Феликс покачал головой.

— Символ не защита, а всего лишь иллюзия, господин мэр. А это риск, как ни посмотри. Вы собираетесь взять кредит под двадцать процентов, чтобы платить этим людям. Если тварей больше не будет — вы будете платить за воздух. Если они появятся — ваши дешёвые охотники могут не справиться. Устройства же — разовая трата, которую почти не заметит ваш бюджет.

Мэр подался вперёд.

— Что, если я никого не найму, а тварь вернётся? Что я скажу людям, когда они придут ко мне с вопросами? Придётся объяснять, что я положился на науку, в которой ничего не смыслю. Политику нужно действовать так, чтобы все

это видели.

— Гильдия провела анализ и установила, что в окрестностях больше нет тварей — это была одиночка, и повторение маловероятно.

— Ещё недавно вы гарантировали, что тварей не будет. А она пришла, несмотря на ваши заверения. Можете поручиться, что это не повторится?

Феликс помолчал.

— Наука не даёт стопроцентных гарантий. Только высокую вероятность, но не стопроцентную гарантию.

Мэр встал.

— Все эти ваши вероятности — курам на смех, и я не могу рисковать дочерью и городом ради вероятности. Поэтому я найму охотников, даже если они будут лишь стоять на улицах и выглядеть грозно — это лучше, чем ничего.

Феликс посмотрел на него долго, потом поднялся.

— Господин мэр, все ваши аргументы вызваны лишь страхом, а не логикой. Поверьте, без магической науки этого города вообще бы здесь не было, а вы бы не занимали этот высокий и наверняка приятный для вас пост.

— Хорошо, хорошо, господин маг, я вас услышал.

Феликс поклонился и вышел.

Оставшись один в кабинете, мэр перебирал в уме слова Феликса, «без магической науки этого города вообще бы здесь не было». Он вздохнул, маг прав. Он позволил страху за дочь взять верх над разумом. Нанять четверых незнаком-

цев, да ещё и в кредит — это не защита, а безумие.

Наутро после разговора с Феликсом, когда Сайлас пришёл с бумагами, мэр встретил его с холодным раздражением.

— Сайлас, — начал он, не поднимая глаз от стола, — я тут подумал. Ты вообще смотрел на этих охотников? Они выглядят как ярмарочные фокусники, а не как люди, которые могут защитить город. И ты ещё повёлся на их условия — оплата за полгода вперёд! Ты хоть представляешь, что будет, если мы отдадим им деньги, а они исчезнут?

Сайлас попытался возразить.

— Господин мэр, но вы сами сказали...

— Я сказал найти охотников, а не брать первых встречных! — перебил мэр. — Ты должен был проверить их, запросить рекомендации, а ты лишь привёл их ко мне. И теперь у нас кредит на шее.

Сайлас опустил голову.

Мэр немного смягчился, но продолжал:

— Ладно. Что сделано, то сделано. Но мы это исправим. Я принял решение — мы отменяем найм. Ты пойдёшь к ним и скажешь, что контракт не будет подписан. Вернём в банк все деньги, отстегнём, сколько полагается, и закроем вопрос. Без лишнего шума. Горожане только успокоились, и если они узнают, что мы передумали, начнётся паника.

Мэр посмотрел Сайласу прямо в глаза.

— Если люди начнут волноваться — объяснять будешь ты. Ты будешь ходить по улицам и говорить им, что мы ре-

шили подождать, проверить информацию, что это было временное решение. Понял?

Сайлас поднял голову, чувствуя вину, и твёрдо ответил:

— Да, господин мэр. Я всё сделаю.

Мэр кивнул.

— Тогда иди и зови этих деятелей.

Собравшись через час в кабинете, Сайлас, Бранн, Тарек и четверо новичков застали мэра стоящим у окна, спиной ко входу.

— Я принял окончательное решение, — сказал он, не оборачиваясь. — Контракт с вами не будет подписан, и я официально снимаю объявление о найме.

Келлен шагнул вперёд.

— Господин мэр, мы понимаем ваше решение, и мы уважаем его. Но позвольте спросить, почему вы так резко передумали?

Мэр обернулся.

— Потому что вы просите оплату за полгода вперёд, а это слишком большая сумма для нашего бюджета. Если вы окажетесь некомпетентны, город потеряет эти деньги, а если вы мошенники — потеряет всё, что у нас есть.

Верн тихо сказал:

— Мы не мошенники, господин мэр, и мы готовы это доказать.

— Я не говорю, что вы мошенники, — ответил мэр, — я говорю, что риск слишком велик, и я не могу его принять.

Простите, господа, но решение принято и обжалованию не подлежит.

Переглянувшись и поклонившись, Келлен и Верн вышли из кабинета, однако мэр не успел по ним соскучиться.

Уже через час в кабинет постучали — на пороге стояли все те же Келлен и Верн.

— Господин мэр, — сказал Келлен, — можно поговорить с вами наедине?

Нахмурившись, мэр кивнул, и Сайлас вышел, закрыв за собой дверь.

— Что вы хотите сказать? — спросил мэр.

Келлен сел напротив, Верн остался у двери.

— Вы сказали, что не хотите рисковать, — начал Келлен. — Но позвольте спросить, а что вы делаете сейчас, отказываясь от нас?

— Что вы имеете в виду?

— Вы не подписали контракт, но вы не знаете, что будет завтра. Тварь может вернуться, а у вас не будет ни нас, ни защиты. Вы рискуете городом, отказываясь от нашей помощи.

— Маги пообещали мне устройства для отпугивания, — возразил мэр.

— Устройства? — усмехнулся Верн. — Вы действительно верите в них, господин мэр?

Мэр молчал.

— Мы не знаем, вернётся ли тварь, — продолжил Келлен. — Никто не знает. Но если она вернётся, а нас не будет — вы

пожалеете. А если не вернётся, а мы останемся — по крайней мере, всем будет спокойнее.

— Вы говорите убедительно, — сказал мэр. — Но я уже всё для себя решил, мне не нужны новые охотники, и я не собираюсь менять это решение.

Келлен наклонился вперёд.

— Господин мэр, вы заняли этот кабинет не потому, что ничего не делали. Вы пробовали, ошибались, пробовали снова, и каждая попытка приближала вас к успеху. Мой отец был таким же. Он всегда говорил, чем больше попыток, тем больше шансов преуспеть.

Мэр долго смотрел на них. Пальцы его замерли на столе. Он чувствовал, что в последнее время стал забывать то, что было для него важнее денег, репутации, порядка — его собственную философию.

— Чем больше попыток, тем больше шансов, — повторил он тихо.

Келлен и Верн встали, поклонились.

— Мы будем ждать, — сказал Келлен. — Но не дольше недели. Если за это время мы не начнём работу, мы уйдём в другой город, где нас ждут.

Они вышли, прикрыв за собой дверь. Мэр остался сидеть в кресле, глядя на закрывшуюся дверь.

Не сомкнув глаз всю ночь, Сайлас на рассвете вышел из ратуши и направился к городским воротам — он знал, что новоявленные охотники собираются уходить. В руке он сжи-

мал плотный конверт с сургучной печатью мэра.

Как и следовало ожидать, у ворот уже стояли все четверо. Келлен и Верн о чём-то переговаривались, двое других — молчаливые, с пустыми лицами — держались поодаль. При виде Сайласа Келлен повернул голову.

— Господин помощник, мы уже простились с городом, — сказал он без удивления.

Подойдя ближе, Сайлас остановился в трёх шагах от ворот.

— Мэр передал вам этот конверт, — сказал он, протягивая его. — Это ваш экземпляр контракта. Деньги вы получите в кассе мэрии, как только поставите подписи.

Келлен взял бумаги, но не стал их вскрывать. Вместо этого он посмотрел на Сайласа с лёгким прищуром.

— Что-то ещё, господин помощник?

Сайлас перевёл дыхание. Это был последний шанс.

— Я подозреваю, кто вы на самом деле, — сказал он тихо, но твёрдо. — Не вскрывайте этот конверт. Уходите сейчас, без подписи и без денег. Я скажу мэру, что вы передумали, и он заберёт контракт обратно. Иначе я отправлю письмо в столичную гильдию магов — они быстро проверят ваши документы. Если окажется, что вы самозванцы, вам не поздоровится.

Верн усмехнулся, но промолчал. Келлен покачал головой и хрипло рассмеялся.

— Письмо в гильдию? — переспросил он. — Помощник,

нас этим пугали уже раз десять в разных городах. И что? Мы до сих пор здесь, а те, кто угрожал, либо ушли ни с чем, либо теперь не могут сказать ни слова. Не трать время на пустые угрозы.

Сайлас побледнел, но не отступил.

— Вы сами себя выдаёте. Никто из настоящих охотников не боится проверки. Только тот, кому есть что скрывать.

Келлен медленно разорвал сургуч, достал бумагу, пробежал глазами подпись мэра, потом усмехнулся и сунул конверт за пазуху.

— Слишком поздно, помощник. Подпись мэра уже стоит, и это всё, что нам нужно. Мэр объявил городу о найме, и если мы исчезнем, ему придётся объяснять людям, почему он ошибся. А он, как вы знаете, не любит признавать свои ошибки.

Сайлас промолчал, потому что действительно знал, что мэр не любит признавать свои ошибки.

— Я буду следить за вами, — сказал он наконец. — Каждый день и каждый ваш шаг. И при первой же ошибке я подниму такой скандал, что мэр не сможет вас защитить, даже если захочет. А письмо в гильдию я всё равно отправлю.

Келлен коротко кивнул.

— Делай что хочешь, помощник. Мы и не просим защиты. Мы просим только одного, чтобы вы не мешали нам делать вид, что мы работаем. Горожане увидят охотников на улицах — и будут спать спокойно. Это всё, что нужно вашему мэру,

а остальное — не его забота.

Не говоря больше ни слова, Келлен развернулся и пошёл обратно в город. Верн последовал за ним, а двое молчаливых охотников двинулись следом. Однако один из них на мгновение задержался, посмотрел на Сайласа и едва заметно приложил палец к губам — то ли насмешка, то ли предупреждение.

Оставшись у ворот, Сайлас смотрел, как они удаляются, и чувствовал пустоту в груди. Однако уже через минуту он достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги — письмо в столичную гильдию магов, написанное ещё ночью. В нём была просьба проверить подлинность документов охотников и прислать независимого эксперта, который сможет оценить их навыки на месте.

«Они сами себя выдали, — подумал он. — Теперь осталось только доказать это. Если они мошенники, это вскроется быстрее, чем они думают».

Он сунул письмо обратно в карман и быстрым шагом направился к почтовой станции. Через час гонец повёз его запрос в столицу.

А в городе уже наступало утро — серое, тяжёлое, но тихое. Люди выходили на улицы и видели охотников, которые патрулировали площадь. Жители улыбались друг другу. Им казалось, что всё наконец-то налаживается.

Глава 15

Здание магов стояло на краю Уэстенда — исследовательская база, которую после бури укрепили дополнительными плитами так, что теперь она больше походила на крепость, готовую отражать осаду. Сами маги не прочь были напоминать горожанам, что их собственная безопасность — дело первостепенное, и они охотно просили деньги на новые исследования. Внутри пахло сухими травами, металлом и чем-то едва уловимым, сладковатым, магией, которую Сайлас так и не научился различать.

Сайлас пришёл сюда по договорённости. За последние дни у него накопилось слишком много вопросов к магу-консультанту, и он надеялся, что Феликс сможет объяснить природу недавних странностей. Несколько дней назад Феликс выступил на стороне помощника мэра, убедив Эдгара Келла, пусть и временно, не тратить деньги на охотников за тварями, а установить отпугивающие устройства, которые куда дешевле. Этот поступок создал у Сайласа впечатление, что Феликс — разумный человек и тоже против растрат, к которым склонен мэр. Теперь помощник надеялся найти в маге союзника.

Феликс сидел за столом, заваленным бумагами, и углубился в карту окрестностей. Он рассматривал её так пристально, будто выискивал следы чего-то, что могло ускользнуть

от невнимательного взгляда. Сайлас стоял напротив, облокотившись на спинку стула, и ждал, когда маг отложит карту, хотя по опыту знал, что маги редко отрываются от своих дел.

Наконец Феликс поднял глаза.

— Я слушаю, Сайлас. О чём ты хотел поговорить?

Сайлас перевёл дыхание и начал перечислять, стараясь не пропустить ни одной детали.

— За последний месяц произошло несколько странных событий, и я не собираюсь закрывать глаза, даже если мэр видит в любой странности лишь повод для нового бизнеса.

Феликс чуть приподнял бровь, но промолчал, давая Сайласу продолжить.

— Например, редкая рыба, которую никто никогда не ловил в наших водах. Потом тварь, которая никогда не подходила к городу. И это всё за один месяц. Я не верю в случайности. Слишком много странностей за короткое время.

Феликс отложил карту и скрестил руки на столе. Он явно не ожидал, что Сайлас заговорит о столь серьёзных вещах.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

Сайлас помедлил, собираясь с мыслями. Он знал, что его следующее предположение может показаться Феликсу неожиданным, но другого объяснения у него не было.

— Может быть, это связано с тем беглецом, который умер у нас во время бури двенадцать лет назад. Ты знаешь, я имею в виду Риона Энрада.

Феликс на мгновение замер. По его мнению, помощник

мэра не должен интересоваться такими вещами.

— Ты знаешь о нём? — переспросил он. — Я думал, эта история давно забыта.

— Мэр иногда вспоминает эту историю, когда хочет показать, что маги — ненадёжные союзники, — ответил Сайлас. — Он говорит, что тот человек умер от разрыва сердца, хотя, по словам мэра, судя по всему, должен был прожить ещё неделю.

Феликс нахмурился, но не перебивал.

— И при нём были какие-то бумаги, но маги их изъяли и ничего не объяснили, как будто он никогда не существовал, — продолжил Сайлас. — Мэр уверен, что те бумаги могли бы объяснить происходящее, но маги предпочли замолчать эту историю. По его словам, это был эксперимент, который пошёл не так, и Рион мог оставить следы в городе.

— Бумаги изъяли, это так, — подтвердил Феликс. — Но, к сожалению, они не дали нам ответов, только подтвердили наши подозрения.

Он ненадолго замолчал, собираясь с мыслями.

— Рион сбежал из Башни с группой учёных, скорее всего, чтобы провести какой-то эксперимент в лесу. Затем он появился в этом городе и почти сразу же умер, вероятно из-за эффекта того самого эксперимента. При нём был повреждённый меморикс — кристаллы были повреждены, вероятно, от падения прибора, и восстановить их не удалось.

— И вы не стали искать дальше? — спросил Сайлас.

— У нас есть куда более перспективные проекты, — Феликс пожал плечами. — Однако, возможно, Рион всё же занёс некий эффект от эксперимента в город. К счастью, никто не погиб той же смертью, что и он, поэтому маги не стали тратить слишком много сил на расследование.

Сайлас задумался на мгновение, а затем спросил, прекрасно понимая, что ответ может его разочаровать.

— Но вы же искали следы этого эксперимента? Не бумаги, а то, что могло остаться в земле, в растениях, в воздухе.

— Мы искали, — ответил Феликс, но Сайлас уже продолжил.

— Двенадцать лет прошло. Если что-то изменилось в окружающей среде, это могло проявиться только со временем. Или вы решили, что если не искать, то и не найдётся?

Феликс вздохнул, словно этот разговор уже утомлял его.

— Мы искали, Сайлас. Сразу после смерти Риона мы отправили группу в лес, где он предположительно проводил эксперимент. Но место было надёжно скрыто — его коллеги, сбежавшие из Башни, позаботились, чтобы никто не нашёл их следов. Мы обыскали окрестности, но ничего не обнаружили.

Сайлас хотел что-то сказать, но Феликс жестом остановил его.

— А в первый год после бури мы, как положено, проверили весь город на магическое заражение — стандартная процедура для всех поселений рядом с магическими лесами. И

там тоже ничего не нашли.

— Но это же не одно и то же, — заметил Сайлас.

— Знаю, — Феликс вздохнул. — Но наши методы, как обычно, рассчитаны на типичные проблемы. Они выявляют то, что уже изучено, и не любят сюрпризов. Если эксперимент этого Риона был уникальным, его следы могли быть настолько необычными, что мы не знали, на что смотреть. Мы могли их пропустить.

Он помолчал, затем добавил тише.

— Это звучит как оправдание, но в науке такие вещи случаются чаще, чем хотелось бы признать.

Сайлас сел напротив, ощущая, что разговор начинает двигаться в нужное русло.

— Тогда нам нужно искать необычные события. И это, по-моему, ключевой момент. Не ждать, пока они повторятся, а разбирать каждый такой случай.

Феликс кивнул, жестом предлагая продолжать.

— Потому что разница между разовым явлением и регулярным — это разница между неудобством и постоянной угрозой. Если мы будем знать, что это за явления, мы сможем понять, связаны ли они с экспериментом Риона. Или хотя бы не допустить, чтобы мэр снова превратил это в бизнес-план.

Феликс слегка усмехнулся.

— Ты о его ресторане или об охоте на тварей?

— И о том, и о другом, — ответил Сайлас. — Он видит

деньги везде, где есть хоть намёк на необычное. И каждый раз это заканчивается кредитами и пустыми обещаниями.

— Похоже, у нас общая головная боль, — заметил Феликс. — Я бы предпочёл, чтобы мэр вообще не лез в наши исследования со своими бизнес-идеями.

— Возможно, нам стоит поменьше ему рассказывать, — предложил Сайлас.

Феликс откинулся на спинку стула и некоторое время смотрел на Сайласа, словно взвешивая его предложение. Наконец он медленно кивнул.

— Хорошо. Мы попробуем твой подход, — согласился он. — Но учти, Сайлас, если мы найдём что-то действительно необычное, это в итоге должно оказаться здесь, в исследовательском центре.

Внутри Сайласа шевельнулось беспокойство, но он отогнал его, как делал уже много раз.

— Меня это полностью устраивает, — заверил он. — Что бы там ни появилось, заприте это у себя и дело с концом. А мэр пусть занимается тем, что ему положено.

Феликс посмотрел на него долго, потом слегка улыбнулся.

— Договорились. Мы снова откроем то дело и будем искать следы того эксперимента. Любые аномалии, любые нетипичные случаи — а затем поместим их сюда для изучения. Но и ты обещай, что если я скажу, что нужно действовать, ты не будешь нам мешать.

Сайлас кивнул, не вполне понимая, шутит Феликс или го-

ворит серьёзно. Он решил не задавать лишних вопросов.

Феликс усмехнулся — едва заметно, скорее для себя, чем для Сайласа.

— Не благодари раньше времени, — предупредил он. — Мы ещё не знаем, что найдём. И возможно, это окажется не тем, чего мы ожидали.

Он помолчал, затем добавил тише, почти доверительно.

— Знаешь, Сайлас, я хочу рассказать тебе кое-что о работе магов-исследователей. Иногда бывает сложно отличить магию от обычных природных явлений.

Сайлас слушал внимательно, не перебивая.

— То, что кажется волшебством, может оказаться редким, но естественным процессом. И наоборот — то, что выглядит как случайность, может быть проявлением магии, которую мы ещё не изучили.

Он слушал внимательно, отмечая, что Феликс открывается ему так, как не открывался раньше. Это была откровенность, которую Сайлас ценил.

— Я понимаю, — отозвался он. — Именно поэтому нам нужно работать вместе. Ты разбираешься в магии, я — в устройстве города. Если мы объединим усилия, мы сможем отслеживать необычные явления и предотвращать проблемы до того, как мэр увидит в них возможность заработать.

Феликс кивнул.

— Согласен. Давай договоримся — ты собираешь информацию с земли, я — через магические каналы. Если что-то

найдём, обсудим вместе, прежде чем докладывать мэру.

Сайлас с облегчением выдохнул — впервые за долгое время. Наконец-то он нашёл союзника, человека, который понимает его и готов действовать разумно. Несколько дней назад Феликс уже показал, что он против необдуманных трат мэра, и теперь, в этом разговоре, он подтвердил свои намерения.

— Договорились, — произнёс Сайлас, вставая. — Спасибо, Феликс. Я рад, что мы нашли общий язык.

Феликс тоже поднялся и протянул ему руку.

— И я, Сайлас. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

Сайлас вышел из здания магов с лёгким сердцем. На улице было серо и прохладно, но он не обращал на это внимания. Впервые за долгое время он ощущал, что не одинок в своей борьбе с безумными идеями мэра. У него был союзник, человек, который понимал ценность порядка и логики.

Он не знал, как долго продлится это ощущение, но сейчас, когда на него почти не на кого было положиться, оно оказалось как нельзя кстати.

Глава 16

Утро выдалось серым — туман ещё не рассеялся, и воздух холодил щёки, но дети уже собрались у старого вяза на перекрёстке, откуда начиналась тропинка к реке, где они собирались запускать свои кораблики. Корбин нёс свой кораблик, чуть приподняв его перед собой, будто тот был сделан из чистого золота, а не из щепок и тряпок, которые он собирал целую неделю.

Олдрик шёл с лёгкой усмешкой, точно считал такую игру глупой, но всё равно тащился за всеми — делать было нечего. Сенра улыбалась тепло и открыто, но никто не замечал. А Лейтан, самый старший, шагал с усталым, но добрым лицом — он уже перерос такие игры, однако не бросал друзей.

Проходя мимо рощи, Сенра невольно остановилась. Ноги сами замедлили шаг, а глаза потянулись к высоким деревьям. Здесь, в тени, дышалось иначе — не так тяжело, как на пыльных улицах города. Она смотрела на зелёные кроны, и в груди разливалось что-то тёплое и грустное одновременно.

— Что там? — спросил Корбин, заметив её паузу, и в его голосе звучало такое искреннее недоумение, словно она только что увидела привидение.

Сенра отвела глаза, будто боялась, что её слова могут быть использованы против неё.

— Ничего такого... Это место для меня особенное.

Она прекрасно знала почему. Здесь её родители — связанные брачным договором — впервые увидели друг друга. И вопреки всему полюбили. Для Сенры это было знаком того, что даже сделка может обернуться чем-то настоящим.

— Только не смейся, ладно? — попросила она тихо. — Я знаю, это звучит глупо, но мне правда важно, чтобы ты отнёсся к этому серьёзно.

— Я не буду, — ответил Корбин, и в его голосе звучала такая решимость, точно он давал клятву, а не обещал не смеяться. — Честно.

Сенра помедлила, потом произнесла, стараясь говорить ровно, будто рассказывала не историю своей семьи, а чужую легенду.

— На самом деле это не обычная роща, — сказала она, и голос дрогнул. Если не расскажет сейчас — не решится никогда. — Здесь, у этого дуба, впервые встретились мои родители. Они не знали друг друга — их семьи решили, что брак выгоден, и всё. Точно речь шла о сделке, а не о семье. И вот здесь они встретились в первый раз. И — представь — понялись друг другу. Хотя многие ждали совсем другого.

Лейтан, который стоял рядом, кашлянул.

— Я слышал, что их брак был по расчёту. Прости, не хотел лезть в личное, я не ожидал такого рассказа.

— Нет, ты прав, — согласилась Сенра. — Брак по расчёту. Но даже в нём могут быть чувства. Мама всегда говорила, что, если бы они не встретились здесь, ничего бы не вышло.

Но они встретились — и это всё изменило.

Олдрик крутил в руках свой кораблик, но услышал слова Сенры и не выдержал. Он поднял голову, довольно усмехаясь.

— А вы знаете, раз уж зашла речь о браках по расчёту... я ведь обручён с Сенрой. Да-да, вы не ослышались. Будущий глава рафинерии и дочь мэра. Сделка века, можно сказать.

Все повернулись к нему. Олдрик усмехнулся и выпрямился — ему явно нравилось быть в центре внимания.

— Наши семьи давно всё решили. Я стану главой рафинерии Болдена, и мы объединимся с семьёй мэра. Так что Сенра — моя будущая жена.

Сенра покраснела и отвела взгляд, словно надеялась, что если она не будет смотреть на Олдрика, то он исчезнет.

— Это ещё не решено окончательно, — возразила она, стараясь сохранить достоинство. — И, Олдрик, пожалуйста, не говори об этом так... Это слишком личное, и мне не очень приятно, когда ты выставляешь это напоказ.

Она сказала это так, будто речь шла о чём-то постыдном, а не о её собственной жизни.

Олдрик не обратил внимания на её слова. Он улыбнулся и продолжил с таким энтузиазмом, точно продавал ей товар, который сам считал лучшим в мире.

— Чего стесняться, Сенра? Это же отличный союз. Подумай сама — ты будешь жить в самом большом доме города, у тебя будут слуги, и никто не посмеет смеяться над твоим

отцом, потому что ты — будущая хозяйка рафинерии. Разве это плохо?

Он говорил так, будто это был самый выгодный контракт в его жизни, а не брак.

— Я не хочу быть какой-то королевой, — тихо ответила Сенра. — Я хочу, чтобы брак не был обычной сделкой.

На мгновение повисла неловкая тишина — воздух между ними стал тяжёлым, почти осязаемым. Лейтан чувствовал, как напряжение между Сенрой и Олдриком нарастает, и решил вмешаться, пока не стало слишком поздно.

— Ну всё, хватит спорить о браках, — предложил он, стараясь говорить бодро, как будто ничего не произошло. — Сенра, если это место для тебя такое особенное, может, покажешь нам его, а не рассказывать тут? Мы всё равно идём мимо.

В голосе Лейтана слышалась надежда — он хотел разрядить обстановку, но сам не был в этом уверен.

Олдрик фыркнул таким тоном, точно его позвали смотреть на что-то невероятно скучное.

— Что там смотреть? Трава и деревья. Пойдём лучше кораблики запускать, пока погода окончательно не испортилась.

Он говорил так, будто роща была лишь куском земли, а не местом, где может скрываться что-то важное.

Но Корбин, заметив, как Сенра расстроилась из-за слов Олдрика, шагнул вперёд, не обращая внимания на приятеля.

— Я хочу посмотреть, — заявил он, глядя на Сенру. — Если ты не против.

Олдрик фыркнул, но спорить не стал — всё равно бесполезно. Он пошёл за остальными, всем видом показывая, что это пустая трата времени.

Сенра посмотрела на друзей — точно её заставляют открыть дверь в комнату, полную воспоминаний. Слишком личное место, слишком много воспоминаний. Но в глазах Корбина было любопытство и уважение, а Лейтан ждал её решения. Она поняла, что если откажет сейчас, то, возможно, больше никогда не решится показать это место тем, кому оно действительно дорого.

— Ладно, — согласилась она, стараясь говорить уверенно. — Пойдёмте. Только быстро. И, пожалуйста, не смейтесь, если там не будет ничего интересного.

Она уже жалела, что согласилась, но было поздно.

Они свернули в рощу. Трава доходила до колен, влажная от росы, и сразу намокла на штанинах. Ветки кустов хватали за рукава, оставляя на коже холодные влажные следы. Воздух пах мятой и сырой землёй — так пахнет после дождя, когда солнце ещё не успело просушить траву. В роще было тихо — так тихо, словно само место берегло что-то важное. Сенра вела их к старому дубу, у которого, по её словам, её родители встретились в первый раз. Она не оглядывалась — не хотела показывать, как сильно волнуется, — но слышала шаги за спиной и знала, что они идут за ней. Это придавало

уверенности, ведь она была не одна.

Тогда никто не знал, что роща начала меняться раньше — в тот самый миг, когда Корбин заявил, что там есть что-то интересное. Удача, которая не позволяла словам своего носителя расходиться с делом, активировалась немедленно, ещё до того, как дети свернули к деревьям. Она не создавала растение из ничего — неприметный дикорос с узкими листьями рос у старого дуба давно, и никто никогда не замечал его. Но удача напитала его магией, как наполняют водой пустой сосуд. Растение отозвалось сразу, листья расправились, бутоны раскрылись крупными синими цветами, и от них полился мягкий голубоватый свет, заметный даже днём. А вокруг преобразилось и само место, трава стала зеленее и гуще, воздух — чище, тени под деревьями — мягче и глубже, будто роща прибралась к приходу гостей. К тому времени, когда дети подошли к дубу, место уже выглядело особенным — ровно таким, каким Корбин пообещал его показать.

Сенра на мгновение нахмурилась — место показалось ей красивее, чем она помнила, но она списала это на игру света и собственное волнение.

Они подошли к дубу. Корбин присел на корточки из чистого любопытства, не ожидая ничего особенного, — и вдруг замер. Даже дышать перестал, глядя в одну точку.

— Смотрите! — воскликнул он, раздвигая траву с такой осторожностью, точно боялся, что находка исчезнет. — Смотрите, что я нашёл.

Он сам не понимал, почему его сердце забилось быстрее, но что-то подсказывало ему, что это важно.

Все подошли ближе, и даже Олдрик, который до этого крутил носом, невольно наклонился. У корней старого дуба, в тени листьев, росли несколько маленьких растений с узкими листьями и крупными синими цветами, похожими на тюльпаны. От них исходил мягкий голубоватый свет — неяркий, но заметный даже днём, словно сами цветы излучали тепло, которое чувствовалось на ладонях.

— Красиво, — выдохнула Сенра. В голосе её было не только восхищение — казалось, это место подтверждало то, во что она хотела верить.

Олдрик наклонился и потянулся к растению с такой решимостью, будто хотел сорвать его прямо сейчас, не дожидаясь чужого мнения.

— Давайте сорвём. Это же что-то магическое, наверняка стоит денег.

В его голосе звучала уверенность человека, который уже мысленно потратил эти деньги.

— Не надо, — остановила его Сенра, касаясь его руки так, будто пыталась остановить его не только от срывания растения, но и от чего-то большего. — Не надо, Олдрик.

— Почему? — удивился он, искренне не понимая. — Мы можем продать и хорошо заработать!

— Потому что это место нельзя превращать в товар, — твёрдо заявила Сенра. Пальцы её сжались в кулак, в груди

встал горячий ком — дышать стало трудно. — Это место моих родителей. Пусть оно останется таким, какое есть.

Она не знала, что это место обречено, но ощущала это, словно ей нужно было защитить его от всего мира.

Корбин кивнул, ощущая, что это правильное решение, хотя и не мог объяснить почему.

— Я согласен с Сенрой. Мы не знаем, что это за цветы, и если они появились здесь, в этом особенном месте, пусть остаются.

Он сказал это так, будто дело было не в обычном согласии, а в чём-то большем.

— Решать должна Сенра, — напомнил Лейтан, переведя взгляд с Корбина на Олдрика. — Это место для неё особенно важно.

Олдрик скрестил руки на груди, но ничего не сказал. Он был недоволен, но спорить не стал. В его взгляде мелькнуло что-то новое — не самодовольство, а уважение к решению Сенры, которого от него никто не ожидал.

Сенра улыбнулась — уголки губ дрогнули, глаза потеплели, и впервые за утро в её лице не было напряжения.

— Спасибо. Пойдёмте, я покажу вам ручей. Там можно подойти к самой воде и спустить кораблики.

Они пошли дальше, оставив светящееся растение расти у корней старого дуба. И в этом решении, которое они приняли вместе, было что-то большее, чем сохранение цветка. Сенра перевела взгляд с Корбина на Лейтана, потом на Олдри-

ка. Никто не спорил, никто не пытался её переубедить — все стояли рядом, и в этом молчании чувствовалась поддержка. Она не ожидала, что они отнесутся к её месту с таким уважением. А Олдрик, который всё утро хвастался своим обручением, теперь стоял, глядя в землю, словно впервые задумался о чём-то, что не касалось денег. Сенра заметила это — и что-то в ней дрогнуло.

Глава 17

Вечер опустился на Уэстенд — серый, тяжёлый, с влажным ветром, который задувал в щели окон. В доме мэра зажглись лампы, и их тёплый свет разогнал сумерки в гостиной, но не в душе Сенры. Она вернулась с прогулки, но не могла успокоиться — всё ещё чувствовала на коже прохладу рощи, слышала шелест травы под ногами. Увиденное не выходило у неё из головы — светящееся растение у корней старого дуба, тишина, которая висела в воздухе, будто само место ждало, когда она придёт.

Сенра разыскала мать в гостиной. Амелия Келл сидела в своём обычном кресле у окна — с книгой на коленях, но страницы не переворачивались уже давно, и пальцы её лежали на раскрытой книге неподвижно. Она смотрела в темноту за стеклом, где ветер качал ветви старого клёна, и в её лице была та особая усталость, которую Сенра замечала в последнее время всё чаще — усталость, которая не проходит после отдыха, потому что коренится не в теле, а где-то глубже.

Сенра опустилась на край дивана рядом с матерью и на мгновение задержала дыхание, собираясь с духом.

— Мам, — начала она тихо, — я сегодня была в роще...

Амелия оторвалась от книги, и в её взгляде появилась привычная тревога.

— Ты же знаешь, что ходить к лесу опасно?

— Конечно, — ответила Сенра, чуть подавшись вперёд. — Я про ту рощу, которая рядом с ручьём, с другой стороны города. И за нами присматривал Лейтан — ему поручил это наш дворецкий.

Амелия поморщилась — не столько от слов дочери, сколько от собственной тревоги, которая всегда просыпалась, когда Сенра выходила за пределы привычного.

— Я бы предпочла, чтобы ты сидела дома, — произнесла она сухо. — Но твой отец говорит, что в его городе безопасно, и дочь, которая ходит, где ей захочется, тому доказательство. — Она выдохнула, и в голосе её прорезалась усталость. — И всё же, тебе не стоит искать этих... как их там... приключений.

— Я ничего не ищу, мам, — возразила Сенра, и голос её дрогнул от волнения. — Но в роще расцвёл красивый цветок. Нам всем стоит сходить туда и посмотреть.

Амелия нахмурилась, не понимая, о чём речь.

— Кому это — нам?

— Тебе, мне и папе, — твёрдо уточнила Сенра.

Амелия сделала короткий отказывающий жест, не поднимая глаз от книги, хотя страницы по-прежнему не переворачивались.

— Растения бывают красивыми, Сенра, — ответила она с той снисходительностью, которая появлялась у неё, когда она хотела закрыть тему. — Но это не значит, что взрослые могут бросить все дела и пойти на них любоваться.

— Но это в той самой роще, — настаивала Сенра, глядя матери прямо в глаза. — В особенной.

Амелия нахмурилась и наконец закрыла книгу, положив её на колени.

— Что же в ней такого необычного?

Сенра помедлила, словно давая матери время подготовиться.

— Это та роща, где вы с папой встретились, — пояснила она осторожно.

Амелия вскинула глаза. На секунду её лицо дрогнуло — в нём мелькнуло что-то, что она тут же погасила. Она быстро взяла себя в руки, но пальцы её на мгновение сжали корешок книги сильнее, чем нужно.

— В той роще уже никогда ничего не расцветёт, — произнесла она глухо, будто говорила не о месте, а о чём-то внутри себя.

Сенра на мгновение растерялась, но тут же нашлась.

— Но я видела там цветок! — воскликнула она с такой убеждённостью, будто защищала не растение, а что-то важное, что пытались отрицать.

Амелия отрицательно повела плечами, и в этом жесте было что-то почти усталое, почти виноватое.

— Это я не буквально, — уточнила она тише. — Знаешь, лучше забудь, что я только что сказала. И особенно отцу не говори.

Она помолчала, собираясь с силами.

— Всё, я вспомнила, о чём ты. Та самая роща.

— Да, та самая, — подтвердила Сенра, и в голосе её появилась теплота, будто она перебирала дорогие сердцу детали. — Ты сама привела меня туда два года назад. Читала мне книжку под тем самым дубом — помнишь, ту, с картинками, где были птицы? — и рассказала, что вы с папой встретились там в первый раз.

Амелия посмотрела на дочь с удивлением, и в этом взгляде промелькнуло что-то тёплое, почти нежное.

— И правда... — протянула она. — Надо же, какая у меня дочь внимательная.

Сенра посмотрела на мать с искренним недоумением.

— Как можно было забыть про эту рощу? — спросила она, и голос её чуть дрогнул. — Это же самое важное для нас место.

Амелия медленно перевела взгляд на тёмное окно. Ветер за стеклом стих, и на мгновение в комнате стало совсем тихо — только часы тикали на каминной полке.

Она не сразу ответила, собираясь с мыслями.

— Знаешь, Сенра, с этим местом связано кое-что неприятное, — призналась она тихо. — Некоторые мои мечты, скажем так, не сбылись. А надежды не оправдались.

Она выдохнула, и в голосе её появилась едва заметная горечь.

— И та встреча с твоим отцом... она в итоге оказалась куда более эмоциональной, чем всё, что произошло потом.

Сенра нахмурилась, пытаясь понять, что мать имеет в виду.

— Но ведь ты говорила, что он был обходителен... или что-то типа этого... — произнесла она осторожно.

— Верно, он был, — кивнула Амелия, и в голосе её появилась усталость человека, который повторяет эту историю самой себе уже много лет. — Но представь себе — что-то хорошее произошло, и у тебя появились некоторые надежды, с этим связанные. А потом все эти надежды не оправдались. И ты понимаешь, что никогда они не оправдаются.

Она замолчала, и в наступившей тишине было слышно, как за окном снова зашевелился ветер.

— Тогда... — начала Сенра, затаив дыхание.

— Что? — переспросила Амелия, не поднимая глаз.

Амелия повернулась к дочери, и в её взгляде была та усталость, которую Сенра видела всё чаще в последнее время.

— Тогда не стоит ли забыть и про тот первый случай? — предложила она тихо, почти шёпотом. — Не лучше ли сделать вид, что и его не было?

Сенра смотрела на мать, чувствуя, как внутри поднимается что-то горячее, протестное.

— Даже при том, что тогда тебе всё понравилось? — спросила она.

— Именно, — кивнула Амелия, и в голосе её прозвучала странная убеждённость человека, который сам в это верит, хотя и не до конца. — Забыть что-то нелегко, но, если не

думать об этом, оно забудется само.

Сенра покачала головой — медленно, но твёрдо.

— Но я не хочу ни о чём забывать, — заявила она с той самой убеждённостью, которую так часто слышала от матери, но никогда не могла разделить.

Амелия смотрела куда-то в сторону, будто видела не стену гостиной, а тот самый день у дуба.

— Когда мы встретились, — начала она тихо, и голос её дрогнул, — я думала, что в нашем браке будет что-то большее, чем сделка. Твой отец тогда был другим.

Она взяла паузу.

— Он смотрел на меня так, будто я была единственным человеком в мире. Я поверила, что он сможет любить. Что я буду для него не женой, а кем-то важным.

Она замолчала, и в наступившей тишине было слышно, как тикают часы на каминной полке.

— Я ошиблась, — призналась она наконец, и голос её дрогнул. — Брак стал тем, чем должен был стать по замыслу наших семей. Деловое партнёрство. Объединение капиталов. Он ушёл в свои проекты, а я... — она горько усмехнулась, — я осталась на втором плане.

Она выдохнула, и в её тоне появилась та особенная глухота, которая бывает у людей, когда они говорят о чём-то, с чем уже смирились.

— И эта роща... она была символом моей надежды. А теперь я не хочу на неё смотреть.

Сенра слушала, и в её сердце сжалось что-то — не гнев, а боль за мать.

— Но выходит так, что ты забыла и как мы вдвоём ходили туда, — заметила она тихо. — Как ты читала мне книгу. Тебе и это было неприятно?

Амелия вздрогнула, будто её застали врасплох.

— Не говори глупости, — оборвала она, и в голосе её мелькнула защитная резкость. — Твой отец...

Сенра покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается что-то горячее, протестное.

— Папа не специально, — возразила она с той особенной твёрдостью, которая бывает, когда защищаешь кого-то, кто сам не может защититься. — Он занят. Он работает для нас.

Амелия встретилась с дочерью взглядом, и в её глазах была та усталость, которая бывает у людей, когда они устают даже от собственной боли.

— Я знаю, — ответила она тихо. — Я не виню его. Но это не значит, что мне не больно.

Сенра подалась вперёд, чувствуя, что сейчас, именно сейчас, она должна убедить мать.

— Тогда тем более стоит сходить, — настаивала она, и голос её стал твёрже. — И обязательно всем вместе.

Амелия усмехнулась — невесело, с той горечью, которая появлялась у неё, когда она говорила о муже.

— Послушай, — начала она, — если ты не предложишь отцу какой-то замечательный бизнес-проект, он вряд ли за-

интересуется.

Она отрицательно повела плечами, и в голосе её появилась усталость.

— И вообще, лучше забудь всё, что я тебе про эту рощу говорила. Никакая она не особенная.

Сенра хотела возразить, но в этот момент в гостиную вошёл мэр.

Он появился в дверях, ещё в пальто, с усталым лицом человека, который не успел переключиться с деловых мыслей. Он остановился на пороге, заметив напряжённое выражение на лицах жены и дочери, и нахмурился.

— О чём спор? — спросил он, подходя ближе. В голосе его не было любопытства — скорее раздражение человека, которого отвлекли от важных дел.

Сенра повернулась к отцу, и в глазах её загорелась надежда.

— Пап, я сегодня была в той роще, за старым дубом, — сообщила она быстро, боясь, что он не даст ей договорить. — Там выросло красивое магическое растение. Оно светится голубым. Я хочу, чтобы мы все вместе пошли и посмотрели на него.

Мэр поднял брови — в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с теплотой.

— В той роще, у ручья, — повторил он, и голос его стал мягче. — Надо же, мы там как раз с твоей мамой впервые встретились.

Сенра чуть улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— А я уже знаю это, — отметила она.

Мэр криво улыбнулся, и в этой улыбке не было привычной деловой резкости — только тёплое воспоминание.

— Отличное было время, — задумчиво произнёс он. — Может, и правда стоит сходить посмотреть, что там.

Сенра подалась вперёд, не в силах сдержать восторг.

— Там цветок светится синим! — воскликнула она, и голос её звенел от нетерпения.

Мэр хмыкнул, и в его глазах появился тот самый деловой интерес, который всегда возникал у него при виде чего-то необычного.

— Занятно, должно быть, — согласился он. — Ещё некоторые жучки светиться умудряются. Толку от них никакого, но выглядит необычно.

Он пожал плечами, и голос его стал почти добродушным.

— Хотя бы раз взглянуть стоит.

Сенра переводила взгляд с отца на мать, боясь поверить, что всё действительно складывается так хорошо.

— Так мы идём? — спросила она, и голос её дрогнул от надежды.

Мэр улыбнулся — той редкой улыбкой, которая появлялась у него, когда он позволял себе отвлечься от дел.

— Почему бы и нет, в самом деле, — решил он. — Отличная идея. Я возьму завтра отгул, и мы сходим втроём.

Он перевёл взгляд на жену, и в голосе его появилась лёгкая вопросительная интонация.

— Будет этакое семейное мероприятие. Ты же не против, дорогая?

Амелия подняла на мужа глаза, и в них мелькнуло что-то новое — может быть, удивление, может быть, та самая надежда, которую она так боялась зажечь.

— Кто же откажется пройтись по твоему безопасному городу, дорогой, — ответила она, и в голосе её прозвучала лёгкая ирония, за которой чувствовалась теплота, — да так, чтобы все видели.

Мэр усмехнулся — добродушно, без привычной резкости.

— Ну что ты, всё время чем-то недовольна... — заметил он, но в голосе его не было обиды.

Сенра подбежала к отцу и обняла его, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Спасибо, пап, — выдохнула она, и голос её дрогнул от радости.

Мэр слегка смущённо потрепал её по плечу.

— Не за что, — ответил он. — Давно мы никуда не ходили вместе.

Амелия смотрела на них. Внутри неё что-то дрогнуло — стена, которую она так долго строила, дала первую трещину.

— Ты правда помнишь тот день? — спросила она тихо.

Мэр посмотрел на жену, и в его глазах появилось что-то тёплое.

— Помню, — подтвердил он. — Ты стояла у того дуба, и солнце играло в твоих волосах. Я тогда подумал, что готов смотреть на тебя вечность.

Амелия не нашлась, что ответить. Она смотрела на мужа и видела, что он действительно помнит. Что он не забыл.

Сенра переводила взгляд с отца на мать. Она видела, как мать замерла, как в её глазах зажёгся тот самый огонёк, который она так боялась раздуть.

— Значит, завтра идём? — уточнила Сенра.

— Идём, — ответил мэр. — Бодрым шагом, можно сказать, самым бодрым.

Амелия слабо улыбнулась.

— Тогда я схожу на кухню, скажу, чтобы приготовили что-нибудь с собой, — решила она, поднимаясь.

Она направилась к двери, но у порога остановилась и обернулась. Посмотрела на дочь, и в её взгляде было что-то новое. Может быть, удивление. Может быть, благодарность.

Когда она вышла, Сенра посмотрела на отца.

— Пап, ты правда помнишь, как прошел тот ваш день в роще? — спросила она тихо.

Мэр усмехнулся.

— Правда. И не только это. Я помню, что она принесла какую-то книгу и читала ее, пока я не достал бутылку вина, забавное было время, — он покачал головой. — Странно, как всё меняется.

Сенра хотела спросить ещё что-то, но отец уже направил-

ся к двери.

— Ладно, мне нужно ещё кое-что доделать, — сообщил он. — Завтра так завтра.

Он вышел, и Сенра осталась одна в гостиной.

Она сидела на диване, глядя на огонь в камине, и в груди у неё разливалось что-то тёплое. Она не знала, что принесёт завтрашний день. Но она знала одно — сегодня она сделала то, что должна была.

Глава 18

Низкие тучи висели над городом, едва пропуская тусклый свет сквозь мутные окна кабинета. В воздухе смешались запахи остывшего с вечера кофе, старой бумаги и воска, которым натирали дубовый стол.

Сайлас сидел за своим столом у стены, склонившись над стопкой счетов, — перо скрипело по бумаге, выводя ровные строчки цифр. Эдгар Келл стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на просыпающийся Уэстенд. Его плечи были напряжены, пальцы чуть заметно постукивали по рукаву, выдавая нетерпение, которое помощник научился распознавать за годы службы.

Наконец мэр повернулся от окна и встретился с помощником взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку — редкость для человека, привыкшего смотреть на мир исключительно через призму прибыли и убытков.

— Сайлас, у меня к тебе одно дело, — произнёс он голосом, в котором звучала особая лёгкость, появляющаяся только при сообщении чего-то необычного. — Завтра я беру отгул.

Сайлас поднял брови и замер с пером в руке. За все годы работы он ни разу не видел, чтобы мэр брал выходной. Это казалось таким же невероятным событием, как если бы сам помощник вдруг предложил урезать городской бюджет. Он

аккуратно положил перо на край чернильницы и поднял глаза на начальника, ожидая объяснений.

— Моя дочь нашла в роще какое-то светящееся растение, — ответил мэр со снисходительностью взрослого, рассказывающего о детских находках. — Мы решили сходить всей семьёй, посмотреть. Но правила требуют регистрировать любую магическую находку.

Он подошёл к столу и небрежно бросил на него несколько заполненных бланков.

— Отправь это в гильдию, пусть маги проверят, — добавил он, поясняя свою мысль так, будто речь шла о пустяке. — Наверняка ничего серьёзного, какая-то светящаяся трава. Но бюрократия есть бюрократия.

Сайлас кивнул, стараясь сохранить внешнее спокойствие, но внутри всё сжалось от привычной тревоги, возникающей всякий раз, когда речь заходила о магии. Он слишком хорошо изучил мэра за время совместной работы и знал, что как только члены гильдии заинтересуются находкой, Эдгар Келл неизбежно увидит в этом новую возможность. И тогда фраза «ничего серьёзного» быстро превратится в очередной проект, новые городские кредиты на строительство рафинерии и очередные безумные идеи, грозящие разорением. Сайлас уже наблюдал этот сценарий десятки раз.

— Я передам информацию, господин мэр, — ответил он ровно, хотя пальцы под столешницей непроизвольно сжались в тугой кулак.

Он взял бланки и отложил их подальше, изо всех сил стараясь не показывать, насколько сильно эта ситуация выбила его из колеи.

Мэр уже поднялся и направился к двери, но на самом пороге остановился и обернулся. В его взгляде промелькнула та особая беспечность, которая всегда появлялась, когда он перекладывал ответственность на чужие плечи.

— Да, и вот ещё что, — добавил он, чуть прищурившись. — Завтра я буду в роще с семьёй, так что не стоит отвлекать меня по мелочам. Если маги начнут задавать вопросы, разберись с ними самостоятельно. Решай, как вести с ними дело и что им говорить, пока я не вернусь.

Когда дверь закрылась, в кабинете повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь монотонным тиканьем старых часов на стене и шумом дождя за окном. Сайлас остался сидеть, глядя на сиротливо лежащие на краю стола бланки. Цифры в других документах словно смотрели на него с укором, напоминая о том, что он до сих пор не принял никакого решения. Он провёл ладонью по лицу, чувствуя, как в груди разрастается тяжёлое, давящее чувство бессилия.

«Легко сказать», — горько подумал он. Мэр произнёс это так, словно речь шла о выборе сорта чая к завтраку. Но Сайлас знал реальную цену этих слов — за ними скрывалась финансовая пропасть.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза, пытаясь отгородиться от внешнего мира. Дождь барабанил по стек-

лу, крупные капли стекали вниз, размывая очертания серого города. В голове непрерывно качалась одна мысль — туда, обратно, туда, обратно. Можно не отправлять этот запрос. Мысль пришла первой — тихая, соблазнительная, почти ласковая. Он представил, как это будет — он не отправит бланки в гильдию, а оставит их лежать в дальнем ящике стола.

Мэр спокойно сходит в рощу с семьей, посмотрит на необычный цветок вместе с дочерью и женой, может быть, даже искренне улыбнётся чему-то своему. Роща останется нетронутым тихим местом для их семейной прогулки. Городская казна не потратит ни копейки. Ничто не нарушит того хрупкого равновесия, что установилось в мэрии после недавнего прихода кредиторов. Никто не узнает об этой находке. Даже тот человек.

Эта мысль вернулась следом, и от неё внутри всё болезненно сжалось. Феликс. Тот самый маг-эксперт, с которым Сайлас заключил негласный договор всего пару недель назад. Феликс поверил ему, открылся так, как не открывался никому другому в городе. Они договорились искать аномалии сообща, а не прятать их друг от друга. Устный договор, но от этого не менее настоящий. Но ведь Феликс не всевидящий. Пусть они называют себя волшебниками, но читать мысли они не умеют. Иначе не просили бы все эти отчеты.

Феликс узнает только то, что ему кто-то придет и доложит. А если не доложат — он и не узнает. Голос внутри зазвучал пугающе убедительно, почти разумно. Это не преда-

тельство, убеждал себя Сайлас. Это разумная осторожность ради общего блага. Феликс физически не может знать абсолютно всего, что происходит в каждом закоулке Уэстенда. Сайлас не станет сообщать об этой конкретной мелочи. И тогда что? Тогда всё сложится наилучшим образом. Мэр с семьёй проведут прекрасный день на природе.

Сенра покажет родителям свою удивительную находку, госпожа Келл наверняка улыбнётся в ответ — возможно, впервые за долгое время счастливо. Роща останется нетронутым тихим местом для их прогулок. Что по какой-то пока не понятной причине волновало Сайласа куда сильнее, чем он ожидал. Городские деньги останутся в сохранности.

Сайлас почти поверил в эту идиллическую картину. Почти. И именно это короткое слово «почти» заставило его остановиться. Потому что следом, тихо, но совершенно неотвратимо, всплыла другая мысль — та самая, которую он пытался заглушить с самого начала разговора у окна. Я дал слово. Не громко. Не с театральным пафосом. Всего лишь сухой факт. Он дал слово Феликсу. Устное, без подписей, печатей и свидетелей, но от этого не менее надежное.

И если он сейчас задвинет эти бланки в тёмный ящик — он нарушит своё обещание. Нарушит не потому, что кто-то уличит его во лжи. А потому что он сам будет точно знать о своём поступке. Слово важно. Сайлас никогда не спорил с этим фактом. Но оно не существует в вакууме само по себе. За каждым данным словом стоят живые люди. Стоит целый

город. Стоит пустая городская казна, которая и без того трещит по швам от прошлых кредитов на бессмысленные проекты мэра.

И тут мысли начали ветвиться, одна цеплялась за другую, и каждая казалась логически безупречной. Если отправить бланки прямо сейчас — дежурный маг-приемщик получит официальный запрос. Феликс обязательно прочитает его одним из первых. И если он решит, что странное светящееся растение — это не всего лишь «трава», как легкомысленно заявил мэр, а нечто большее — он немедленно начнёт задавать уточняющие вопросы. Он лично придёт в мэрию. Попросит организовать ему срочный доступ к закрытой частной роще высокопоставленного чиновника. И тогда мэр очень быстро узнает, что официальные представители Гильдии магов всерьез заинтересовались случайной находкой.

А дальше откроется два пути. Либо мэр, уже настроенный на семейный отдых, отмахнется от заключения магов — он ведь уже решил для себя, что это ерунда, и не захочет менять планы ради каких-то научных изысканий. Тогда роща останется тихим местом для их прогулки, а городская казна — нетронутой. Но надеяться на это весьма наивно.

Вероятнее всего, Феликс найдет нечто настолько убедительное, что мэр не сможет проигнорировать это — намёк на богатую магическую жилу, древние следы запрещённого ритуала, что-то уникальное, что можно немедленно монетизировать. И тогда он мгновенно забудет про рощу как место

для сентиментальной встречи с женой. Он вспомнит исключительно про огромную прибыль. Про доступные кредитные линии. Про какую-нибудь «жемчужину Уэстенда» в рекламных буклетах. Значит, если я сознательно промолчу и уберу бланки подальше — я хотя бы гарантированно не дам этому разрушительному сценарию запуститься.

Мысль звучала настолько убедительно, что он почти поверил в спасительность своего молчания. Он спасёт многострадальный город от банкротства. Он защитит обычных людей от новых поборов. Он сделает именно то, ради чего изначально согласился стать главным помощником мэра — чтобы мягко сдерживать его безумные прожекты, чтобы любой ценой не давать ему окончательно разорить Уэстенд. Но ведь я заключил договор с Феликсом именно ради этого. Чтобы у города появился надежный союзник среди непредсказуемой Гильдии магов. Чтобы кто-то независимый извне постоянно следил за опасными аномалиями и помогал мне держать неуёмного мэра в строгих рамках бюджета.

И тут он резко замер на месте. Потому что внезапно увидел зияющую логическую ловушку в собственных рассуждениях. Договор был заключен вовсе не о физической защите города стенами. Договор был об обычной человеческой правде. О том, что Сайлас обязуется честно сообщать обо всём подозрительном, а Феликс взамен — оценивает факты трезвым профессиональным взглядом, без лишней паники, но и без замалчивания фактов.

Защита города была лишь той высокой целью, на которую Сайлас искренне надеялся. Но юридическое и моральное содержание договора заключалось исключительно в честности. И если он осознанно нарушит принцип честности прямо сейчас — Феликс перестанет ему доверять. А полностью потеряв доверие единственного мага-союзника, Сайлас останется один на один с неуемными идеями и властью мэра. Без критического внешнего голоса, который мог бы вовремя сказать твёрдое «стоп», когда глава города загорится очередной финансово опасной авантюрой.

Без компетентного союзника, который способен видеть реальное положение дел в городе не изнутри замкнутой системы, а объективно — со стороны. Получался жестокий парадокс — отчаянно пытаясь спасти город от долгов обычным умолчанием, он собственными руками лишит этот город единственного реального защитника, который у него вообще есть.

Но Феликс может и не узнать. Эта навязчивая мысль вернулась снова. Та же самая, что и раньше — тихая, ласковая, притворяющаяся предельно разумной. Сайлас узнал её интонацию и невольно поморщился от досады на самого себя. Он уже мысленно проходил этот мучительный круг. Уже убедил себя минуту назад, что потеря доверия Феликса равносильна потере главного защитника для всего города.

Липкая мысль никуда не уходила. Она цеплялась за сознание, как репейник к шерстяному пальто. Никто ничего не

расскажет. Феликс не станет врываться в мэрию с расспросами о событиях в какой-то там роще — у него не возникнет такого повода. Отсутствие официальной бумаги означает отсутствие самого события; для внешнего мира того, о чём не написано в отчёте, попросту не существует. И что с того, что ты сам будешь всё помнить? Он попытался отогнать эту мысль, но она лишь глубже въелась под кожу.

Он будет знать.

Каждое утро эта память будет встречать его вместе с рассветом — вот он, собственной рукой задвигает ящик стола. Каждый раз, сталкиваясь с Феликсом на улице или в коридорах ратуши, он будет смотреть в эти спокойные, ясные глаза и физически ощущать вес несказанного. Эта недосказанность навсегда застрянет между ними холодной стеклянной стеной. Глядя на мэра, он поймет, что незаметно стал точной копией оригинала — человеком, который профессионально прячет неудобную правду глубоко под сукно.

Но ведь цель-то благая, — поспешно подумал он, и эта мысль показалась ему удивительно тёплой, почти домашней. — Я спасаю утопающего от самого себя. Я делаю это не ради выгоды. Ради тех бедолаг, которые платят налоги. Он почти поверил в это самооправдание. Почти. А потом — словно кто-то невидимый резко повернул его голову на пол-оборота и заставил взглянуть на себя со стороны — он вдруг услышал собственные слова чужими ушами. Не смысл фраз. Именно эту мягкую, бархатную, лживую интонацию, которой обыч-

но произносят прописные истины, чтобы оправдать любую подлость. И от этого внезапного узнавания внутри всё буквально похолодело. Пальцы рук мгновенно заледенели, потеряв чувствительность.

От этой мысли его буквально вывернуло наизнанку. К горлу подступил едкий ком желчи, ладони мгновенно стали ледяными и липкими от пота. Потому что он вдруг увидел себя со стороны — глазами постороннего наблюдателя. Не героя, не спасителя. А обычного трусливого чиновника, который убеждает себя, что он — исключение. Единственный здравый человек среди безумцев. Какая удобная ложь. Грань исчезла. Он даже не заметил момента, когда переступил её, решив, что цель оправдывает средства.

Я однажды дал слово. И не нарушу его. Эта короткая мысль пришла совсем тихо, но поразительно твёрдо, отсекая любые торги. Даже если это спровоцирует мэра взять губительный кредит. Даже если приведет к банкротству. Потому что преступить базовое слово сейчас — значит медленно, необратимо превратиться в точную копию того, кого он презирал всю свою сознательную жизнь. Стать тем, кто ищет оправдания своим слабостям. Он категорически не хотел становиться таким человеком.

Он решительно открыл глаза и посмотрел строго вперёд, фокусируя взгляд на дальней стене. Сильный дождь за окном постепенно стих, но низкое небо оставалось тяжелым, свинцовым. В гудящей голове настойчиво звучал один главный

вопрос, уже лишенный всякого философского тумана. Что важнее прямо сейчас — спасти цифры в отчётах или сохранить остатки самоуважения?

Теперь он знал ответ. Честность. Потеряв её, он потеряет единственное, что у него действительно осталось — возможность честно смотреть на свое отражение. А без этого всё остальное теряет смысл.

Сайлас с трудом заставил себя встать из-за стула. От долгого сидения ноги казались ватными и чужими, а спину ломило так, словно он весь вечер таскал камни. Он механически толкнул тяжелую дубовую дверь и шагнул в гулкий коридор пустой вечерней мэрии. Мимо проходили мелкие служащие департамента сборов — кто-то подобострастно кланялся, кто-то здоровался, но Сайлас не замечал их, глядя сквозь людей невидящим взглядом.

В звенящей голове звучал только один ритмичный звук — его собственные шаги, твёрдые и размеренные, отсчитывающие путь к пропасти. На улице дождь уже закончился, сменившись ледяной сыростью. Сайлас натянул капюшон плаща и зашагал по мокрой брусчатке навстречу зданию Гильдии.

Он шагал уверенно, чеканя шаг, и лишь одна ядовитая мыслишка копошилась на дне сознания, отравляя мнимое спокойствие — только полный болван может вот так, собственными руками сдать единственную козырную карту врагу, свято веря при этом, что совершает величайший акт добродетели в истории города.

Глава 19

Солнечный свет заливал столовую Келлов, ложась тёплыми пятнами на дубовый паркет. Вчерашняя буря, всю ночь хлеставшая по окнам холодным дождём, казалась теперь далёким воспоминанием. Город просыпался ясным и свежим, обещая идеальный день для семейной прогулки.

За столом было непривычно многолюдно. Обычно мэр завтракал в ратуше, на бегу проглядывая сводки, но сегодня отгул позволил ему остаться дома. Эдгар Келл сидел во главе стола, рассеянно глядя в окно поверх стопки бумаг, которые он прихватил с собой по привычке. Рядом — Амелия в простом утреннем платье. Напротив — Сенра, сжимающая плетёную корзинку так крепко, что побелели костяшки пальцев. Внутри лежали сыр, яблоки, кувшин с водой и чистая салфетка, которой она особенно гордилась.

— Ты уверена, что ничего не забыла? — спросила Амелия, и в голосе её звучала та редкая лёгкость, которая появлялась только в такие дни.

Сенра лишь вздохнула, расправляя складку на скатерти.

— Даже платок взяла. И нитяные перчатки. Ты всегда говорила, что земля после дождя пачкает манжеты.

Мэр усмехнулся, но взгляд его был пустым — он смотрел сквозь дочь, за стекло, где сиял солнечный город. Он не умел быть отцом в выходной. Не привык сидеть за общим столом,

слушая шелест ткани; пальцы сами тянулись к документам.

Завтрак прервал стук в дверь — короткий, требовательный. Все трое замерли.

— Кого принесло... — пробормотал мэр, откладывая вилку.

В столовую вошёл дворецкий, бесшумно ступая по доскам.

— Господин мэр, к вам посетитель. Маг из Гильдии. Говорит, дело срочное.

Мэр нахмурился. По лицу скользнула едва заметная тень раздражения.

— Я же сказал, у меня отгул, — ответил он, но голос прозвучал неуверенно. — Передайте, пусть приходит завтра.

— Я передал, — дворецкий оставался невозмутим, — маг настаивает.

Мэр недовольно вздохнул. Посмотрел на жену, на дочь, на корзину у двери. Затем отодвинул стул и поднялся, даже не доев завтрак.

— Я ненадолго. Поговорю и вернусь.

Он вышел, оставив за собой тишину. Амелия и Сенра переглянулись. Солнце всё так же заливало стол, но воздух словно загустел, стал тяжелее. Амелия машинально оправила складки своего платья — парадное, приготовленное для прогулки, сегодня утром так и осталось висеть в шкафу.

— Скоро вернётся, — тихо произнесла она, но в голосе не было уверенности. Только надежда, которую она отчаянно

пыталась сохранить.

Сенра кивнула. Но в груди уже разрасталось знакомое болезненное предчувствие. Словно первый холодный сквозняк перед грозой.

Мэр вернулся через четыре часа. И Сенра поняла, что прогулка отменяется, ещё до того, как он открыл рот. Он шагнул в столовую той пружинистой походкой, которая появлялась у него только перед запуском нового проекта. Глаза горели, пальцы выбивали дробь по дверному косяку — он был возбуждён до предела. За ним дворецкий нёс несколько свитков, которые мэр даже не заметил, что забрал.

— Отличные новости! — объявил он с порога. — Невероятные новости!

Он подошёл к столу, опёрся руками о столешницу и, не глядя на корзину с едой, начал говорить быстро, сбивчиво.

— Маг, который приходил утром... Он осмотрел то растение, которое нашла Сенра. И знаете, что он сообщил? Растение не светится само по себе. Оно впитывает магию! А откуда? Из-под земли! Где-то там, под рощей, проходит жила. Магическая жила.

Он выдержал паузу, наслаждаясь эффектом.

— Маги хотели исследовать рощу, собирались утыкать там всё какими-то приборами. Я дал им разрешение. Но я пошёл дальше! — он почти светился. — Я предложил им бизнес. Мы вкладываемся в раскопки, находим жилу, маги её покупают. Город получает новый источник дохода. Я по-

лучаю процент. Это гениально!

Он замолчал, переводя дыхание. Амелия и Сенра молчали.

— Это… — начала Амелия, — это значит, что мы не пойдём в рощу?

Мэр махнул рукой так, будто она спросила о чём-то совершенно неважном.

— В рощу? Сенра, милая, роща теперь стройплощадка. Там уже копают. Рабочие начали с утра.

Сенра почувствовала, как внутри всё обрывается. Пальцы сами собой сжались в кулак, впиваясь в ткань юбки.

— Но ты обещал, — напомнила она. Голос дрогнул, но она заставила себя смотреть отцу прямо в глаза.

— Я знаю, — мэр даже не взглянул на неё, разворачивая один из свитков и разглядывая план. — Но появились более важные дела. Я не могу упустить такой проект. Ты же понимаешь.

Она не понимала.

— Может быть... мы могли бы пойти куда-нибудь все вместе? — тихо предложила Амелия. — Хотя бы пройтись вдоль реки. Вместе.

Мэр поднял голову. На мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на неловкость, но тут же погасло.

— Амелия, — заговорил он голосом, которым привык убеждать избирателей, — я бы с радостью. Но сегодня мне нужно нанять подрядчиков. Масштабировать проект. Маги

заинтересованы, время не терпит. Мне нужно лично всё контролировать.

Он перевёл взгляд на Сенру.

— Вы же можете развлечься и без меня. Сходи куда-нибудь с друзьями. Погода прекрасная. Мама тоже с вами, если хочет.

Амелия смотрела на мужа. Её улыбка застыла, превратившись в натянутую маску. Сенра отвела взгляд, чувствуя, как щёки начинают гореть. Она посмотрела на отца — на его горящие глаза, на его план, на новые сапоги, блестевшие слишком ярко для лесных тропинок. И вдруг отчётливо поняла, что он уже ушёл от них. Ещё до того, как встал из-за стола.

— Хорошо, — ответила Сенра ровным голосом. — Отлично, — мэр уже смотрел в бумаги. — Прекрасно. Я пойду кое-куда, — добавила она, делая намеренную паузу.

Мэр поднял голову. Сенра на мгновение задержала дыхание — сейчас, сейчас он спросит, сейчас он хотя бы заметит, что она сказала что-то важное. Но он лишь скользнул по ней взглядом, потом повернулся к окну — там собирались рабочие, которых он нанял для раскопок, — и промолчал. Вопрос так и не прозвучал.

Амелия тоже поднялась, поправляя воротник.

— И я тоже пойду сегодня кое-куда.

Она произнесла это с той же интонацией, что и дочь. И замерла на мгновение, ожидая вопроса, ожидая интереса. Мэр посмотрел на жену, потом на дочь. Улыбнулся машинально.

— Отлично. Идите, развейтесь. А я займусь делами.

Он не спросил, куда они идут. Не проявил ни малейшего любопытства. Он был рад, что ему не нужно организовывать их досуг. Сенра и Амелия переглянулись. В этом коротком взгляде было понимание, которого слова не требовали. Дверь за мэром захлопнулась. Он ушёл на раскопки, не оглядываясь.

Сенра шла по пыльной дороге к роще. Лейтан, Корбин и Олдрик шагали рядом, держась чуть позади. Никто не спрашивал, куда они идут. Они знали без слов.

Когда она вышла из дома, ноги сами понесли её прочь от парка и людных улиц — туда, где билось сердце боли. Ей нужно было увидеть всё своими глазами. Дорога заняла полчаса. Солнце поднялось высоко, но полуденный зной почти не ощущался — его глушил запах остывшей после бури пыли и солярки. Сенра была слишком занята тем, что пыталась унять дрожь в пальцах.

— Ты уверена, что хочешь это видеть? — спросил Лейтан, когда они остановились у границы рощи.

Она лишь кивнула, не в силах разжать сведённые челюсти.

Поляна встретила их запахом сырой земли, машинного масла и прелой листвы. Место, где Сенра впервые увидела светящийся цветок, превратилось в строительную площадку. Земля была перекопана вдоль и поперёк, глубокие траншеи рассекли мягкую почву. Трава была вытоптана в жидкую грязь. Вдоль северной границы высилась бесформенная

гора выкорчеванных деревьев — тонкие стволы, ещё живые утром, теперь лежали мёртвой грудой, ощетинившись оборванными корнями.

Сенра смотрела на эту кучу, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой ледяной узел. Они спрятались за этой же горой веток — поваленные деревья стали их укрытием. От запаха мокрой коры и свежей щепы перехватило дыхание.

Выглянув из-за кучи, они увидели четверых рабочих в грязи. Один стоял на краю траншеи, трое копали внизу.

— Да нет тут ничего, — раздражённо бросил один, выбрасывая лопату земли.

— Я землю насквозь чую. Только корни да глина.

— Мэр сказал копать, вот и копаем, — отозвался бригадир сверху. — Пока не скажут стоп — будем махать.

— Да он сам не знает, чего ищет, — хмыкнул третий. — Маг ему наплёл про жилу, уши развесил. А мы тут лопатами машем который час.

— Начальник приедет сегодня, будет проверять каждый шаг, — буркнул бригадир, сплёвывая на землю. — Пока жилу не вскроем, не уедет. Копайте, ребята, не расслабляйтесь, нам всё равно платят за часы.

— Вот и возьмём плату, — пробормотал первый рабочий себе под нос. — А найдём или нет — дело десятое. Мэру деньги девать некуда. Он заказчик.

Сенра слушала. Рабочие ненавидели её отца. Считали дураком. И собирались обманывать его, получая деньги за пу-

стую работу. Она опустила глаза и увидела прямо под ногами тонкий молодой ствол. На нём ещё сохранились маленькие увядшие листья. Ещё зелёные.

— Они ведь даже не знают, что ищут, — тихо проговорила Сенра, глядя на изрытую землю. — Копают яму посреди рощи.

— Для них это обычная канава, — отозвался Лейтан. — А заплатить им кому-то придётся.

Она не ответила. Только смотрела на эту груду вывороченных с корнем стволов и свежевырытую грязь, понимая, сколько труда уйдёт на то, чтобы здесь снова хоть что-то выросло.

Рабочий, стоявший наверху, споткнулся о корни, торчащие из земли. Раздражённо выругавшись, он шагнул в сторону и рывком выдернул из земли тонкое молодое деревце, которое мешало ему пройти. Ствол сломался с сухим треском, и рабочий, не глядя, швырнул его в общую кучу, туда, где уже лежали десятки таких же.

Сенра смотрела на это дерево. Оно упало, оставляя за собой тонкую струйку земли. И внутри неё что-то оборвалось. Сначала она почувствовала, как глаза начинает жечь. Слёзы подступали к горлу, горячие, непрошеные. Она знала, что сейчас заплачет, что не сможет сдержаться, и ненавидела себя за это. Ненавидела, что отец сделал это с ними. Что роща, её тайное убежище, превратилась в строительный мусор.

— Сенра, — тихо позвал Олдрик, коснувшись её плеча.

— Пойдём отсюда.

Она покачала головой. Она не могла уйти. Должна была увидеть это до конца.

Рабочий подошёл к другому дереву. Схватил за ствол. Дёрнул. Сломалась половинка. Он бросил обломок в кучу, даже не взглянув на неё.

— Проклятый кустарник, — пробормотал он. — Мешает только.

Сенра смотрела на обломанное дерево, которое торчало из земли, как шрам. На его рваный край. На то, как быстро и равнодушно его убили. Слёзы тихо потекли по её щекам. Она не вытирала их. Она стояла и смотрела, чувствуя, как внутри неё разрастается пустота.

А потом она вдруг заметила Корбина. Тот стоял у самой кучи дров, куда рабочие скидывали вырубленный молодняк, и смотрел наверх. В руках он машинально мял свой собственный кораблик — тот самый, который так бережно нёс утром, боясь повредить. И тут её прорвало.

Тихий смешок вырвался первым — сухой, царапающий горло. Лейтан нахмурился. Корбин и Олдрик переглянулись, не понимая.

— Сенра? — осторожно спросил Олдрик.

Она зажала рот рукой, пытаясь остановиться, но плечи продолжали трястись.

— Если бы я сама не заставила вас сюда прийти, — нервно хихикнула она, закрывая лицо ладонью. — Со своей дурац-

кой затеей! «Смотрите, мои родители тут встретились!» Показала вам секретное место! А потом ещё и родителям рассказала об этом цветке... И где он сейчас? В какой из этих куч?!

Лейтан моргнул, осознавая масштаб иронии.

— То есть...

— Именно! — выдохнула Сенра, давясь смехом вперемешку со слезами. — А теперь мой неуёмный отец прислал бригаду! Заплатил им золотом города! Чтобы они свезли нашу рощу в одну большую кучу мусора... Ради чего?! Потому что какой-то маг посмотрел на цветочек и заявил, что здесь может быть жила!

Она согнулась пополам, держась за живот. Это был не счастливый смех. Это был звук лопнувшей пружины.

— Он ищет мифическую жилу там, где мама читала мне сказки! — почти выкрикнула она, и голос её сорвался на визг. — Он думает, что нашёл клад! А эти ребята, — она махнула в сторону траншей, — копают ямы в грязи с самого утра, потому что папе нужны очередные проценты к бюджету! Там нет жилы! Там никогда её не было! Мой упрямый отец решил, что любое важное для семьи место должно приносить прибыль!

Она замолчала, пытаясь перевести дыхание, но смех всё ещё сотрясал её тело. Она выглядела пугающе — со следами слёз на щеках, с припухшими глазами и этой безумной улыбкой, которая никак не вязалась с ужасом разрушений.

Друзья смотрели на неё в замешательстве.

— Сенра, — осторожно позвал Лейтан, подходя ближе. — Ты в порядке?

Она подняла голову. Глаза блестели — то ли от слёз, то ли от смеха, никто не мог понять.

— В порядке? — переспросила она, и уголок её рта дернулся вверх в горькой усмешке. — Конечно, нет. Но ты посмотри на это! Посмотри, во что он превратил наш дуб! В стройматериалы! Наверное, это самое эффективное использование бюджета в истории Уэстенда.

Она снова коротко хохотнула, качая головой. Впервые за весь день в её лице не было страха. Только едкая, взрослая усталость.

Корбин подошёл ближе и мягко взял её за плечи.

— Сенра, — прошептал он. — Мы запомнили, как всё тут было раньше. Можешь не сомневаться.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула благодарность.

— Я знаю, — ответила она хрипло. — Спасибо. Я знаю.

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони, глубоко вздохнула и поднялась на ноги. Друзья смотрели на неё с беспокойством. Её смех, такой неожиданный и неуместный, заставил их чувствовать себя неловко. Они не знали, как реагировать.

Сенра заметила их замешательство. Она смутилась, но не стала ничего объяснять. Смех был её, и он помог ей продер-

жаться прямо сейчас. Может быть, им не обязательно понимать.

Она оглянулась на рощу в последний раз. На кучу мёртвых деревьев, на траншеи, на рабочих, которые всё ещё копали в грязи, не замечая ничего вокруг.

— Пойдёмте, — сказала она хрипло. — Смотреть тут больше не на что.

Она пошла вперёд, и остальные последовали за ней, всё ещё переглядываясь в недоумении. Они не понимали, что заставило её смеяться, но они были рядом. Этого было достаточно. Сзади оставалась роща. Не та, которую помнила Сенра, а та, которую создал её отец.

Глава 20

Бар на углу улицы Гилберт пах пролитым элем, мокрой шерстью и дешёвым табаком — запах въедался в одежду намертво. Сайлас сидел в самом тёмном углу, там, где свет керосиновой лампы едва касался края стойки, оставляя лицо в густой тени. Второй бокал он допивал медленно, без всякого удовольствия, скорее по привычке. Домой идти не хотелось — там ждали только пустые комнаты и тишина, в которой слышно было, как скрипят половицы.

Дверь с грохотом распахнулась, впуская порыв ледяного ветра и женскую фигуру в дорогом, но помятом платье. Женщина двигалась быстро, почти резко — так ходят люди, которые убегают от чего-то или кого-то. Шаль полетела на ближайший стул, даже не зацепившись за спинку; она не стала её поправлять, словно ей было плевать, как она выглядит.

Сайлас узнал её по осанке ещё до того, как она вошла в круг света. Амелия Келл. Жена мэра. Она подошла к стойке, бросила бармену пару монет и заказала вино. Только когда повернулась, чтобы осмотреть зал в поисках свободного угла, её взгляд наткнулся на Сайласа. На лице мелькнуло откровенное раздражение — выражение человека, который нашёл тихий угол, а там уже сидит нежеланный свидетель.

— Вы, — произнесла она вместо приветствия, подходя ближе. В голосе прозвучало то же глухое раздражение, кото-

рое сейчас испытывал сам Сайлас. — Я не думала, что вы бываете в таких местах.

Он не поднял головы, продолжая водить пальцем по ободку пустого бокала.

— Я тоже не думал, что встречу вас здесь. Но, видимо, мы оба любим одни и те же места.

Амелия замерла, разглядывая его с холодным любопытством. Она могла бы уйти. Могла бы сесть за другой столик, подальше от него. Но она устала быть одна — даже если собеседник был последним, кого она хотела видеть. Вместо этого она поставила свой бокал прямо на его бумаги, выдержала короткую паузу, проверяя, возразит ли он, и села напротив.

— Вы выглядите так, — она обвела его взглядом, останавливаясь на потухших глазах и чуть опущенных плечах, — будто только что похоронили кого-то. Или это обычный вторник?

— Я пытаюсь выпить в тишине, — ровно ответил он. — Кажется, у вас та же цель. Но почему-то именно вы заняли мой стол, а не я ваш.

— Потому что вы — единственный человек в этом баре, который не смотрит на меня с жалостью, — произнесла она, садясь напротив. Голос звучал ровно, но в нём звенела натянутая струна. — Вы смотрите сквозь меня. Как на предмет интерьера.

Сайлас усмехнулся краем губ, даже не поднимая головы.

— Может быть, потому что я устал смотреть на людей, ко-

торые ждут, что я решу их проблемы. У меня своих хватает.

— У вас хватает своих проблем, — медленно повторила она, словно пробуя слова на вкус. В голосе слышалась горечь женщины, которая давно привыкла защищаться. — Поэтому вы сидите здесь, в углу, с пустым бокалом, и смотрите в стену?

Он поднял на неё глаза. Впервые за вечер во взгляде не было дежурной вежливости чиновника.

— Разве у вас другая причина?

Она не ответила сразу. Покрутила ножку бокала, глядя, как вино оставляет маслянистые следы на стекле.

— Я устала, — сказала она наконец, и голос дрогнул. — Устала притворяться мебелью. Устала от того, что моя жизнь превратилась в приложение к его рабочему графику. Его работа, его встречи, его планы... А моё место — сидеть дома и ждать, когда ему снова захочется тепла. Которого нет.

Сайлас смотрел на неё, чувствуя, как внутри разрастается холодное узнавание. Он мог бы сказать те же самые слова о себе самом.

— Мы оба устали, — тихо произнёс он. — Но признаться в этом вслух почему-то сложнее, чем тащить всё на себе.

— Да, — она кивнула, машинально поправляя выбившуюся прядь волос. — Но мы сидим здесь и пьём в одиночестве. Каждый со своим грузом. И это, наверное, самое грустное, что я видела сегодня.

Они замолчали. За стойкой кто-то громко засмеялся, где-

то звякнула посуда. Бар гудел своей обычной пьяной жизнью, а они сидели в своём углу, будто в другой комнате.

Амелия допила вино одним глотком и поставила бокал на стол. Звук получился неожиданно резким.

— Я не думала, что этот вечер закончится философскими беседами, — сказала она, пытаясь вернуть привычную отстранённость.

— Я тоже, — отозвался Сайлас, вертя в пальцах пустой бокал. — Видимо, нам обоим не суждено сегодня остаться в одиночестве.

Между ними легла тяжёлая тишина, но это была уже не неловкая пауза незнакомцев. Скорее, звенящее напряжение людей, которые только что обнажили оружие. Амелия медленно крутила в пальцах пустой бокал, и Сайлас видел, как напряглись сухожилия на её запястье — она взвешивала слова.

— Знаете, — начала она наконец, и в голосе зазвенела сталь, — я всегда считала вас частью этой машины. Вы — его броня. Всегда рядом, всегда молчите, с этим вашим выражением лица... Будто вы единственный разумный человек среди безумцев. Но ваша мудрость ничего не стоит, потому что вы стоите и смотрите, как всё рушится. Вы его прикрываете.

Сайлас усмехнулся — коротко, без тени веселья. Она попала в точку, и он это почувствовал.

— А вы? По-вашему, лучше? Вы носите платья, которые он купил. Живёте в доме, который он выбрал. Тратите день-

ги, которые он достаёт из карманов горожан. И жалуетесь, что он вас не замечает. Может быть, мэр считает, что должен открывать по одному делу в день, именно потому что вы сидите дома и ждёте мужа с подарками?

Амелия сжала ножку бокала так сильно, что пальцы впились в стекло до боли. Она подалась вперёд, опираясь локтями о стол, сокращая дистанцию.

— Ты думаешь, это легко? — в голосе зазвенела злость. — Каждый раз, когда я пытаюсь забрать у него хоть вечер, появляется твой отчёт! «Господин мэр, срочная ревизия». «Господин мэр, кредиторы требуют график выплат». Ты подписываешь эти бумаги быстрее, чем он успевает снять пальто!

Она наклонилась ещё ближе, глядя ему прямо в глаза.

— Помнишь день рождения Сенры в прошлом году? Ей исполнилось одиннадцать. Она ждала его с утра. Испекла пирог, который сгорел, потому что нервничала. А он не пришёл. Знаешь, почему? Потому что ты убедил его, что контракт с Гильдией нужно подписать сегодня вечером и что переговоры затянутся до полуночи. Ты мог бы настоять, чтобы он ушёл домой. Что дочь ждёт. Но ты не стал. Ты сослался на необходимость.

Сайлас почувствовал, как стекло впивается в пальцы. Он помнил тот вечер. Мэр зашёл к нему в кабинет уже под вечер, усталый, раздражённый. Сказал, что представители Гильдии настаивают на срочной встрече, но он не хочет идти домой — там день рождения дочери, и он не готов иг-

рать роль отца. Попросил Сайласа придумать предлог, чтобы остаться в мэрии допоздна. И Сайлас придумал. Сослался на важность контракта. Хотя мог отправить его домой и провести переговоры самостоятельно.

— Контракт действительно требовал его подписи, — сказал он, не поднимая глаз. — Переговоры шли до полуночи, и без него они бы сорвались. Но я мог взять это на себя. Я мог отправить его к дочери. Я не сделал этого.

— Ты дал ему повод не возвращаться к семье, — парировала она мгновенно, почти выплюнув слова. — Ты мастер оправданий. Вечно срочное, вечно важное, вечно необходимое. Ты превратил его в механизм, который работает круглосуточно. И никогда не спрашивал себя — кому на самом деле нужна эта жертва? Ему? Тебе? Или системе, в которой вы оба застряли?

Амелия откинулась на спинку стула, и в её голосе появилась новая, более холодная нотка.

— А помнишь, как он начал отпускать Сенру одну в город? Ей было десять. Он сказал, что это отличная демонстрация безопасности Уэстенда. Что люди увидят дочь мэра, гуляющую без охраны, и поймут — в городе нет преступности.

Она помолчала, глядя куда-то ему через плечо.

— Ты знал об этом. Ты даже хвалил его за эту идею.

Сайлас не ответил. Он помнил тот разговор. Помнил, как мэр с гордостью раскладывал перед ним план, а он кивал и называл это смелым ходом. Он не спросил тогда, как чув-

ствует себя девочка. Не спросил, хочет ли она вообще гулять одна.

— Я умоляла его не делать этого, — продолжила Амелия. Голос её дрогнул, но она заставила себя продолжать. — Говорила, что она ещё ребёнок, что ей нужна защита. Он отмахнулся — сказал, что я слишком тревожная, что у него всё под контролем. А ты... ты сказал, что это действительно укрепляет доверие горожан.

Она сжала пальцы на ножке бокала.

— Ты ни разу не спросил, как она себя чувствует, когда идёт по улице и ловит на себе взгляды незнакомых людей.

— Я... — начал Сайлас.

— А потом был этот торговец на рынке, — перебила она, и голос её стал жёстким. — Привязался к ней, начал предлагать купить амулет, а когда она отказалась — схватил за руку и не отпускал, пока она не заплатила. Она пришла домой в слезах. Рассказала мне.

Сайлас почувствовал, как внутри разрастается холод. Он не знал. Он не спрашивал.

— Я хотела пойти к этому торговцу, разобраться, — продолжила Амелия. — Но Сенра умоляла меня не говорить отцу. Она боялась, что он рассердится, из-за того, что она мешает показывать эту проклятую безопасность города.

Она посмотрела на него долго, не отводя взгляда. Потом опустила глаза.

— Синяки на запястье не проходили почти неделю. Она

никому не говорила о них. Потому что её отец сказал, что безопасность города важнее её страха. А ты поддержал его в этом.

Она подняла на него глаза, и в них была не злость. Только усталость, которая уже не ищет выхода.

— Ты не видел в ней ребёнка, Сайлас. Ты видел пункт в отчёте. Ещё одну строчку в списке достижений мэра.

Сайлас медленно поставил бокал на стол. Звук получился неожиданно тихим — но именно эта тишина заставила Амелию замолчать.

— Я был против, — сказал он ровно. — С самого начала. Когда он впервые заговорил о том, чтобы отпускать её одну, я назвал это безумием. Девочке десять лет. Город — не теплица. В Уэстенде тёмные переулки на каждом шагу.

Он помолчал, глядя ей прямо в глаза.

— Но Сенра — не моя дочь, Амелия. Я не имею права лезть в то, как ты её воспитываешь. Это твоя территория. Твоя прямая обязанность — защитить её. Не моя.

Амелия открыла рот, собираясь возразить, но он не дал ей вставить ни слова.

— И мы нашли выход, помнишь? — продолжил он, и в голосе зазвенела та же сталь, что была у неё минуту назад. — Обручили Сенру с Олдриком. Приставили дворецкого, который ходит за ними хвостом. Формально — она под присмотром. Формально — рядом взрослый. Формально — всё под контролем.

Он наклонился чуть вперёд, опираясь локтями о колени, сокращая дистанцию.

— Мэр использовал дочь, чтобы доказать городу свою эффективность. Чтобы спасти репутацию семьи перед выборами. Но разве ты не использовала её точно так же? Ради этого вашего союза с семьёй владельцев рафинерии. Чтобы пристроить девочку подальше от ваших домашних скандалов.

Амелия побледнела. Не от злости — от того, что удар попал точно в цель.

— Это не фиктивный брак, — сказала она тихо, но голос дрогнул. — И не сделка.

— А что тогда?

Она выпрямилась. Сжала пальцы на ножке бокала так, что побелели костяшки.

— Страховка, — произнесла она, и каждое слово легло на стол тяжело, как свинцовая печать. — Я знаю Болденов пятнадцать лет. Я видела отца Олдрика. Знаю, каким вырастет сын — потому что смотрю на его папашу каждый вечер за ужином. Я знаю, что он не поднимет на неё руку. Не приведёт любовниц. Не промотает её наследство в карточных долгах. Он будет скучным, надёжным и предсказуемым. Именно таким мужем должен быть человек, которому доверяют будущее рода.

Она помолчала, переводя дыхание.

— Знаешь, что хуже всего, Сайлас? Узнать, кто твой муж, внезапно. Перед алтарём. Когда уже поздно. Или знать зара-

нее. Иметь годы, чтобы присмотреться. Проверить почву. И если что-то пойдёт не так — иметь возможность тихо расторгнуть помолвку, пока никто ничего не понял.

Сайлас молчал. Он не ожидал такого ответа — спокойного, почти делового. Без слёз. Без оправданий.

— Ты говоришь о ней, — произнёс он наконец, — как об активе в портфеле инвестиций.

— Я говорю о своей дочери, — парировала она мгновенно, — как о человеке, у которого хотя бы останется фундамент под ногами. Хотя бы один выбор, сделанный за неё заранее. Чтобы ей не пришлось выбирать самой. В слезах. В восемнадцать лет. Под дулом общественного мнения.

Она откинулась на спинку стула и впервые за весь вечер посмотрела на него без враждебности. Только с той же усталостью, которая плескалась сейчас в нём самом.

— Ты обвинял меня в том, что я её не защищаю, — добавила она ещё тише. — А я защищала. Иначе — не так, как хотелось тебе. И не так, как мечталось ей.

Сайлас опустил взгляд на свой пустой бокал. Он хотел что-то сказать, но не смог выдавить ни звука. Потому что понимал, что она права. По-своему, криво, страшно — но она действительно пыталась защитить ребёнка. Её защита выглядела со стороны как предательство.

— Мы все её используем, — глухо выдавил он. — Каждый по-своему. Он — чтобы доказать городу контроль. Ты — чтобы обеспечить безопасную клетку. А я...

Он не смог закончить. Горло перехватило.

— А ты, — закончила за него Амелия, и в её голосе больше не было льда, только бесконечная усталость, — пытаешься доказать себе, что хоть что-то контролируешь. Что ты не тень за его спиной.

Они посмотрели друг на друга. И в этом взгляде не осталось ни капли злости. Только то самое чувство, что они оба давно знают друг друга, но никогда не говорили об этом.

— Мы оба виноваты, — сказал он.

— Да, — выдохнула она. — Оба.

Он замолчал, чувствуя, как внутри поднимается горечь, которую он так долго глушил работой.

— И знаешь, что самое обидное? — продолжил он тише. — Я думал, у меня есть союзник. Феликс. Мы договорились отслеживать бюджет, держать руку на пульсе. А когда пришло время решать... он выслушал предложение мэра о раскопках — и согласился. Кивнул. Теперь я злюсь на него, хотя понимаю, что сам виноват.

Амелия смотрела на него, и в её глазах сверкнуло узнавание.

— Это не тот ли маг, который явился к нам утром и испортил семейный отдых?

Сайлас не ответил. Смотреть на неё сейчас было физически больно.

— Выходит, он твой приятель, — усмехнулась она, но в усмешке не было веселья, только усталость. — Прекрасно.

Вы оба испортили нам день. Ты — тем, что держишь его в кабинете до полуночи. А он — тем, что принёс новости о жиле. Отличная команда.

— Мы уже не команда, — сказал Сайлас тихо.

Она смотрела на него, и в её глазах сверкала злость, но это была другая злость. Не обида жены, а холодная оценка человека, который вдруг увидел в собеседнике родственную душу.

— Ты такой же, как он, — произнесла она очень тихо, почти шёпотом. — Ты думаешь, что ты единственный, кто всё понимает правильно. Что все остальные — всего лишь статисты. Мешают тебе спасать мир своими мелкими жизнями.

— А ты видишь меня? — спросил он, и голос стал жёстким. — Или для тебя я «помощник мэра»? Ещё один исполнитель в этой машине?

Она молчала. Они смотрели друг на друга сквозь пустой воздух таверны, и между ними повисло тяжёлое понимание.

— Мы ненавидим друг друга, — сказала она наконец, и голос её дрогнул, теряя сталь. — Потому что мы слишком похожи. Два заложника одного безумца.

— Именно поэтому, — хрипло ответил он. — Потому что мы оба застряли в одном и том же болоте. И понятия не имеем, как оттуда выбраться.

Между ними легла тяжёлая, плотная тишина. Сайлас смотрел в свой пустой бокал.

— Зачем я это сказала? — произнесла она тихо, глядя

куда-то сквозь него. — Это было жестоко.

— Зато правдиво, — ответил он так же тихо. — Я заложник этого кабинета. Ненавижу то, во что он превращает город. Но остаюсь рядом, потому что если уйду, останется пустота.

Амелия медленно провела пальцем по краю бокала.

— Я тоже знаю, что ты прав. Живу в этом доме пятнадцать лет. Но меня там нет. Жду, когда он придёт вовремя. Жду ужин, который мы не съедим вместе. И понимаю, что он не изменится. Никогда.

Они замолчали. За стойкой кто-то громко засмеялся, но звук был чужим, не имеющим к ним отношения. Амелия смотрела в окно, где сгущались сумерки.

— Мы оба ждём того, чего не случится, — сказала она, не поворачивая головы. — Я жду, что он станет отцом для Сенры. Ты ждёшь, что он превратится в мэра, который думает о людях. А он всего лишь хочет строить. Ему плевать, чьи деньги тратить.

— Да, — выдохнул Сайлас, потирая переносицу. — И мы не знаем, как перестать надеяться. Потому что если перестанем, придётся признать, что всё это было зря.

Амелия повернулась к нему. На её губах появилась улыбка — впервые за весь вечер без сарказма или боли. Усталое облегчение.

— И что дальше?

— Не знаю, — сказал Сайлас, и в голосе его прозвучало

странное облегчение. — Но это лучше, чем притворяться, что у нас есть план.

Она тихо рассмеялась — коротко, с надломом, но искренне.

— Наверное, да. Признать поражение иногда приятнее, чем проигрывать каждый день.

Она допила вино, поставила бокал на стол и посмотрела на него прямо — впервые за вечер без маски.

— Спасибо, — сказала она. — Мне нужно было кому-то это сказать.

— Я тоже злился на тебя, — признался Сайлас. — Думал, если бы ты настояла, он бы одумался. Но теперь понимаю, что бесполезно. На него ничего не действует.

— Я не могу его изменить, — её голос дрогнул. — Не могу сделать так, чтобы он увидел Сенру. Это не в моей власти.

— И не в моей, — добавил Сайлас. — Я могу только смягчать удары, когда всё рухнет.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Может быть, нам стоит перестать пытаться его переделать. И признать, что мы не можем. Единственное, что остаётся — быть рядом с теми, кто понимает правила игры.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотя бы знать, что есть кто-то ещё, — сказала она, отводя взгляд. — Кто понимает, почему мне больно.

Сайлас разглядывал её лицо в тусклом свете лампы. Впервые за долгое время перед ним была не «жена мэра», а устав-

шая женщина.

— Я вижу тебя, Амелия. Не жену мэра. А тебя.

В её глазах блеснула влага. Она быстро моргнула.

— Это всё вино, — криво усмехнулась она.

— Это не вино. Это усталость. Я знаю её слишком хорошо.

Она тихо рассмеялась — без горечи, без сарказма.

— Мы странные. Должны ненавидеть друг друга, а вместо этого понимаем.

— Мы оба устали воевать, — сказал Сайлас. — И поняли, что сражаться не с кем. Кроме самих себя.

Они сидели в тишине, но теперь она была спокойной, почти уютной. Сайлас допил вино и поставил бокал на стол, чувствуя, как напряжение наконец отпускает.

Амелия крутила в пальцах ножку бокала, глядя на игру света в стекле.

— Знаешь, — сказала она тихо, — это ведь очень странно. Сидим здесь. Два человека, которые должны быть врагами. Обвинили друг друга во всём, выяснили, что оба тянем одну и ту же лямку... и вдруг поняли, что мы не такие уж разные.

— Забавно, — усмехнулся Сайлас, откидываясь на спинку стула.

Она улыбнулась — и впервые за вечер улыбка была настоящей.

— В романах, когда двое так сильно спорят, они обычно потом мирятся, а потом... — она сделала паузу, и пальцы её чуть теснее сжались на ножке бокала, — ну, ты понимаешь.

Сайлас нахмурился, пытаясь понять, куда она клонит.

— Поцеловаться? — переспросил он, и голос прозвучал чуть тише, чем он хотел. — Мы?

— Мы, — подтвердила она, смеясь.

— Ты считаешь, это нормально? Два человека, которые только что перестали кричать друг на друга, вдруг целуются. Прямо над недопитым элем.

— В жизни такое бывает, — задумчиво протянула она. — Когда высказываешь всё, что держал внутри, становится легче. Начинает казаться, что вы поняли друг друга. По-настоящему поняли. Не так, как понимают мужья, которые кивают, не отрываясь от бумаг. А так, как понимают люди, которые прошли через одно и то же.

— Мне кажется, им стоит на секундочку…

— Они думают, что между ними как там пишут, химия, — сказала она, окинув его оценивающим взглядом, в котором плясали озорные огоньки. — Тем более что они вполне... привлекательны.

— И не совсем трезвы, — усмехнулся Сайлас, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое.

— Важное уточнение. За отсутствие трезвости — скидка.

Сайлас помолчал, глядя на неё, и голос его стал чуть серьёзнее.

— Но даже при всём при этом, ты замужем.

Амелия пожала плечами, но в этом жесте не было вызова, только усталость.

— Это мои проблемы. А тебя что сдерживает?

Сайлас задумался, и в его глазах мелькнула та же искра, что и у неё.

— Подвох. Мне кажется, что когда всё хорошо, обязательно прилетит удар под дых. Я слишком привык, что за хорошим моментом всегда следует катастрофа.

Амелия посмотрела на него с неподдельным удивлением, а потом рассмеялась — легко, почти удивлённо.

— Ты удивительно рассуждаешь для того, кто столько выпил.

— Наверное, это у меня на уровне инстинктов. Привычка выживать, — ответил он, и в голосе его прозвучала неожиданная мягкость.

Она поставила бокал на стол чуть резче, чем нужно.

— Может, нам стоит встречаться почаще, — сказала она тише. — Не ради поцелуев. А чтобы выговориться. У меня сегодня впервые за долгое время стало легче дышать.

Сайлас посмотрел на неё. На усталую женщину напротив, которая сняла маску.

— Наверное, стоит. Без поцелуев.

— Без поцелуев, — согласилась она, и в улыбке мелькнула та самая озорная искра. — Но с вином.

— И с разговорами.

— Это само собой, — ответила она, и они снова рассмеялись — легко, сбрасывая остатки напряжения дня.

Он поднялся, набрасывая пальто.

— И ради всего святого, если кто-то спросит — мы пили вино и жаловались на жизнь. И ни слова о романах и о том, как там все происходит.

Амелия засмеялась, и звук её смеха остался висеть в воздухе, когда дверь закрылась.

Сайлас вышел под звёзды. Прохладный воздух обжёг лицо, выветривая запах табака и вина. С каждым шагом тяжесть, которую он носил годами, становилась чуть меньше. Завтра будет новый день. Принесёт новые отчёты, новые истерики мэра и бесконечные цифры в гроссбухах. Но сегодня, хотя бы на короткий миг, он чувствовал себя живым. Где-то там, в баре на улице Гилберт, остался человек, которому не нужно было ничего объяснять. И этого хватило, чтобы завтра снова прийти в мэрию.

Глава 21

Солнце стояло высоко, но воздух всё ещё хранил прохладу недавней бури — ту особенную свежесть, которая бывает только после того, как небо несколько дней подряд хлестало город дождём. Сайлас шёл по улице Гилберт, прижимая к боку кожаный портфель с бумагами. Внутри лежал новый контракт с Гильдией — тот самый, который мэр должен был подписать ещё вчера, но вместо этого устроил очередное совещание с подрядчиками по раскопкам.

Сайлас не любил такие утра. Не потому, что работа была тяжёлой — к тяжёлой работе он привык годами. А потому, что каждое утро начиналось с одного и того же — нужно было идти к мэру, смотреть в его горящие глаза, слушать про новые проекты и делать вид, что всё это имеет смысл. После разговора с Амелией в баре делать вид стало ещё труднее.

Он свернул за угол и увидел фигуру, идущую в ту же сторону — к дому мэра. Феликс. Маг шёл быстро, почти спортивно, прижимая к груди небольшую деревянную коробку, обитую медными уголками. На лице его играло то самое выражение, которое Сайлас знал слишком хорошо — выражение человека, который только что что-то понял и теперь горит желанием поделиться.

Сайлас замедлил шаг. После их размолвки — той самой, когда Феликс согласился на раскопки в роще, а Сайлас не

смог его простить — он не ожидал увидеть мага здесь. Феликс должен был быть в Гильдии, писать отчёты, изучать образцы почвы с раскопок. А не идти к мэру с коробкой в руках, словно школьник, который принёс учителю свою находку.

— Феликс, — окликнул он, поравнявшись с ним.

Маг обернулся. Увидев Сайласа, он на мгновение замер — в его глазах мелькнуло что-то похожее на неловкость. Но потом он усмехнулся, и неловкость исчезла.

— Сайлас. Я как раз к тебе. К мэру, то есть. Но к тебе тоже.

— Я вижу, — Сайлас кивнул на коробку. — Что это?

— Прибор, — Феликс погладил крышку, словно это был любимый питомец. — Я его собрал за последние дни. Он может засечь магические отклонения у живых существ.

Сайлас нахмурился.

— У живых существ? Зачем?

— Поговорим внутри, — Феликс огляделся, словно боялся, что их подслушивают. — У меня есть теория. И она... большая.

— Феликс, — Сайлас остановился. — Ты же понимаешь, что после раскопок мэр тебя не очень-то любит слушать.

— А я и не прошу, чтобы он любил, — маг усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Я прошу, чтобы он послушал. Хотя бы раз. Если я прав — мы все в дерьме. Если не прав — я уйду из Гильдии.

Сайлас посмотрел на него внимательно. Феликс не был человеком, который бросался такими словами. Если он говорил серьёзно — значит, действительно нашёл что-то важное.

— У мэра выходной, — сказал Сайлас наконец. — Он не принимает.

— Это не обсуждается, — отрезал Феликс. — Если мы не разберёмся сейчас — кредиторы разберутся с ним без нас. И тогда будет поздно.

Сайлас помолчал. Он знал, что кредиторы уже несколько дней ломятся в дом мэра. Банкир из столицы, поставщик утвари, строитель — все они ждали денег, которых у города не было. Если Феликс действительно нашёл что-то, что может отвлечь мэра от новых проектов и заставить его заняться реальными проблемами, у них появлялся шанс.

— Хорошо, — сказал Сайлас наконец. — Но я предупреждаю — если он снова начнёт про жилу, я ухожу.

— Договорились, — Феликс кивнул, и они двинулись дальше, к дому мэра.

Дворецкий открыл им дверь с тем же невозмутимым лицом, с каким открывал её последние лет десять. Он проводил их через холл, мимо гостиной, где обычно собиралась семья, и остановился перед дверью кабинета.

— Господин мэр занят, — сказал он. — У него посетители, вам придется подождать.

— Какие посетители? — нахмурился Сайлас.

Дворецкий пожал плечами — жест, означавший, что он

не имеет права обсуждать дела господина.

Сайлас постучал.

— Войдите, — раздался голос мэра. Голос был напряжённым, но старался звучать бодро.

Сайлас открыл дверь, и они с Феликсом вошли. Кабинет был полон людей. За столом сидел мэр — перед ним лежала стопка бумаг, которые он явно не читал, а перекладывал с места на место. Напротив него, на стульях для посетителей, расположились четверо — банкир в дорогом костюме, с тонкими губами и холодными глазами, поставщик утвари — коренастый мужчина с красным лицом и мозолистыми руками, строитель — высокий, худой, с вечным выражением недовольства, и старший рабочий с раскопок — в грязной рубахе, которую он, видимо, не успел переменить.

Все они смотрели на мэра с одинаковым выражением — выражением людей, которые устали ждать.

— А, Сайлас! — мэр поднял голову, и на его лице мелькнула искренняя радость. — Отлично! И Феликс! Маг! Как раз вовремя — господа хотят обсудить некоторые... технические вопросы. Феликс, вы как раз можете помочь нам разобраться.

Феликс шагнул вперёд, но Сайлас уловил его взгляд — быстрый, почти незаметный. Маг покачал головой — не сейчас.

— Господин мэр, — банкир заговорил первым, не давая мэру возможности продолжить. — Мы пришли по делу.

Проценты по кредиту просрочены на две недели. У нас есть бумаги.

— Я знаю, я знаю, — мэр замахал рукой, словно отгонял назойливую муху. — Но вы же понимаете, сейчас мы работаем над новым проектом. Раскопки в роще и есть наше будущее! Магическая жила!

— Мы слышали это три раза, — банкир даже не моргнул. — «Будущее» не оплачивает счета, господин мэр.

Поставщик утвари фыркнул.

— Мне нужны деньги. Я ждал месяц. Мои работники тоже хотят есть.

Строитель сложил руки на груди.

— Рабочие не получают зарплату. Если вы не заплатите — они уйдут к другим заказчикам. И подадут в суд на мэрию.

Мэр побледнел. Сайлас видел, как у него дёрнулся глаз — тот самый нервный тик, который появлялся, когда он понимал, что ситуация выходит из-под контроля.

— Господа, — мэр попытался встать, но банкир поднял руку, и мэр снова сел. — Будущее — за магией! Мы почти разобрались с новым источником магии в городе!

— «Почти», — повторил банкир, и в его голосе прозвучало столько презрения, что Сайлас почти почувствовал физическую боль. — «Почти» не оплачивает счета, господин мэр.

Феликс кашлянул.

— Господин мэр, — сказал он, и голос его был ровным, но в нём звенела та самая сталь, которую Сайлас слышал только

в самые важные моменты. — Я пришёл не по поводу кредитов. Я пришёл по другому вопросу.

Все повернулись к нему. Мэр посмотрел с облегчением — словно Феликс бросил ему спасательный круг.

— Феликс! Отлично! Маг поможет нам разобраться! — мэр почти вскочил со стула.

— Господин мэр, я знаю, вы заняты, — Феликс поставил коробку на стол. — Но то, что я нашёл, может решить не только вашу проблему с кредиторами, но и объяснить всё, что происходит в городе последние месяцы. Это стоит вашего внимания.

Мэр перевёл взгляд с Феликса на кредиторов, потом обратно. Он понимал — если сейчас отмахнётся от мага, кредиторы воспримут это как слабость. Лучше дать Феликсу слово — пусть говорит, а там видно будет.

— Говорите, — сказал мэр, и голос его прозвучал нарочито громко, чтобы все слышали. — Мы слушаем. Только быстро, Феликс. У нас тут серьёзные вопросы.

Кредиторы переглянулись. Банкир нахмурился, но промолчал — мэр всё-таки хозяин кабинета.

Феликс кивнул и шагнул ближе к столу, поставив коробку перед собой. Сайлас стоял у стены, скрестив руки, и смотрел на мага с настороженностью. После того как Феликс согласился на раскопки в роще, Сайлас не доверял ему. Но сейчас он тоже молчал — ему было интересно, что скажет маг.

Феликс поставил коробку на стол и открыл крышку. Внут-

ри лежал странный прибор — медные трубки, стеклянные колбы с мутной жидкостью, кристаллы, вставленные в латунные оправы. Всё это тихо гудело, словно живой организм.

— Раскопки в роще не дали результатов, — начал Феликс, и голос его был ровным, но в нём звенела та самая сталь, которую Сайлас слышал только в самые важные моменты. — Там нет магической жилы. Деньги потрачены зря.

Мэр побледнел.

— Но цветок же светился! — воскликнул он. — Пусть копают дальше!

— Растение впитало магию, — Феликс поднял руку, не давая мэру продолжить. — Но не от жилы. От другого источника.

— Значит, нас разыграли? — мэр почти вскочил со стула.

— Нет, — Феликс покачал головой. — Растение принимает магию и начинает светиться в исключительных случаях. Кто бы это ни сделал — довольно искусная магическая работа. Для обычного розыгрыша это слишком затратно. Это как если бы вы отправились в другую страну только для того, чтобы разыграть одного человека, а потом вернулись бы обратно. Бессмысленно.

Сайлас нахмурился. Он чувствовал, что Феликс ведёт их куда-то, но пока не понимал — куда.

— Значит, у нас минимум два неопознанных магических эффекта, — сказал он. — Тварь и растение. Или больше?

— Больше, — Феликс повернулся к нему, и в его гла-

зах мелькнуло что-то похожее на благодарность — за то, что Сайлас понял направление мысли. — Когда тварь была еще в лесу, на неё воздействовали магией и она направилась к городу, ее что-то приманило. Когда она погибла — воздействовали второй раз. И умерла она от остановки сердца, а не от внешних повреждений. Плюс недавний удачный лов рыбы — тоже магия. Та рыба вообще ничего не ест в этом месте реки, поэтому ее нельзя поймать с помощью удочки. Если только не воздействовать на нее каким-то эффектом.

— Разнообразная магия, — пробормотал Сайлас.

— И неизвестная, — Феликс кивнул. — Такого нет в базах Башен. Кто-то проводил независимый эксперимент. И я знаю кто.

Он помолчал, переводя дыхание.

— Рион Энрад. Точнее, он лишь один из группы.

Мэр нахмурился.

— Кто?

— Беглый учёный из ближайшей Башни, — Феликс говорил быстро, словно боялся, что его перебьют. — Больше двенадцати лет назад он с группой магов сбежали из Башни, чтобы провести некий опыт в лесу. Скорее всего, то, что мы наблюдаем в городе, некий эффект от их опыта.

Мэр щёлкнул пальцами.

— Я помню этого типа! Тогда была буря, у меня куча работы, и ещё пришлось разбираться с каким-то забредшим. Причём, он еще и умер. При нём были деньги, документы,

но в гостинице он не останавливался.

— Именно, — Феликс кивнул. — И вот вопрос — почему этот эффект не проявлялся двенадцать лет?

— Лежал на печи? — мэр попытался пошутить, но шутка не получилась.

— Возможно, тот, кто им владеет, учился пользоваться эффектом, — Феликс игнорировал шутку. — Или же он рос, пока не достиг разумного возраста. Если рос — может означать, что Рион Энрад как-то передал магию одному из местных младенцев.

— Его бы не подпустили к детям, — мэр нахмурился.

— Да, это не проработано, — Феликс согласился. — Но давайте прикинем, кто был рядом во всех случаях проявления магии. Растение нашла ваша дочь. Тварь напала на неё. Рыбу поймала она.

Мэр замер.

— Я в глаза не видел этого Риона во время бури!

— Не сомневаюсь, — Феликс кивнул. — В тот день, когда он явился в город, ваша дочь, я полагаю, находилась дома.

— Ей было меньше года, — воскликнул мэр. — Но постойте, она же не одна все это провернула. С ней постоянно ходил этот мальчик — Олдрик из Болденов.

Сайлас почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он вспомнил, как однажды видел дочь мэра на улице — она шла в компании Олдрика из Болденов, и с ними были ещё какие-то дети, кажется, один постарше, другой ее возраста. Он

не придал этому значения тогда — мало ли, дети играют. Но теперь, когда Феликс связал все случаи с присутствием Сенры, этот случай всплыл в памяти сам собой.

Он попытался вспомнить подробности, где это было, когда, кто именно был с ними. Но память отказывалась выдавать детали — только смутный образ, девочка, мальчики, дорога, ведущая к роще. Сайлас не был уверен, что это было именно то, о чём говорил Феликс. Он вообще не был уверен, имеет ли это значение. Но что-то в этом воспоминании цепляло его, не давало покоя.

— Был ещё случай, — Феликс продолжал, не замечая реакции Сайласа. — Крышу рафинерии Болденов сорвало во время бури. Тогда кто-то проверил конструкцию с помощью магии — крепёж разрушился неестественным образом. Ещё одно проявление.

— Я не могу понять, хорошая эта магия или плохая, — мэр наконец нашёл голос. — Она помогает тому, кто ее использует или вредит.

— Магия по своей сути — всего лишь эффект, нарушающий привычные причинно-следственные связи, — Феликс говорил так, словно читал лекцию. — Она не делится на добро и зло.

— Яснее не стало, — мэр потер виски.

— Доверьте это профессионалам, — Феликс погладил коробку. — Я принёс прибор, чтобы проверить, нет ли у вашей дочери магических отклонений.

— Этого ещё не хватало! — мэр вскочил со стула.

— Не волнуйтесь, он безопасен, — Феликс не дрогнул.

Кредиторы переглянулись. Банкир достал из кармана часы, глянул на циферблат и убрал обратно — жест, который говорил сам за себя.

Банкир долго терпел, но всему есть предел. Он стукнул кулаком по столешнице — короткий, сухой звук заставил всех замолчать.

— Господин мэр, — произнёс он, и в голосе его не осталось ни капли былой любезности, только холодная банковская сталь. — Мы выслушали вашего мага. Очень увлекательно. Но наши счета от этого меньше не стали. Проценты просрочены уже две недели, бумаги с печатями лежат перед вами.

Поставщик утвари подхватил эстафету глухим, надтреснутым голосом человека, который устал повторять одно и то же десятый раз за утро.

— Вы говорите о магии, о будущем, о каких-то носителях... А я говорю о зарплате, которую мои работники не видели уже месяц. Им не нужны теории — им нужна еда, которую можно положить на тарелку.

Строитель, стоявший до этого молча, тяжело переступил с ноги на ногу и скрестил руки на широкой груди.

— Мои люди тоже остались без расчёта, — прогудел он. — Если вы не заплатите в ближайшие дни, они уйдут на другие объекты. И подадут коллективный иск на мэрию. Я не

смогу их удержать, даже если очень захочу.

Мэр побледнел так, что кожа приобрела оттенок воска. Он переводил взгляд с одного кредитора на другой, пытаясь найти хотя бы тень сочувствия или сомнения, но видел лишь каменные лица людей, чьи деньги сгорели в топке его амбиций.

— Господа, — начал он, и голос предательски дрогнул, выдавая панику, — вы же слышали Феликса! Мы стоим на пороге величайшего открытия! Если мы разберёмся с этим источником...

— «Если»? — перебил банкир, и в его голосе прозвучала та же неумолимая сталь, что была у мага, только лишенная всякой мистики — чистая, ледяная логика бухгалтерии. — Вы обещаете нам это ваше «сможем» уже третий раз подряд. Сначала рыба, потом магические жилы, и твари вдруг накинулись на ваш город. Мы больше не верим в ваши сказки. Мы верим в цифры. В золото. В векселя. А их нет.

Дверь кабинета открылась с тихим скрипом, и на пороге появилась Сенра.

Она была грязная — на платье пятна от травы, на коленях разорвана ткань, в волосах запутались листья. В руках она сжимала платок, завязанный узелком, и прижимала его к груди так, словно внутри было что-то хрупкое и ценное.

Она замерла на пороге. Кабинет был полон людей, и каждый взгляд натыкался на что-то тревожное. Отец за столом — бледный, с дёргающимся глазом. Кредиторы — четверо

мужчин с недовольными лицами. Феликс, прижимающий к груди свою странную коробку. А поверх всего — обрывки чужих голосов, «Проценты просрочены», «Подадут в суд».

Она поняла, что снова принесла в дом то, что может стать проблемой.

Сенра медленно подошла к мусорному ведру в углу кабинета. Открыла крышку. И бросила туда платок с узелком.

Мэр увидел это краем глаза.

— Сенра, милая! — он вскочил со стула, и в его голосе прозвучала та самая фальшивая бодрость, которой он пользовался, когда нужно было отвлечь внимание. — Как я рад тебя видеть! Господа, позвольте представить — моя дочь, Сенра.

Кредиторы посмотрели на девочку с вежливым равнодушием. Банкир кивнул. Поставщик утвари даже не повернул головы.

— Сенра, — мэр подошёл к ней, положил руку на плечо, — что ты бросила в ведро?

Сенра молчала. Она смотрела на отца, и в её глазах было что-то похожее на страх.

— Ничего, — сказала она тихо.

— Давай посмотрим, — мэр подошёл к ведру, достал платок, развязал узелок.

И замер.

В его ладонях лежали кристаллы — прозрачные, с мягким голубым свечением, которое казалось живым, словно внутри

каждого камня билось маленькое сердце. Свет падал на его лицо, на лица кредиторов, на стены кабинета, и на мгновение комната стала похожа на подводный грот.

Мэр повернулся к дочери, и в голосе его прозвучала та самая жадность, которую Сайлас знал слишком хорошо.

— Сенра, зачем ты их выкинула?

Сенра сжала руки в кулаки, не поднимая глаз. На лице её была написана искренняя детская обида.

— Я боюсь, папа, — сказала она тихо, и голос дрогнул. — Каждый раз, когда я приношу тебе что-то... особенное... начинаются проблемы. Ты забываешь про обещания. Про наши прогулки. В прошлый раз мы собирались на пикник, а ты просидел в ратуше до ночи из-за каких-то бумаг.

Мэр замер. Уголок его рта дернулся, выдавая секундное раздражение от того, что идиллию прервали. Но уже в следующую секунду он улыбнулся — тепло, почти нежно, той улыбкой, которую берег исключительно для неё.

— От моей дочери не может быть никаких проблем, — сказал он мягко, присаживаясь перед ней на корточки, чтобы стать одного роста. Его лицо приняло выражение заботливого отца.

Тем временем Сайлас поразился тому, что эта девочка по сути поняла то же самое, для чего им понадобился маг с целой научной теорией.

— Если у тебя есть что-то, что поможет папе, папа это высоко оценит. Ты ведь хочешь помочь? — мэр протянул ру-

ку и погладил её по голове, взъерошив волосы. — Не бойся. Папа посмотрит на них внимательно. Это не игра, милая, а возможность. Большая возможность для всех нас.

Он поднялся, снова становясь выше и значительнее, и посмотрел на камни, что лежали на ладони, уже совсем другими глазами — взглядом торговца, увидевшего редкий товар на распродаже.

Феликс подошёл ближе. Он протянул руку, и мэр неохотно передал ему один из кристаллов.

Маг повертел камень в пальцах, поднёс к свету, потом достал из кармана лупу и начал разглядывать его внутреннюю структуру.

— Заряженный горный хрусталь, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучало что-то похожее на благоговение. — Магический. Он способен накапливать магию, как тот цветок, только гораздо лучше. В десятки тысяч раз лучше. Такие камни продают в столице на вес золота. Видите, он слегка светится.

Кредиторы оживились. Банкир подался вперёд.

— На вес золота? — переспросил он.

— Буквально, — Феликс кивнул. — Вот уж не думал, что они есть рядом с этим городом. Хотя, вблизи леса все возможно...

— Где вы их нашли? — мэр повернулся к Сенре, и в его глазах горел тот самый огонь, который Сайлас видел каждый раз, когда начинался новый проект.

Сенра испуганно посмотрела на отца.

— За городом, — сказала она тихо. — Мы играли, один из моих друзей провалился в пещеру, и сказал, что это к лучшему, ведь он нашёл какие-то забавные камешки. Я взяла несколько, чтобы показать...

Она не закончила. Не сказала — чтобы показать тебе. Потому что поняла, что он уже не слушает.

— Много? — мэр почти закричал от восторга. — Целая пещера! Господа, мы снова в деле!

Банкир менял тон на глазах.

— Мы можем подождать с процентами, — сказал он, и в его голосе уже не было презрения. — Если там действительно целая пещера кристаллов...

Строитель кивнул.

— Я могу предоставить рабочих. За отдельную плату.

Феликс смотрел на кристаллы, и в его глазах было что-то странное — не радость, а скорее тревога.

— Где именно вы их нашли? — спросил он. — Я собираюсь осмотреть пещеру.

Сенра испуганно посмотрела на него.

— За городом, в старом овраге, если хотите, я покажу.

Феликс подошёл к Сенре, держа коробку в руках, — прибор внутри тихо гудел, а встроенные в него кристаллы мерцали в такт работе механизма, словно он был живым существом.

— Сенра, можно я тебя проверю? — спросил он, и голос

его прозвучал мягко, почти по-отечески. — Совсем не больно. Я посмотрю, есть ли у тебя какие-то следы магии.

Сенра отступила на шаг и прижала к груди пустые руки — платок с кристаллами уже лежал на столе, и ей казалось, что без него она стала ещё более беззащитной.

— Зачем? — спросила она настороженно.

— Важно понять, — ответил Феликс. — Если окажется, что ты не носитель, мы будем искать дальше. Нам нужно понять, кто на самом деле связан с этими странными явлениями в городе.

Мэр нетерпеливо махнул рукой, даже не глядя в их сторону.

— Да-да, проверяй, только быстрее. Господа ждут.

Феликс открыл коробку и достал из неё тонкую медную пластину с кристаллами на концах, которая слабо поблёскивала в свете лампы. Он поднёс её к Сенре медленно, с заметной осторожностью, и начал обводить вокруг её фигуры — от макушки к плечам, от плеч к рукам.

Глава 22

Прибор молчал, кристаллы не засветились, медь не завибрировала, и в воздухе не возникло никакого отклика.

Феликс нахмурился, перевёл дух и повторил движение ещё раз — снова от головы к плечам, потом к рукам, потом к ногам. Результат остался прежним — ничего.

— В ней нет магии, — произнёс он наконец с заметным разочарованием. — Она не носитель.

Мэр выдохнул так, словно с его плеч свалилась многодневная тяжесть.

— Я же говорил, — отметил он почти с торжеством, обводя взглядом кредиторов. — Моя дочь обычный ребёнок.

Сенра опустила плечи и почувствовала, как внутри неё разливается странная пустота. Она не понимала, что только что произошло, но ясно ощущала, что её проверяли на то, чего у неё, по идее, не должно было быть. И, кажется, не нашли.

Сайлас шагнул вперёд, нарушая повисшую в кабинете тишину.

— Но тогда кто? — спросил он, и голос его прозвучал резче, чем он сам ожидал. — Феликс, ты сам говорил, что носитель должен быть рядом с ней постоянно. Кроме Олдрика, кто ещё мог быть с ней в те моменты?

Феликс перевёл взгляд с Сайласа на Сенру, потом снова

на прибор, который держал в руках, словно тот мог дать ему ответ.

— Нужно подумать, — ответил он задумчиво. — Возможно, кто-то из прислуги. Или кто-то из тех, кто часто бывает в доме...

Но договорить ему не дали. Банкир, который всё это время сидел с нарастающим нетерпением, не выдержал. Он с силой стукнул ладонью по столешнице, и все присутствующие вздрогнули от неожиданного звука.

— Господа! — воскликнул он, и голос его прозвучал с той же сталью, что и в начале разговора. — Мы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать каких-то носителей. Мы пришли по делу. Расскажите лучше про эти кристаллы и пещеру. Когда можно начать добычу?

Сайлас подошёл к Сенре. Она стояла у стены, маленькая и беззащитная, с пустыми руками — платок с кристаллами уже лежал на столе, и ей не за что было держаться.

— Сенра, — позвал он, и голос его прозвучал громче, чем он хотел. — Кто был с тобой в последнее время? С кем ты ходила к оврагу? С кем нашла растение? С кем поймала ту рыбу?

Сенра подняла на него глаза, и в них мелькнул испуг.

Она открыла рот, собираясь ответить, но тут же закрыла его, передумав в последний момент. Посмотрела на отца, который уже снова наклонился над бумагами. На кредиторов. На Феликса с его странной коробкой.

— А... а у него не будет проблем? — тихо спросила она.

Сайлас нахмурился.

— Из-за него у нас у всех проблемы. Понимаешь? У всех. И у меня, и у твоего отца, и у этих господ. Если мы не разберёмся — будет хуже. Гораздо хуже.

Сенра отступила на полшага. Её глаза стали совсем круглыми.

— Значит, у него будут проблемы, — прошептала она. — Вы же сами сказали.

Сайлас понял — слишком поздно. Он сказал именно то, чего она боялась услышать.

— Нет, — он торопливо поднял руки. — Нет, Сенра, я не это имел в виду. Ему ничего не будет. Никто его не тронет. Нам нужно понять, что происходит. Чтобы защитить город. Чтобы защитить тебя. Понимаешь?

Она смотрела на него с таким откровенным недоверием, что у Сайласа сжалось сердце — он прекрасно понимал, почему она ему не верит. Он сам только что дал ей все причины не доверять.

— Я... — начала она, и голос её дрогнул.

Она снова попыталась заговорить, но слова застряли в горле. Посмотрела на Феликса — на его коробку, на медные трубки, на кристаллы, которые тихо мерцали внутри. Потом на отца. Потом на кредиторов.

— Погодите, — попросил Сайлас, чувствуя, как отчаяние поднимается в горле. — Сенра, пожалуйста. Это важно. Кто

был с тобой?

— Я не хочу говорить, — начала она тихо. — Ведь вы...

— Сенра, милая! — мэр наконец оторвался от бумаг, и в его голосе прозвучала та самая фальшивая бодрость, которой он пользовался, когда нужно было отвлечь внимание. — Ты же сказала, что нашла кристаллы в пещере! В старом овраге, да? Покажи нам, где именно!

Банкир подался вперёд.

— Да, да, — подхватил он, и в его голосе уже не было ни капли терпения к магическим теориям. — Пещера и кристаллы, вот ради чего мы здесь.

— Я могу предоставить рабочих немедленно, — строитель уже доставал из кармана список. — Только укажите место.

— Инструменты тоже готовы, — добавил поставщик утвари. — Лопаты, кирки, фонари. Всё, что нужно.

Сенра перевела взгляд на Сайласа — она так и стояла с полуоткрытым ртом, всё ещё колеблясь, стоит ли говорить. Но теперь все смотрели не на неё как на свидетеля, а на неё как на проводника к пещере.

— За городом, — сказала она тихо, и голос её прозвучал совсем по-детски. — В старом овраге. Я покажу.

— Отлично! — мэр вскочил со стула, и в его глазах горел тот самый огонь, который Сайлас знал слишком хорошо. — Господа, мы снова в деле!

Сайлас попытался перекричать шум, но его голос потонул

в общем гуле. Никто не обратил на него внимания — банкир уже обсуждал со строителем, сколько рабочих потребуется для добычи. Поставщик утвари доставал из кармана список инструментов. Мэр чертил на бумаге план экспедиции.

— Молодой человек, — банкир даже не повернулся к нему, — не мешайте деловому разговору. У нас серьёзные вопросы.

Сайлас замолчал.

Он посмотрел на Феликса. Маг поднял глаза — и в его взгляде Сайлас увидел то же самое отчаяние. Феликс понимал, что они упускают что-то важное. Но он тоже молчал. Потому что кристаллы — это шанс для города и для них всех.

Сайлас перевёл взгляд на Сенру. Она стояла у стены, с пустыми руками. Она только что могла назвать имя — и не назвала. Она собиралась сказать — и не сказала. Потому что он сам, своими руками, разрушил тот момент, когда она могла ему довериться.

Потом он посмотрел на мэра. Тот уже обсуждал с кредиторами детали новой авантюры — сколько рабочих, сколько инструментов, когда начать. Его глаза горели. Его пальцы выбивали дробь по столу. Он был в своей стихии.

Сайлас понял, что упустил единственный шанс всё выяснить — и теперь уже ничего не исправить.

Он больше не пытался ничего сказать. Он просто стоял и смотрел, как всё повторяется снова.

Сайлас посмотрел на Сенру — на её испуганное лицо, на пустые руки, на то, как она вжимается в стену — и вдруг вспомнил.

Это случилось двенадцать лет назад, во время той самой бури, которая снесла крышу рафинерии Болденов. В дом мэра постучала пара — мужчина и женщина с растерянными лицами. Женщина держала в руках плетёную корзинку, а внутри неё лежал ребёнок, укутанный в шерстяное одеяло.

Сайлас так и не понял тогда, зачем эти люди пришли к мэру с маленьким ребёнком, и кто они вообще такие. Он помнил, как открыл дверь, — отчётливо помнил мужчину с усталыми, запавшими глазами, женщину с испуганным взглядом и ту самую корзинку, которая тихо покачивалась в её руках. Он помнил, что тогда даже не захотел их выслушать...

Но тут его схватил за плечи мэр — резко, нетерпеливо, словно Сайлас был ещё одним просителем, которого нужно спровадить.

— Сайлас, принимаемся за дело! У нас куча работы!

И в тот же миг воспоминание растворилось, словно его никогда и не было. Оно исчезло так же бесследно, как дым от свечи, которую задули. Вместе с ним ушла и та мысль, которая только начала зарождаться в его голове, — кто были те люди, зачем они приходили, зачем принесли эту корзину.

Сайлас моргнул, возвращаясь в реальность. Он стоял у двери кабинета, положив руку на ручку. За его спиной стоял гул голосов, смех кредиторов и радостный голос мэра. Перед

ним стояла Сенра, которая смотрела на него с тем же испугом, что и в начале разговора.

Взгляд скользнул к мэру — тот уже разговаривал с кредиторами о поставках инструментов. Затем он перешёл на Феликса, который всё ещё разглядывал кристалл через увеличительное стекло. А затем — на Сенру, которая стояла у стены, вжавшись в неё спиной.

Понимание пришло тихо — история повторяется. Он понял, что его никто не слушает и вряд ли услышит в ближайшее время.

— Опять, — тихо сказал он, почти про себя.

Он развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, отрезав его от гула голосов в кабинете.

С того дня прошла ровно неделя, и за это время в городе ничего не изменилось к лучшему.

О провале Сайлас узнал не от мэра — тот, как всегда, избегал плохих новостей. Старший рабочий пришёл в мэрию рано утром, ещё до открытия, и потребовал, чтобы его провели к помощнику. Сайлас сидел в своём кабинете, разглядывая очередную стопку неоплаченных счетов, когда дверь распахнулась и на пороге появился тот самый бригадир с раскопок — в грязных сапогах, с лицом, обветренным до красноты.

— Там больше ничего нет, — сообщил он без предисловий.

Сайлас медленно поднял голову от бумаг, которые держал

в руках.

— В пещере, — уточнил бригадир, словно Сайлас мог подумать о другом месте. — Первые два дня мы выносили кристаллы горстями. На третий день их стало меньше — мы находили их поштучно. К четвёртому дню рабочие находили всего по три кристалла за всю смену. А вчера пещера оказалась совершенно пустой — мы облазили каждый угол, каждый лаз, но везде был только голый камень, без единой трещины или прожилки.

— И ещё... маг, который приезжал смотреть кристаллы, сказал, что большая часть из них — обычные камни, без магии. Говорит, такие в любой речке можно найти. Только те несколько штук, что дочь мэра принесла ему, оказались настоящими. А большая часть того, что осталась в пещере — обычный мусор.

Он бросил на стол небольшой мешочек. Внутри лежало всего четыре кристалла, которые выглядели тусклыми и потрескавшимися — они ничем не напоминали те светящиеся камни, что Сенра принесла неделю назад.

— Это всё, что осталось, — сказал бригадир. — Мы вынесли всё, что было. Пещера оказалась настолько маленькой, что в ней едва могли поместиться два человека. Всего кристаллов в ней было от силы на два обычных подноса, и те уже вынесли.

Четыре тусклых камня лежали перед ним. Сайлас смотрел на них и чувствовал, как внутри разрастается пустота. В

памяти всплывали горящие глаза мэра неделю назад, когда он держал в руках светящийся кристалл. Как банкир менял тон, услышав о возможной прибыли. Как строитель обещал предоставить рабочих. Как Феликс рассматривал кристалл через лупу, словно видел в нём ответ на все вопросы.

— Мэр уже знает об этом? — спросил он.

— Я к нему и шёл, — бригадир вытер лоб рукавом. — Но дворецкий не пустил. Сказал, господин мэр занят и никого не принимает.

Сайлас коротко кивнул. Он знал, что мэр «занят». Мэр всегда был «занят», когда новости оказывались плохими.

— Оставьте кристаллы, — попросил он. — Я сам передам ему эту новость.

Дверь за бригадиром закрылась, и когда шаги стихли в коридоре, в кабинете повисла тяжёлая, плотная тишина. Сайлас взял один из кристаллов, повертел в пальцах — камень был тусклым, почти мёртвым, без того чуть заметного волшебного свечения, что было неделю назад. Совсем не тот волшебный камень, который заставил кредиторов забыть о долгах.

Он положил кристалл обратно в мешочек и убрал его в ящик стола. Потом достал чистый лист бумаги и начал составлять список — долги, которые мэр набрал за неделю, пока все верили в кристальную пещеру. Новые инструменты, которые уже оплачены, новые рабочие, которые уже наняты, новая экспедиция, которая уже начата, и новые обещания,

которые уже раздали кредиторам.

Список занял две страницы. Но Сайлас понимал, что это лишь начало гораздо более длинного перечня проблем.

Толпа собралась перед домом мэра к девяти утра. Из окна кабинета в мэрии открывался вид на площадь — тёмное пятно, которое росло с каждой минутой. Первыми на площади появились кредиторы, уже не раз посещавшие дом мэра — банкир в своём неизменном дорогом костюме, поставщик утвари с красным лицом, строитель с папкой бумаг. Вскоре к ним присоединились рабочие, которых мэр нанял для раскопок в пещере — человек двадцать, в грязных рубахах, с лопатами на плечах. А затем подошли и простые горожане, которые успели вложить свои сбережения в «новый проект мэра Келла».

Сайлас захлопнул окно, но крики всё равно доносились сквозь стёкла.

— Мэр! Выходите! — Вы обещали кристаллы! Мы не видели ни золота, ни камней! — Только новые долги!

К полудню, когда стало ясно, что мэр не выйдет, толпа стала неуправляемой. Кто-то начал стучать в парадную дверь дома мэра. Кто-то швырнул камень в окно первого этажа — стекло разлетелось с сухим треском, и толпа завыла одобрительно. Дворецкий забаррикадировался внутри и не открывал. Мэра нигде не было видно — ни в окнах, ни на балконе, ни у парадного входа.

В стороне, прижимая к груди коробку с прибором, стоял

Феликс. Он не кричал вместе с толпой, не стучал в двери и не швырял камни в окна. Он смотрел на дом мэра с тем же выражением, с каким смотрел на кристаллы неделю назад — с тревогой, которую никто не хотел замечать.

Сайлас подошёл к нему и встал рядом.

— Ты знал, — сказал он. Скорее горькое утверждение, чем вопрос — и ответа оно не требовало.

Феликс не стал отпираться.

— Я понял это ещё тогда, в кабинете — пещера была слишком маленькой, — признался он тихо. — Но все уже загорелись — мэр, кредиторы, рабочие. Если бы я сказал, что кристаллов хватит на неделю, меня бы не послушали. Как не послушали про носителя.

Сайлас смотрел на толпу, которая колотила в двери дома мэра.

— Где мэр? — спросил он.

Феликс покачал головой, давая понять, что тоже не знает, где находится мэр.

— Не знаю. Дворецкий говорит, что мэр не выходил из дома со вчерашнего вечера. Но все окна на втором этаже тёмные, и никто не отзывается на стук.

Внутри Сайласа что-то оборвалось — он понял, что мэр действительно сбежал, даже не попытавшись защитить город от последствий своих авантюр. Он посмотрел на второй этаж дома — на окно спальни мэра, на окно детской Сенры. Оба оставались тёмными и безжизненными, как будто в доме уже

никого не было.

— Он сбежал, — сказал Сайлас, и в голосе его не было сомнения.

Феликс промолчал, но в этом молчании было согласие — он тоже знал, что мэра уже нет в городе.

Это произошло за несколько часов до рассвета, когда город ещё спал и не подозревал о крахе, который должен был разразиться на следующий день. Мэр, однако, уже знал всё наверняка — бригадир всё-таки пробился к нему накануне вечером и выложил правду — кристаллы кончились, пещера оказалась пустой, а рабочие ушли ни с чем. Этого известия оказалось достаточно, чтобы он лихорадочно набивал саквояж.

Движения его были быстрыми, почти механическими — он собирал вещи в спешке уже не в первый раз, и каждое движение было отточено до автоматизма. Сначала он взял с каминной полки серебряную рамку с портретом Сенры — её единственное детское фото, где она ещё совсем маленькая, и сунул её во внутренний карман пальто. Потом снял с книжной полки небольшую шкатулку, в которой лежали напоминания о его настоящих достижениях — позолоченная печать с первого года его правления, когда он выиграл спор с городским советом о строительстве ратуши, и несколько медалей, которые он получил за организацию ярмарки.

Каждое из этих достижений было отделено от других годами неудач и провалов, но он помнил каждое из них — они

были его доказательством того, что он всё-таки умел добиваться своего. Женитьба на Амелии тоже казалась ему достижением, которое потребовало множества попыток, и он держал в шкатулке засушенный цветок с их свадьбы. Он положил шкатулку на дно саквояжа и накрыл её парой рубашек. Всё остальное, что он брал с собой, было именно таким — вещами, которые доказывали, что его идеи когда-то работали. Вещами, которые помогали ему верить в то, что следующая попытка обязательно станет успешной.

Он застегнул замки, поднялся и подошёл к зеркалу. Смотрел на своё отражение и на мгновение замер — осунувшееся лицо, дёргающийся глаз, седина, которой стало заметно больше за последнюю неделю.

«Неужели это всё делают с человеком? — подумал он с искренним удивлением. — Неужели неудачи настолько меняют лицо?»

Но удивление длилось недолго. Он усмехнулся собственному отражению, поправил воротник рубашки и отвернулся от зеркала. Неудачи были частью его жизни, они приходили и уходили, как бури над городом. Он привык к ним, как привыкают к переменчивой погоде. И он не собирался отказываться от своего метода — рано или поздно одна из попыток должна была сработать.

Детская комната Сенры находилась в самом конце длинного коридора второго этажа. Он шёл тихо, стараясь не скрипеть половицами, но дерево, старое и рассохшееся, всё равно

отзывалось на каждый шаг. Дверь в детскую оказалась слегка приоткрыта, и из щели пробивался тусклый свет. Внутри горела свеча в матовом колпаке, ночник, который Сенра не гасила с тех пор, как ей исполнилось шесть лет.

Сенра не спала — сон будто обходил её стороной в эту ночь. Она сидела на кровати, обхватив руками колени, и смотрела на дверь немигающим взглядом. Казалось, она заранее знала, что он придёт этой ночью, и терпеливо ждала его появления.

Порог детской стал границей, которую он не решался переступить. На короткое мгновение он хотел просто развернуться и уйти, не прощаясь и не объясняя ничего. Но что-то удержало его на месте — возможно, свет ночника, а может быть, взгляд дочери, который был слишком спокойным для ребёнка.

— Сенра, — сказал он, и голос его прозвучал тише, чем он хотел. — Папе нужно уехать.

Она не стала спрашивать, куда он собирается и зачем ему уезжать посреди ночи. Она смотрела на него так, будто уже знала все ответы.

— Надолго, — продолжил он. — Возможно, очень надолго. Я не знаю, когда вернусь. Но я вернусь. Обещаю.

Сенра продолжала молчать, и в этом молчании было больше понимания, чем в любых вопросах.

— Только не жди меня каждый день, — сказал он, и в голосе его прорезалась та самая интонация, которой он поль-

зовался, когда говорил о проектах — интонация человека, который верит в то, что говорит, даже когда знает, что это неправда. — Живи своей жизнью. Учись. Гуляй с друзьями. И... — он запнулся, подбирая слова, — не приноси в дом больше ничего из своих игр. Ничего. Ни кристаллов, ни цветов, ни камней. Слышишь?

Она медленно кивнула, и этот кивок был единственным ответом, который она могла ему дать.

Мгновение затянулось до бесконечности — время словно остановилось в этой маленькой комнате, наполненной тишиной и недосказанностью. Потом он шагнул вперёд, наклонился и поцеловал её в лоб. Его губы были холодными — такими же холодными, как предчувствие того, что он больше никогда не вернётся.

— Будь счастлива, — сказал он. — Это единственное, что я прошу.

Он выпрямился, повернулся и вышел. Дверь детской закрылась за ним с тихим щелчком.

Ступени чёрной лестницы скрипели под ногами, и каждый звук казался неестественно громким в ночной тишине. Саквояж был прижат к боку, он старался не задевать стены, хотя узкий проход и без того оставлял мало места для манёвра. Внизу его ждала дверь в сад с замком, который он смазал маслом ещё вчера, готовясь к этому побегу. Сад был тёмным и тихим, пахло от него мокрой землёй после ночного дождя. Забор оказался невысоким, каменным, с осыпающейся клад-

кой. Он перемахнул через него легко, почти не зацепившись полой пальто.

Выйдя на улицу, он остановился на мгновение и оглянулся на дом, который ещё недавно был его крепостью. На втором этаже горело одно окно — окно детской. Сенра всё ещё не спала. Она смотрела на улицу, на тёмный сад, на пустое место у забора, где только что стоял её отец.

Ручка саквояжа впилась в ладонь, и он сжал её так сильно, что побелели костяшки. Там, наверху, горел одинокий свет, который он оставлял за спиной. Он не знал, увидит ли его снова когда-нибудь.

— Ещё одна попытка, — прошептал он, и в шёпоте его не было ни раскаяния, ни боли. Только та самая упрямая, неутомимая вера, которая гнала его вперёд все эти годы. — И снова мимо. Но в следующий раз точно получится. Должна же выстрелить, правда?

Он резко развернулся и зашагал прочь, стараясь не оглядываться на свет в окне дочери. В сторону леса, в сторону столицы, в сторону неизвестности, которая уже не пугала его, потому что он привык к ней, как привыкают к хронической боли — не замечая, пока она не становится невыносимой.

Быстрые шаги уносили его всё дальше от дома, от города, от всего, что он когда-то строил. Он оставлял за спиной дом с выбитым окном, толпу кредиторов, которые утром обнаружат пустые комнаты, дочь, которая не будет ждать его каж-

дый день, и город, который он обещал сделать великим.

Впереди была дорога, а за ней — новая идея и новый шанс, который, как он верил, на этот раз обязательно сработает.

Глава 23

Сайлас стоял на крыльце дома мэра, прижимая к боку папку с бумагами. Рядом — двое полицейских с ордерами на обыск и арест. Утро выдалось холодным, воздух пах мокрой землёй после ночного дождя, и эта сырость пробирала до костей.

— Господин Келл! — банкир стучал в парадную дверь так, словно хотел её выломать. — Откройте! Мы знаем, что вы внутри!

Рядом топтался поставщик утвари с красным лицом, сжимая в руках папку с документами. Строитель переминался с ноги на ногу, оглядываясь на толпу, которая росла с каждой минутой. Рабочие — человек двадцать в грязных рубахах — стояли позади, положив лопаты на плечи. Они были готовы ворваться внутрь силой, если их не впустят по-хорошему.

— Мэр! Выходите! — кричали из толпы. — Вы обещали кристаллы! Где золото? Где наши деньги?

Сайлас посмотрел на полицейских. Один из них коротко кивнул.

— У нас ордер. Можем ломать.

Сайлас кивнул в ответ, но внутри всё сжалось. Он поднял голову ко второму этажу. Окна второго этажа оставались тёмными, и за ними не было ни движения, ни звука — казалось, в доме давно никого нет. Мэра здесь либо уже не было,

либо он просто не хотел выходить.

Дверь распахнулась с треском — полицейский выбил её плечом. Толпа хлынула внутрь, как вода сквозь прорванную плотину. Сайлас шагнул следом, но замер на пороге. Он смотрел, как кредиторы бегут по коридорам, заглядывают в шкафы, переворачивают мебель. Как кто-то поднимает половицу в гостиной. Как банкир кричит что-то дворецкому, а тот лишь разводит руками.

«Раньше мои слова тонули в пустоте, — подумал Сайлас, глядя на этот хаос. — Предупреждения отметали, идеи высмеивали. А теперь я вхожу в дом, и все лица обращены ко мне. Смотрят с надеждой. Ждут моего слова. Того ли я добивался?»

Сайлас не знал, что ответить на этот вопрос, потому что сам не понимал, чего хочет на самом деле.

Потом он увидел Сенру.

Она стояла на лестнице, прижавшись к перилам. Платье было помятым, волосы растрёпаны. В её глазах читался испуг — не тот детский страх темноты, а взрослый ужас человека, у которого рушится мир под ногами.

Сайлас почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Не на неё — на ситуацию. На то, что их потревожили. На то, что кредиторы ворвались в дом, не думая о том, кто здесь живёт. На то, что полиция действовала законно, но законность редко совпадает со справедливостью.

В этот момент из коридора вышла Амелия. Бледная до

прозрачности, с тёмными кругами под глазами, она на мгновение застыла, глядя на разгром, потом перевела взгляд на Сайласа — без требований или мольбы, лишь с усталым пониманием, которое он знал слишком хорошо. Сайлас почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Он видел, как она комкает складки платья, как побелели пальцы.

«Они все смотрят на меня, — мысль ударила резко. — Они все ждут, что он примет решение, хотя он никогда не был готов к такой ответственности. Я никогда не принимал решений. Я только ставил подписи и считал риски. А теперь должен выбрать. И если ошибусь — виноват буду я».

«Хватит. Я больше этим не занимаюсь», — хотел он сказать, но слова застряли в горле, а горло перехватило спазмом. Воздуха вдруг стало не хватать.

Сайлас заставил себя оторваться от косяка и прошёл вглубь холла. Он пришёл с несколькими кредиторами — теми самыми, что ждали его у входа, требуя объяснений. Реальность превзошла самые мрачные ожидания.

Люди бегали по комнатам, переворачивая мебель. В центре холла валялись разбросанные бумаги, разбитая ваза и опрокинутый стул. Сайлас замер посреди холла, не веря своим глазам. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, мешая дышать.

Кредиторы, заметившие его появление, резко повернулись. На их лицах читалась такая отчаянная надежда, что Сайласу стало не по себе. Они смотрели так, словно он был

единственным человеком во всём городе, способным навести порядок в этом хаосе.

— Сайлас! — Банкир шагнул вперёд, протискиваясь сквозь полицейских. — Объясните нам. Где мэр? Куда он делся?

— Вы знали его лучше всех, — добавил поставщик утвари усталым, севшим голосом человека, который повторяет одно и то же десятый раз за утро. — Где он мог спрятать то, что взял?

— Мы не хотим громить дом, — сказал строитель, оглядывая разгромленный интерьер. — Но нам нужны ответы!

На мгновение Сайлас растерялся. Он смотрел на этих людей, на разорённый холл, и чувствовал себя абсолютно беспомощным.

Амелия, всё ещё стоявшая у входа в коридор, заговорила.

— Сайлас, — сказала она тихо. — Объясни им. Я не знаю, где он. И денег в доме нет. Просто... пусть они не ломают то, что ещё можно сохранить.

Сенра спустилась с лестницы и встала рядом с матерью. Она молчала, но смотрела на помощника тем же взглядом, полным надежды, что и все остальные.

Сайлас глубоко вздохнул. Он попытался расслабить плечи, но напряжение не отпускало — слишком много взглядов было устремлено на него. Поднял голову и посмотрел на банкира.

— Я знаю, что делать, — произнёс он, и голос прозвучал

тверже, чем он сам ожидал. — Обыскивать дом имеет право только полиция. Остальные ждут на улице.

Кредиторы переглянулись. Банкир открыл было рот, чтобы возразить, но Сайлас поднял руку.

— И прошу вас не заходить в комнаты госпожи Келл и её дочери. Это личные покои. Там нечего искать.

К его удивлению, никто не стал спорить. Кредиторы неохотно начали выходить, оставив в доме только полицию. Обыск продолжился, но теперь он выглядел иначе — полицейские методично проверяли кабинет и общие комнаты, даже не глядя в сторону спален и детской.

В тот момент, когда в доме наступила относительная тишина, Сайлас заметил, что пальцы его мелко дрожат. Он сжал их в кулаки, пытаясь унять тремор.

Ещё недавно его слова ничего не значили. Мэр не желал слушать о рисках кредитов, Феликс отмахивался от возражений, увлечённый своими теориями. А теперь... все смотрят на него, ждут решений, указаний — будто он единственная опора в этом хаосе. Годами ему казалось, что именно этого он и хотел, возможности что-то изменить. Но власть оказалась совсем не такой, как он представлял.

«Я не готов к этому, — подумал он, чувствуя, как холодный пот выступает на спине. — Что, если мои решения выйдут боком? Я никогда не принимал таких решений, только считал риски и предупреждал о последствиях. А теперь я должен выбирать. И если я ошибусь — виноват буду я».

Он снова вздохнул, пытаясь прогнать эти мысли, но они не уходили. Вместо них пришли другие, холодные и ясные.

«Мне нужно уйти, пока не поздно — придумать предлог, выбрать хорошее время и сделать это прямо сейчас, пока меня не затянуло окончательно».

Когда полицейские закончили обыск и подтвердили, что ни денег, ни мэра в доме нет, кредиторы снова собрались в холле. На этот раз они уже не бегали и не кричали, но по их лицам было ясно — они не уйдут без решения.

— Дом нужно продать, — сказал банкир, и голос его звучал жёстко, без тени сомнения. — Это единственный способ вернуть хоть часть денег.

— Но кто купит этот дом? — возразил поставщик утвари. — Он дорогой, а город отдалённый. За него не дадут и половины стоимости. А если продадим дёшево — долги всё равно останутся.

— И что тогда? — спросил строитель. — Выселить семью мэра на улицу и оставить с долгами?

Все повернулись к Сайласу. Банкир шагнул вперёд и заговорил так, как будто обращался к равному, а не к помощнику, которого вчера могли даже не заметить.

— Сайлас, что нам делать? Вы знаете город лучше всех.

— Может, есть какой-то выход? — добавил поставщик.

— Мы не хотим разорять семью, — вставил строитель, — но деньги нам нужны.

Амелия смотрела на Сайласа. Она молчала, не просила,

не требовала — ждала. В этом молчании была такая же надежда, как и в голосах кредиторов. Сенра стояла рядом с матерью, вцепившись в её руку, и смотрела на Сайласа большими испуганными глазами.

Он перевёл взгляд с кредиторов на Амелию и Сенру и понял — они ждут, что он решит их проблемы, примет их судьбу в свои руки. От одной этой мысли внутри всё сжалось ледяным комом. Он не был готов к такому. Никогда не был.

«Когда-то мои предостережения не принимали всерьёз, а теперь готовы исполнять любой приказ, — подумал он с горькой усмешкой. — Этого ли я добивался? Или мне просто нужно было, чтобы меня услышали, а не взваливали на плечи бремя чужих судеб?»

Но он уже не мог повернуть назад. Он понимал, что слишком поздно отступать — слова уже были сказаны, и все ждали от него действий. Он открыл рот, и слова вышли сами собой.

— Я знаю, кто купит этот дом по полной стоимости.

— Кто? — переспросил банкир.

— Новый мэр, — сказал Сайлас, и голос его звучал спокойно и твёрдо, как будто он всё продумал заранее. — Кем бы он ни был.

Все замолчали. Банкир нахмурился.

— Но нового мэра ещё нет.

— Его скоро назначат, — ответил Сайлас. — А этот дом — резиденция. Стоит рядом с мэрией, почти в центре горо-

да. Новому мэру здесь положено жить, он и купит. По рыночной цене. Потому что дом идет в дополнении к должности.

— Но кто станет мэром? — спросил строитель. — И когда?

— Это решит городской совет, — сказал Сайлас. — Но это будет не сегодня. А пока... — он перевёл дыхание, чувствуя, как тяжесть ложится на плечи свинцом, — я обещаю, что с кредитами города разберутся. И на семью мэра не повесят его долги.

Амелия выдохнула, едва заметно расслабив плечи. Сенра смотрела на Сайласа с благодарностью, которая была громче любых слов.

Банкир долго молчал, а потом спросил.

— Вы говорите так, будто уже знаете, кто станет мэром.

— Я знаю только одно, — сказал Сайлас, и голос его дрогнул, — что этот город надо спасать. И кто-то должен этим заняться.

Все присутствующие в холле смотрели на него в полной тишине, ожидая, что он скажет дальше. Сайлас чувствовал на себе десятки взглядов — и в каждом из них был один и тот же вопрос: «Ты будешь этим человеком?»

Он хотел отказаться. Хотел произнести, что это слишком большая ответственность, что он не готов, что не сможет. «Я не могу взять на себя эту ответственность, — хотел он сказать. — Это не моё дело. Я уйду, пока не поздно».

Но слова застряли в горле, потому что в этот миг он за-

метил, как на него смотрит Амелия. Не с надеждой — нет. Она смотрела так, будто видела в нём ту самую опору, которую искала все эти годы. И что-то внутри него дрогнуло, не громко, не решительно, а робко, как в первый раз, когда он позволил себе поверить, что тоже может иметь семью.

Он опустил взгляд и тихо, почти про себя, произнёс.

— На меня свалилось столько проблем, что я даже не знаю, за что хвататься. И всем нужно, чтобы я их решил.

Амелия шагнула ближе. Её голос был тихим, но Сайлас отчётливо слышал каждое слово.

— Потому что вы единственный, кто может это сделать.

Сенра молча кивнула.

Сайлас смотрел на них и чувствовал, как его решение тает, как песок сквозь пальцы. Как он мог уйти сейчас, когда они смотрели на него с такой верой? Как он мог отказаться, когда все вокруг соглашались?

Кредиторы начали расходиться. Кто-то уже обсуждал дату созыва городского совета, кто-то подсчитывал возможную выручку от продажи дома.

Сайлас вышел на крыльцо проводить их и остановился на верхней ступеньке. Прохладный утренний воздух обжёг лицо, и он закрыл глаза на мгновение, пытаясь собраться с мыслями.

В его голове билась одна мысль — мне нужно уйти, сейчас или никогда.

Он глубоко вздохнул и открыл рот, собираясь произнести

вслух то, что уже решил для себя, — что он не справится, что это не его место, что он должен уйти, пока не поздно. «Простите, господа, но я не могу, — хотел он сказать им. — Это выше моих сил. Я ухожу».

Но в этот момент один из банкиров, заметив его задумчивость, повернулся к нему.

— Сайлас, вы с нами?

Сайлас замер. Он смотрел на банкира — на лицо мужчины, где не было ни капли сомнения в том, какой именно ответ прозвучит сейчас. Затем медленно перевёл взгляд на Амелию, застывшую в дверях, на её напряжённые плечи, на Сенру, которая держалась за материнскую руку так крепко, что побелели костяшки пальцев.

И он всё понял. Если он откажется, они воспримут это как предательство. Даже если причина лишь в дикой усталости или страхе перед ответственностью. Они не увидят его страха — для них это будет просто побег. Шаг назад теперь выглядел невозможным.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как тяжесть снова опускается на плечи, но уже без прежней паники.

— Да, — ответил Сайлас. — Не сомневайтесь.

Амелия выдохнула с таким облегчением, что Сайлас почти физически ощутил, как тяжесть спадает с её плеч.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — А то я боялась, что вы сбежите, как мой муж.

Кредиторы, услышав это, возмутились.

— Не может же вся администрация взять и сбежать! Надо же иметь совесть!

Сайлас стоял на крыльце и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он дал согласие. Дал, и теперь не мог забрать слово обратно. Если попытается уйти сейчас — это будет выглядеть трусостью. Как предательство. Он сам загнал себя в угол.

Сайлас понял, что момент для отступления безвозвратно упущен. Он согласился. Теперь нельзя отказываться. Придётся остаться. По крайней мере, пока его не прогонят. А когда случится — уйдёт с чистой совестью. Или не уйдёт никогда.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как груз ответственности опускается на плечи, и повернулся к кредиторам. Голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал.

— Я остаюсь. Мы решим все проблемы. По порядку. Один за другим.

Кредиторы одобрительно загудели. Кто-то хлопнул его по плечу, кто-то пожал руку. Они начали расходиться, обсуждая планы на будущее. Сайлас остался стоять на крыльце, глядя, как они удаляются по улице.

Когда последний кредитор скрылся за поворотом, Сайлас повернулся к дому. Амелия и Сенра стояли на пороге. Девочка смотрела на него так, будто хотела запомнить это лицо навсегда, а на губах Амелии застыла лёгкая, почти незаметная улыбка облегчения.

Сайлас перевёл дыхание. Груз в груди всё ещё давил, но уже не ломил кости, как раньше. Он смотрел на дом, который без пяти минут принадлежал ему по праву должности, и думал о том, что всё это время боялся принять решение, а когда принял — оказалось, что дышать стало легче.

«Я не хотел этого, — подумал он. — Я хотел уйти. Но они не дали мне отказаться. И теперь я здесь. В доме, который стал моей ответственностью. В должности, от которой бежал. Может быть, это не так уж плохо. Я никогда не умел вести за собой и вдохновлять толпы — зато умел предвидеть последствия. Я буду взвешивать каждый шаг. Возможно, этого достаточно».

Он стоял на крыльце дома, который раньше принадлежал мэру, смотрел на город, ставший его ответственностью, и думал о том, что завтра будет новый день. И в этом дне не будет мэра, готового пустить под откос чужие жизни ради своих идей. Будет только он. Человек, который считает, что умеет предвидеть последствия. А вот выиграет ли от этого город, он пока не знал.

Амелия взяла Сенру за руку.

— Идём, милая, — тихо сказала она. — Нужно наводить порядок.

Сенра кивнула, но перед тем как уйти, обернулась и посмотрела на Сайласа. Её взгляд был серьёзным, почти взрослым.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что вы остались.

Сайлас не нашёл что ответить. Он кивнул, и в этот момент внутри него разлилась непривычная тишина — не радость победы, не триумф, а что-то совсем иное. Спокойствие человека, который наконец перестал метаться и принял свою ношу. Ту самую, от которой так отчаянно пытался избавиться.

Глава 24

Дорога тянулась через поля, постепенно уходя в лес, и сумерки уже начали сгущаться, когда бывший мэр Эдгар Келл остановился перевести дух. Он шёл с самого утра, саквояж оттягивал плечо, сапоги натирали ноги, а внутри горело — от усталости, от стыда, от той пустоты, которая появляется, когда понимаешь, что всё, что ты строил, рухнуло в один миг. Закатное небо ещё держалось над горизонтом, заливая дорогу тёплым оранжевым светом, но тени уже удлинялись, и воздух становился прохладным.

Он присел на придорожный камень, поставил саквояж рядом и опустил голову. Глаза закрылись сами собой — всего на мгновение. Он знал, что нельзя останавливаться надолго, но ноги уже не слушались. Пахло мокрой землёй и прелой листвой, где-то в лесу кричала птица, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

На дороге, со стороны леса, показались четверо мужчин. Эдгар услышал их раньше, чем увидел. Сначала шаги — тяжёлые, уверенные, без попыток скрываться. Потом голоса — они говорили о чём-то своём, смеялись, и этот смех был слишком громким для пустынной дороги. Он поднял голову и прищурился. Закатный свет бил в глаза, заставляя щуриться и мешая разглядеть детали, но фигуры приближались, и он уже мог разглядеть их лица.

Первый — высокий, широкоплечий, с лицом, на котором выделялся старый шрам, пересекающий левую щёку и почти доходящий до уха. Он шёл впереди, заложив руки за спину, и выглядел так, словно дорога принадлежала ему. Второй — крепкий, коренастый, с коротко стриженной головой и цепким взглядом, который ощупывал всё вокруг, словно искал, с кого можно стянуть лишнюю монету. Двое других шли позади, держась чуть в стороне, и не произносили ни слова.

Эдгар замер на мгновение, узнавая их по походке, по жестам, по той особенной уверенности, с которой они двигались. Он встал, выпрямился, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. По голосам, по жестам, по той особенной уверенности, с которой они двигались, он понял — это были они. Те самые охотники на тварей, которых он нанял для защиты Уэстенда несколько месяцев назад. Келлен — глава их отряда, тот самый, что с первого дня втирался к нему в доверие с красивыми речами. И Верн — его правая рука, который всегда молчал, но смотрел так, будто знал что-то, чего не знали другие.

— Вы? — голос Эдгара сорвался на хрип. — Что вы здесь делаете? Я не ожидал вас здесь встретить...

Келлен остановился в нескольких шагах и усмехнулся той самой улыбкой, которую Эдгар помнил по их встречам в кабинете, когда они обсуждали контракт. Улыбкой человека, который всегда знал больше, чем показывал.

— Соскучились по вам, господин мэр, решили проверить,

как у вас дела.

— А вы, господин бывший мэр? — спросил Верн, разводя руками. — Какими судьбами в такой час?

Эдгар судорожно сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле. Он хотел сказать что-то уверенное, что-то, что скрыло бы его состояние, но слова застряли в горле. Келлен смотрел на него с лёгкой насмешкой, и в этом взгляде было что-то новое — то, чего Эдгар раньше не замечал. Или не хотел замечать.

— Я... — начал он и запнулся, чувствуя, как слова застревают в горле. — Я ушел из города, потому что там остались только кредиторы, долги и много тех, кто мной недоволен.

Келлен поднял бровь, и в его взгляде мелькнул интерес, которого Эдгар не ожидал.

— Ух ты, — сказал он, оглядывая его с ног до головы. — А мы тоже ушли, если честно. С нами расторгли контракт сразу после того, как вы исчезли. И потребовали вернуть задаток, который вы нам выдали. Вот так мы и остались без работы, господин бывший мэр. По вашей милости.

— Ну, конечно! — воскликнул Эдгар, и голос его дрогнул. — Послушайте, я заплатил вам деньги, а вы не отработали. По логике вещей, вы должны их вернуть. Иначе у вас могут быть проблемы. Хотя, судя по вашему виду, вы к этому привыкли.

Келлен рассмеялся — громко, беззаботно, словно Эдгар сказал что-то невероятно смешное.

— Проблемы? У нас? — он обернулся к своим людям, и те

тоже усмехнулись. — Господин бывший мэр, вы, кажется, не понимаете, с кем имеете дело. Мы не те, кто боится проблем. Мы те, кто их создаёт.

Эдгар перевёл взгляд с Келлена на остальных. Верн стоял чуть позади, скрестив руки на груди, и смотрел на него с той же насмешкой. Двое других молчали, но в их глазах читалось то же, что и в глазах Келлена — уверенность людей, которые знали, что они здесь главные.

— О чём вы? — спросил Эдгар, и голос его дрогнул.

Келлен шагнул ближе, сокращая расстояние между ними до одного шага, и Эдгар инстинктивно отступил, но споткнулся о камень, на котором сидел минуту назад. Он почувствовал, как равновесие уходит, и понял, что этот разговор закончится совсем не так, как он надеялся.

— Вы знаете, господин бывший мэр, — сказал Келлен, наклоняясь к нему, — я ведь заметил, что вы нас узнали. И я хочу вам кое-что показать.

Он не спеша полез во внутренний карман куртки, вытащил сложенный в несколько раз лист бумаги и протянул его Эдгару.

— Вы ведь нанимали нас, чтобы защищать город, — продолжал Келлен, разворачивая лист. — Но, может быть, вам стоит узнать, кого вы на самом деле наняли.

Эдгар взял листовку и поднёс её к самым глазам, силясь разглядеть в сумерках каждую деталь. С бумаги на него смотрел человек с густой бородой, усами и грубым шрамом

через всю левую щёку — тот, кто стоял сейчас напротив. Только теперь, без бороды и усов, шрам казался единственным, что не поддалось маскировке.

— Это... — начал он, чувствуя, как внутри холодеет. — Но это вы? Только... вы изменились.

— Пришлось, — усмехнулся Келлен, проведя пальцем по тому месту, где раньше был шрам. — Полиция слишком хорошо нас помнит. Поэтому, когда мы шли в ваш город, мы немного изменили внешность. Я закрасил шрам, налепил усы и бороду. Верн побрился налысо. Двое других тоже привели себя в порядок. А сейчас мы уже не в Уэстенде, и маскировка нам больше не нужна. Видишь, как всё продумано?

Эдгар перевёл взгляд на Верна, который стоял чуть позади Келлена. Тот скрестил руки на груди, и на его губах играла та же усмешка, что и у Келлена. Безволосая голова делала его лицо более жёстким, почти звериным.

— Я, кстати, не Верн, — сказал он, и в голосе его прозвучала та особая гордость, с которой люди произносят свои настоящие имена. — Зови меня Ведро. Так меня знают в наших кругах. Запомни — Ведро. Это имя тебе ещё пригодится.

Эдгар перевёл взгляд на Келлена.

— А я — Шеф, — сказал тот, пожимая плечами. — Но можешь звать меня Келленом, если тебе так привычнее. Мне не принципиально.

Эдгар смотрел на них, и внутри у него всё рушилось. Он

нанял их, доверил им защиту города и заплатил деньги, которые теперь были потрачены на их собственную жизнь.

— Вы меня обманули, — сказал он, и голос его прозвучал глухо.

— Обманули? Мы делали свою работу. Вы платили — мы делали вид, что работаем. Честный обмен, если подумать.

Келлен, словно этого было мало, добавил с холодной откровенностью, которой Эдгар раньше в нём не слышал.

— Мы никогда не были охотниками, господин бывший мэр. Это была работа. Хорошо оплачиваемая работа. Ты доверил нам свой город, а мы сделали с этими деньгами то, что сделали бы на нашем месте любые другие люди, — потратили на себя. Мы не виноваты, что ты не проверял нас.

Эдгар стоял, чувствуя, как рушится что-то, что он считал незыблемым. Всё, что он строил, все его идеи, все его проекты — всё это было построено на лжи, которую он сам же и оплатил.

— Вы наняли нас для защиты города от тварей, которых, кстати, в окрестностях не было, — продолжал Келлен, и в голосе его звучала откровенная насмешка. — Мы брали деньги и уходили в лес на пару часов. Иногда стреляли, чтобы вы думали, что мы работаем. Иногда приносили шкуры убитых зверей, которых сами же и привозили из других мест. Вы даже не проверяли! Вас устраивало, что кто-то делает вид, что защищает город. Правда ведь?

— Но я платил вам! — выкрикнул Эдгар, и голос его со-

рвался на отчаяние. — Я дал вам аванс за полгода вперёд! Это были последние деньги города! Где они?

Келлен рассмеялся — коротко, без тени веселья.

— В полной безопасности, — сказал он, разводя руками с таким видом, будто оправдывался перед кредитором. — Сейчас они в более надежном месте, чем, когда вы ими владели. По крайней мере, я так считаю.

Эдгар сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он хотел закричать, хотел броситься на них, но понимал, что это бесполезно. Их было четверо. Он один. И они смотрели на него с тем же выражением, с каким смотрят на добычу, которая уже не может убежать.

В этот момент Ведро шагнул вперёд и вытащил из-за пазухи ещё один сложенный листок. Он развернул его и протянул Эдгару.

— А это, господин бывший мэр, уже ваша листовка, — сказал он с усмешкой. — Свежая, с хорошим портретом. Награду назначили приличную. Даже мы, честно говоря, задумались.

Руки Эдгара дрогнули, когда он принимал листок. На мгновение строчки расплылись перед глазами — он не столько увидел, сколько угадал собственное лицо и сумму награды.

— Меня уже... объявили в розыск? — прошептал он. — Всего несколько дней назад я был мэром, а теперь меня ищут по всей округе.

— И награду назначили, — подтвердил Ведро, наклоняясь к нему. — Приличную, надо сказать. Такие деньги нам бы пригодились.

— Но я ничего не крал! — выкрикнул Эдгар, и голос его сорвался на почти умоляющую ноту. — Это были кредиты! Я вкладывал их в проекты! Рестораны, экспедиции, строительство — я хотел, чтобы город стал лучше! Чтобы люди гордились им! Я не воровал, я пытался строить!

— И ты сбежал, — сказал Келлен. — Этого достаточно, чтобы считать тебя виновным.

Эдгар стоял на дороге, сжимая в одной руке старую листовку с лицом Келлена, в другой — свою собственную. Закат догорел, и сумерки начали сгущаться, скрывая детали. Где-то в лесу кричала птица, и этот звук казался насмешкой.

— И что теперь? — спросил он, и голос его звучал так, будто он говорил не с бандитами, а с самим собой. — Вы сдадите меня властям? Получите награду?

Келлен посмотрел на Ведра, потом на Эдгара, потом снова на Ведра. Улыбка на его лице стала шире, но в ней не было ничего доброго.

— А ты бы хотел, чтобы мы это сделали? — спросил он, и в голосе его прозвучала та самая хитрая интонация, которая появлялась у него, когда он задумывал что-то необычное.

Эдгар не ответил на этот вопрос, потому что сам не знал, чего хочет на самом деле. Он стоял и ждал. И в этой тишине было слышно, как где-то в лесу кричит птица, и как ве-

тер шелестит листьями, и как Келлен вздыхает, собираясь с мыслями.

— Знаешь, господин бывший мэр, — сказал он наконец, — у меня есть идея получше.

Келлен сделал шаг назад и коротко кивнул Ведру — без слов, без пояснений, жест, понятный только им двоим. Ведро шагнул вперёд, и Эдгар увидел, как его рука уже тянется к саквояжу, который так и остался лежать у камня.

— Проверим, что там у нашего бывшего мэра, — сказал Ведро, наклоняясь и усмехаясь. — Может, хоть что-то ценное взял, когда драпал.

Эдгар хотел было возразить, но Келлен поднял руку, и он замер. Ведро щёлкнул замками, откинул крышку и, не глядя, начал вышвыривать содержимое на мокрую землю. Пара рубашек, потёртые брюки, старый платок, письма — он перебирал вещи с профессиональной бесцеремонностью, даже не останавливаясь, чтобы рассмотреть их. Запах дорожной пыли и старой кожи смешался с сыростью вечера.

— И это всё? — спросил Ведро, поднимая на него глаза. В голосе его звучало явное разочарование. — Где деньги, господин бывший мэр? Мы не за этими шмотками вас искали.

— Я ничего не крал! — повторил Эдгар, и голос его звучал уже не с вызовом, а с усталостью — он столько раз повторял это, что слова потеряли смысл. — Я брал кредиты. Вкладывал их в проекты. Рестораны, экспедиции, строительство — я хотел, чтобы город стал лучше. Проекты провалились.

Вот и всё. Я не вор, мне не повезло..

Ведро вытряхнул саквояж до конца, и на землю упал маленький свёрток. Он развернул его — внутри лежал портрет девочки, написанный акварелью, и несколько старых писем, перевязанных бечёвкой. Ведро на мгновение задержался на портрете, но ничего не сказал — отложил его в сторону.

Эдгар перевёл взгляд с портрета на Ведра и почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Осторожнее с этим, — сказал он тихо, и голос его дрогнул. — Это портрет моей дочери. Единственное, что у меня осталось.

— Всё, что у тебя есть, — это старые письма и детский портрет, — сказал Келлен, и в голосе его впервые прозвучала не насмешка, а искреннее удивление. — Ты — самый бедный чиновник, которого я встречал за все свои годы.

Эдгар поднял голову, чувствуя, как внутри него всё дрожит от напряжения. В его глазах мелькнул слабый, но упрямый огонёк.

— Я начну все заново, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — Это одна из попыток. Ты же сам говорил — много попыток — и одна из них обязательно сработает. Я ещё не дошёл до той, которая выстрелит.

Келлен, который уже собирался отвернуться, замер на месте и медленно перевёл взгляд на Эдгара. В его глазах мелькнул интерес — тот самый, который появляется у охотника, когда он замечает следы необычной добычи.

— Что ты сказал?

— Много попыток, — повторил Эдгар, и плечи его чуть расправились. — Я всегда верил, что если делать много попыток, то рано или поздно одна из них обязательно приведёт к успеху. Я открывал рестораны, организовывал экспедиции, строил планы. Каждый раз я был уверен, что вот сейчас всё получится. И каждый раз что-то шло не так. Но я не сдавался. Я делал новую попытку. Разве это не значит, что я хотя бы пробовал?

Келлен стоял неподвижно, глядя на него так, будто видел впервые.

— И где же эта философия привела тебя? — спросил Ведро, обводя рукой пустую дорогу, лес, сумерки. — Сюда? На дорогу, без денег, с портретом дочери в кармане?

Эдгар не ответил на этот вопрос. Он стоял и смотрел на Келлена с той же упрямой надеждой, которая двигала им все эти годы.

— Знаешь, — сказал Келлен медленно, и в голосе его появилась новая нотка, которой раньше не было, — я ведь и правда это говорил. Тогда, когда мы нанимались. Я сказал тебе — «Нужно делать много попыток, чтобы добиться успеха». И я действительно так думаю. Это работает. Мы так и живём. Мы делаем попытки, мы ошибаемся, мы пробуем снова. Но есть одно «но».

— Какое? — спросил Эдгар.

— Мы не платим за наши ошибки, — сказал Келлен, и

голос его стал чуть мягче, почти наставляющим. — Мы не отвечаем за провалы. Если мы ошибаемся, мы уходим, меняем внешность, ищем новый город, новых клиентов. А ты... ты оставался на месте. Ты платил за свои ошибки. Брал кредиты, строил рестораны, нанимал охотников и расплачивался за всё это сам. Ты хотел делать великие дела, но не знал главного правила — если делаешь много попыток, тебя не должны за это наказывать. Иначе все твои усилия — пустой звук. Понимаешь теперь?

Эдгар смотрел на него, чувствуя, как каждое слово проникает внутрь с той же болью, с какой раньше звучали слова кредиторов у порога.

— Жаль, что я не подумал об этом раньше, — сказал он тихо. — Если бы я знал это правило, может быть, я бы не оказался здесь. На дороге, без денег, с портретом дочери в кармане.

Ведро усмехнулся, поднимая с земли саквояж и отряхивая его от налипшей грязи.

— Учиться никогда не поздно, господин бывший мэр, — сказал он. — Мы, например, учимся до сих пор. И, судя по тебе, нам есть чему тебя научить.

Эдгар поднял голову, и в его глазах мелькнул слабый огонёк надежды — тот самый, который не угасал в нём даже в самые тёмные моменты.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Келлен молчал, стоя в нескольких шагах и скрестив руки

на груди. Он смотрел на Эдгара так, будто видел его впервые. В его глазах не было насмешки — была оценка. Он рассматривал его так, словно прикидывал, можно ли извлечь из него пользу или лучше оставить здесь, на дороге.

— Эдгар, — сказал он наконец, и Эдгар вздрогнул от того, как прозвучало его имя без приставки «господин мэр». — Ты говорил, что делаешь много попыток и веришь, что одна приведёт к успеху. Готов к новой попытке?

Эдгар поднял голову. Внутри его всё дрожало, но он заставил себя выпрямиться.

— Я всегда готов, — ответил он. — Но с кем?

Келлен ухмыльнулся и шагнул ближе. В свете умирающего заката его лицо казалось почти тёплым, хотя в глазах всё ещё читался холодный расчёт.

— Важно не только с кем, но и против кого, — сказал он. — Против тех, кто не дал тебе сделать то, что ты хотел. Против кредиторов, против города, против всех, кто смеялся над твоими идеями. Мы не судим за ошибки. Мы пробуем снова. И каждый раз, когда мы ошибаемся, мы уходим, меняем имена, меняем внешность и начинаем всё сначала. Никто не платит за свои ошибки. Если ты готов — мы научим тебя этому.

Эдгар стоял неподвижно, чувствуя, как ветер холодит лицо. Слова Келлена звучали как обещание, как приглашение в мир, где его идеи больше не будут смешными, где его ошибки не будут стоить ему всего.

— Но зачем я вам? — спросил он, и в голосе его прозвучало искреннее недоумение. — Я не богат, у меня нет связей, я не умею красть, не умею убивать. Что я могу вам дать?

Келлен усмехнулся и достал из-за пояса небольшой кожаный мешочек. Он развязал его, высыпал на ладонь несколько монет и показал их Эдгару. Металл тускло блеснул в последних лучах заката.

— Это твои деньги, Эдгар, — сказал он. — Аванс, который ты нам дал. Мы использовали их, чтобы жить, покупать снаряжение, подкупать чиновников. Ты сам дал нам стартовый капитал. Ты профинансировал нашу банду. И мы благодарны тебе за это.

Он убрал монеты обратно в мешочек и протянул его Эдгару. Тот взял его, чувствуя тяжесть металла на ладони. Это были его деньги. Те самые, которые он отдал им на защиту города. Которые он считал потерянными навсегда.

— Мы готовы взять тебя в нашу банду, Эдгар, — сказал Келлен. — Ты будешь нашим стратегом. Будешь придумывать планы, искать цели, оценивать риски. Ты умеешь придумывать идеи. Мы умеем воплощать их в жизнь. Вместе мы сможем добиться того, о чём ты мечтал.

Эдгар стоял на дороге, сжимая в руках мешочек с монетами. Он смотрел на Келлена, на Ведра, на двух молчаливых бандитов, которые ждали его решения. Он чувствовал, как внутри него поднимается странная, почти забытая энергия. Это был тот самый огонь, который горел в нём каждый раз,

когда он начинал новый проект. Только теперь он не обещал ничего хорошего городу. Теперь он обещал что-то хорошее ему самому.

— Я пойду с вами, — сказал он наконец, и голос его звучал твёрже, чем он сам ожидал. — Мне всегда казалось, что я один в этом мире. Что только я верю в метод проб и ошибок. А вы — вы тоже так живёте.

Келлен усмехнулся и хлопнул его по плечу.

— Мы — профессионалы, — сказал он. — Мы не боимся ошибаться. Мы боимся только одного — перестать пробовать.

Эдгар поднял голову. Небо уже начало темнеть, и в сумерках дорога казалась бесконечной. Он оглянулся назад, туда, где за горизонтом остался Уэстенд — город, который он пытался спасти своими планами, город, который сначала верил ему, а потом отвернулся. Город, который он больше никогда не увидит.

— Тогда я с вами, — сказал он.

Келлен кивнул и махнул рукой остальным.

— Добро пожаловать в банду.

Келлен поднял саквояж с земли и протянул его Эдгару. Тот взял его, чувствуя, как с плеч спадает тяжесть. Всего несколько дней назад он был мэром, а теперь стал одним из тех, кого сам презирал, — и в этом странном падении он неожиданно обнаружил нечто похожее на свободу.

Мужчины двинулись по дороге. Закат уже погас, и на небе

загорались первые звёзды. Эдгар шагал рядом с Келленом, и впервые за долгое время ему казалось, что он идёт не в пустоту, а навстречу чему-то новому.

— Запомни, Эдгар, — сказал Келлен, не оборачиваясь, — главное правило — никогда не оглядывайся назад. Всё, что было — осталось там. Впереди — только новые попытки. Ты ведь в это веришь?

Эдгар не ответил. Он посмотрел вперёд, на дорогу, уходящую в темноту, и шагнул, не оглядываясь.

В саквояже лежали портрет Сенры и старые письма — единственное, что осталось от его прошлой жизни.

Он думал о дочери, которая, наверное, сидит сейчас у окна и смотрит на дорогу, по которой он ушёл. Она будет ждать его столько, сколько сможет. А потом перестанет. И это будет правильно.

Где-то в лесу крикнула птица, и ветер зашелестел в соснах. Тропа вела вперёд, в темноту. Эдгар шёл по дороге, не оглядываясь, и впереди него была новая попытка, которая, как он верил, на этот раз обязательно сработает.

Глава 25

Беседка у реки стояла на небольшом пригорке, откуда открывался вид на медленную воду, сверкавшую в лучах послеполуденного солнца, и Сайлас выбрал это место специально, потому что оно было нейтральной территорией — не дом, не мэрия, — где никто не мог подслушать или помешать разговору. Он пришёл почти за час до назначенного времени, сел на деревянную скамью и в третий раз прокрутил в голове вопросы, которые давно выучил наизусть — кто был рядом с Сенрой, когда она нашла светящееся растение, кто находился поблизости во время нападения твари и кто из её друзей провалился в ту пещеру, где обнаружились кристаллы.

По расчётам Феликса, разгадка была близка, потому что носитель магии непременно должен был сопровождать девочку в каждый из ключевых моментов — будь то рыбалка, прогулка в роще или та злополучная пещера, — и оставалось лишь назвать имя, чтобы поставить точку в расследовании. Сегодня Сайлас собирался это сделать, хотя где-то на краю сознания ворочалось смутное беспокойство, ведь он понимал, что от этого разговора зависело куда больше, чем судьба города.

Шаги на тропинке он услышал раньше, чем поднял голову, Амелия шла впереди, держа спину прямой, в том самом

платье, которое он видел на ней всего пару раз по особым случаям, и в её походке чувствовалась решимость человека, готовившегося к этому разговору не меньше, чем он сам. Сенра плелась сзади, машинально обрывая листья с веток и поглядывая по сторонам, словно пыталась отсрочить неизбежное.

Сайлас встал, поправил воротник рубашки и, когда они приблизились, произнёс мягче, чем планировал, — Спасибо, что пришли. Я ценю, что вы нашли время. Признаю, просьба выглядит странно, но я бы не стал вас звать, если бы дело того не стоило.

Амелия остановилась и посмотрела на него поверх слабой улыбки — усталой, но внимательной.

— Я получила записку, — сказала она ровно. — Честно говоря, гадала, зачем вы меня зовёте.

— Это касается городского дела, — пояснил Сайлас.

— Именно поэтому я здесь, — кивнула она и вошла в беседку.

Сенра села рядом с матерью, устремив взгляд на блестящую воду, и Сайлас, оставшись стоять и засунув руки в карманы, поймал себя на мысли, что девочка выглядит спокойной и собранной — но собранной для чего? Для того, чтобы он начал задавать вопросы? Он отбросил сомнение и решил, что время пришло. Амелия тем временем поправила складку платья и украдкой взглянула на него — не как на человека, который собирается допрашивать её дочь, а как на того,

кто наконец готов заговорить о доме и о том, что они останутся здесь вместе, и от этой мысли сердце её забилось чуть быстрее.

Сайлас глубоко вздохнул, собираясь с духом.

— Амелия, — начал он, и голос дрогнул против воли. — Понимаю, ты ждала другого. Но то, что я хочу спросить, касается не нас, а города и магии. Мне нужно задать Сенре несколько вопросов. Позволь мне это сделать.

Улыбка Амелии медленно растаяла.

— Вопросов? — переспросила она. — О чём именно?

— О магии. О том, кто был рядом в те странные случаи.

Она долго смотрела на него, а потом уголок её рта дёрнулся в невесёлой усмешке.

— Ты позвал меня сюда, чтобы допросить мою дочь?

— Мне нужен носитель, — хрипло выдавил Сайлас и сам почувствовал, как неубедительно звучат его слова на ветру. — Для безопасности города.

Амелия молчала, и Сенра переводила настороженный взгляд с матери на Сайласа, не понимая, что происходит. Наконец Амелия заговорила медленнее и тише, и в голосе её вновь зазвучала сталь.

— Я надеялась обсудить наше будущее, Сайлас. То, в каком положении я окажусь в этом доме. Что будет со мной и с Сенрой. А ты хочешь допрашивать моего ребёнка.

Сайлас почувствовал, как пальцы на мгновение онемели, потому что он ведь даже не упоминал дом — всё его внима-

ние было занято магией, носителем и разгадкой, тогда как она ждала совсем другого.

— Я... не думал, что ты так поймёшь, — растерянно произнёс он. — Я говорил о городе, о деле.

— А я имела в виду нас, — тихо ответила она. — Ту жизнь, которую хотела построить.

Тишина между ними стала плотной и осязаемой, а Сенра, сжавшись на скамье, чувствовала этот холод кожей.

— Я не предполагал, — выдохнул Сайлас наконец. — Правда не думал, что ты так воспримешь записку. Мне жаль.

Амелия отвернулась к воде, и плечи её опустились с той усталостью, которая была знакома ему по прежним встречам.

— Понимаю, — произнесла она тихо. — Но я также вижу, что ты купил дом мэра, и чувствую, что между нами есть нечто большее, чем контракты.

Сайлас открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за поворота тропинки показались трое мальчишек, которые шли, размахивая руками и громко переговариваясь о чём-то своём, и их голоса звенели в тишине. Один из них заметил Сенру и радостно замахал рукой.

— Сенра! Мы тебя искали! Хотели позвать играть к старому мосту!

У Сайласа перехватило дыхание, потому что эти трое, о которых говорил Феликс, пришли сами, в самый нужный момент, пока Сенра ещё не ушла и никто не успел ничего

скрыть. Он машинально шагнул вперёд, сжимая кулаки, и уже набрал воздуха, чтобы попросить их задержаться и задать хотя бы один вопрос, — но Амелия оказалась быстрее.

— Иди, милая, — сказала она, повернувшись к Сенре с мягкой, но не терпящей возражений твёрдостью. — Поиграй с друзьями. Нам с Сайласом нужно поговорить.

Сайлас замер, наткнувшись на её взгляд, в котором не было ни злости, ни вызова — только непреклонность, и он понял, что она не позволит ему задать ни одного вопроса — не сейчас и не здесь.

— Амелия, — начал он, — подожди, мне нужно...

— Нет, — перебила она тихо, но твёрдо. — Не сейчас и не так. Сенра, иди.

Сенра перевела взгляд с матери на Сайласа, потом на друзей у тропинки; она не понимала до конца, что произошло, но чувствовала, что взрослые говорят о чём-то, чего детям слышать нельзя.

— Хорошо, мам, — сказала она тихо и спрыгнула со скамьи.

Она побежала к друзьям, которые окружили её и заговорили наперебой, и через мгновение вся четвёрка двинулась по тропинке в сторону леса. Сайлас смотрел им вслед, пока их фигуры не скрылись за деревьями, и чувствовал, как уходит разгадка — та самая ниточка, которую он почти поймал, — потому что он так и не спросил их имён, не успел задать ни одного вопроса и только смотрел, как Сенра убе-

гает с мальчишками, которых он даже не сумел разглядеть. В груди застрял ком, и он сжал кулаки, чтобы не крикнуть им вдогонку.

Беседка притихла, голоса детей растаяли где-то за деревьями, и только плеск воды да шум ветра в листве наполняли тишину. Сайлас стоял у перил, глядя на тропинку, по которой только что ушла Сенра, и чувствовал, как внутри разрастается пустота, потому что он не успел задать ни одного вопроса и даже не разглядел лиц тех мальчишек, которые могли быть ключом к разгадке. Амелия пресекла всё в самом зародыше, и теперь вопросы, которые он так старательно готовил, повисли в воздухе без ответа.

— Ты злишься на меня? — спросила Амелия, и это прозвучало не как упрёк — она видела его сжатые кулаки и то, как он смотрел вслед девочке.

Сайлас повернулся, и она стояла у колонны, прислонившись спиной к дереву, и смотрела без вызова, и в её взгляде были только усталость и тепло.

— Я не злюсь, — сказал он. — Я разочарован. Подготовился, а ты даже не дала мне открыть рот.

— Чтобы ты успел её напугать? Я видела, как она сжалась, когда ты только достал свой список. Вся напряглась, как будто ждала удара. Если бы ты продолжил, она бы закрылась — я вижу её. Она не доверяет тем, кто на неё давит, и тогда ты бы уже ничего от неё не добился.

Он хотел возразить, но промолчал, потому что она была

права, он видел страх в глазах Сенры ещё до того, как подошли мальчишки.

— Ты права, — сказал он наконец. — Я не хотел её пугать. Похоже, уже одного моего вида хватило, чтобы напугать её.

Амелия помолчала, глядя на него, и в её взгляде промелькнуло что-то новое — она видела, что он сдаётся, что магия отступает, уступая место чему-то другому. Она поняла, что сейчас, возможно, единственный момент, когда он готов слушать, а не допрашивать, и заговорила негромко, но твёрдо, и голос её дрогнул только на первом слове.

— Есть ещё одно, ради чего я пришла сюда сегодня, и это важнее магии, важнее носителя и важнее всего, о чём ты твердишь с тех пор, как появился в этом городе.

Сайлас нахмурился, не понимая, к чему она клонит.

— Ты купил дом, — сказала Амелия. — Дом, в котором я прожила почти десять лет, в котором Сенра сделала первые шаги, где я отмечала на косяке каждый её день рождения и где Эдгар сидел в своём кабинете и строил планы, а я стояла у окна и считала дни до его возвращения.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Ты выкупил долги Эдгара и избавил нас от кредиторов. Я благодарна тебе за это, больше, чем могу выразить словами. Но теперь получается, что дом принадлежит тебе, а я не жена, не родственница, не совладелица, а никто, не хозяйка, не гостья, не арендатор, а обычная женщина, которая живёт в твоём доме, пока ты не скажешь ей уйти. И нет ни одной

причины, почему ты не можешь попросить меня освободить место, когда тебе станет неудобно, сегодня, завтра, через месяц. Ты можешь сказать мне, чтобы я освободила помещение, и мы с Сенрой окажемся на улице, а я буду чувствовать себя не выселенной, а выброшенной, как старый хлам.

— Я бы никогда... — начал Сайлас.

— Я верю тебе, — перебила она мягко. — Но вера это одно, а положение другое. Я думала об этом много ночей, лежала без сна и считала варианты, и каждый раз приходила к одному и тому же выводу.

Она сделала паузу, и Сайлас увидел, как её пальцы чуть дрожат на сгибе плаща.

— Помнишь, мы встретились в баре? — спросила она вдруг. — Ты сидел один, с кружкой, и смотрел в стену так, будто пытался разобрать на ней невидимый текст. Я тогда подумала, что ты не похож на Эдгара, потому что слушаешь, а не приказываешь, и думаешь, прежде чем говорить. И ещё я подумала, что ты не женат, у тебя нет кольца, нет того взгляда, который появляется у людей, когда их кто-то ждёт дома. И тогда я поняла, что ты свободен, и что, если я когда-нибудь решусь, это будет не бегство от одного к другому, а выбор.

Сайлас молчал, слушая. Он не перебивал, потому что чувствовал, что это то, ради чего она на самом деле пришла, не ради разговора о магии и не ради допроса, а ради того, чтобы сказать ему то, что она копила много ночей, лежа без сна.

— Мне нужен статус, Сайлас, — сказала Амелия, и голос

её стал ровнее, деловитее, будто она зачитывала список, который составила за много бессонных ночей. — Не для кого-то, а для себя и для Сенры. Чтобы я была в этом доме не чужой и не временной гостьей, а хозяйкой, как была при Эдгаре, чтобы никто не мог сказать мне, чтобы я ушла, и чтобы Сенра не просыпалась с мыслью, что завтра её выгонят из её собственной комнаты.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Сайлас, я понимаю, как это звучит, но я должна сказать тебе прямо, мне нужно выйти за тебя замуж. Это единственный способ, чтобы дом остался нашим, чтобы я была здесь не временной гостьей, а хозяйкой, и чтобы Сенра не боялась, что завтра её выгонят. Я хочу ждать тебя по вечерам — не потому что мне некуда идти, а потому что я хочу быть с тобой, по-настоящему хочу.

Сайлас замер, и воздух в беседке будто стал плотнее. Внутри него всё смешалось, не само предложение, а то, как она его сделала, спокойно, деловито, как будто зачитывала доклад. Но за этой сдержанностью он видел страх женщины, которая годами жила в чужом доме и боялась, что в любой момент ей скажут уйти.

— Прими решение, — сказала Амелия тихо. — Сейчас. Я не могу больше жить в неопределённости и не могу каждый день просыпаться, гадая, сколько мне ещё осталось.

Сайлас молчал, не отказывал, но и не соглашался. Он смотрел на неё, и в голове у него всё путалось.

Пауза затягивалась. Амелия видела, что он не собирается отвечать сразу, и в ней нарастала тревога, она боялась, что он скажет нет или, что хуже, скажет, что не знает. Она заговорила сама, быстрее, чем планировала, почти механически, как будто перечисляла пункты, которые уже много раз повторила про себя, чтобы не дать ему уйти от ответа, и начала с самого очевидного.

— Бумаги на развод с Эдгаром уже поданы, ты это видел. Значит, дело не в них. Что тогда?

Сайлас молчал, и эта тишина казалась ей оглушительной. Она решила перебирать варианты, пока не найдёт тот, который заставит его говорить.

— Я не красива? — спросила она, и голос её дрогнул, потому что она боялась услышать «да». — У меня дочь от другого мужчины. Может, ты не хочешь брать чужого ребёнка? Или я кажусь тебе скучной? Или ты думаешь, что у меня ничего нет, кроме долгов?

Сайлас покачал головой, глядя ей в глаза.

— Ты красива, Амелия, и ты сама это знаешь. Сенра — часть тебя, и мне это не мешает. Мне не скучно с тобой, потому что ты единственная, с кем я могу молчать и не чувствовать, что нужно что-то говорить. Деньги… мне не нужны твои деньги. А жениться… я не говорил, что не хочу. Я не думал, что это случится — что кто-то встанет передо мной и скажет это вот так.

Амелия замолчала, будто не ожидала такого ответа. По-

том продолжила, уже тише и с меньшей уверенностью.

— У тебя другая на примете, кто-то, кого ты встретил до меня.

— Нет никакой другой.

— Ты боишься, что люди будут говорить, что помощник мэра женится на жене бывшего мэра.

— Мне неважно, что скажут люди, — сказал Сайлас ровно. — Пусть говорят, что хотят.

— Твои родственники против.

— Некому быть против, — усмехнулся он невесело. — У меня никого нет.

Амелия остановилась, потому что все варианты закончились, и смотрела на него, и в её глазах было что-то новое, не облегчение, а недоумение, ведь она была готова к любому из этих отказов, к каждому продумала ответ, но не была готова к тому, что ни один не сработает.

— Тогда что? — спросила она тихо. — Что тебя останавливает?

И вот тут Сайлас понял, что больше не может прятаться за её вопросами.

Сайлас молчал, глядя на неё, и вдруг понял, что его останавливал не страх перед ней или перед браком, а неверие в лёгкие решения, ему казалось, что за каждым предложением скрывается ловушка, что если что-то выглядит слишком хорошим, значит, оно таким не будет. Это был его инстинкт искать подвох, проверять, перепроверять, откладывать, и он

следовал ему так долго, что этот инстинкт стал его тюрьмой.

Но он вспомнил Эдгара, который никогда не искал подвохов, брался за всё подряд, не задумываясь, и раз за разом ошибался, потому что не умел сомневаться. А он, Сайлас, ошибался по-другому, сомневался так долго, что упускал всё, что могло быть правильным. И сейчас, стоя перед решением, которое могло изменить его жизнь, он чувствовал, как инстинкты кричат ему, чтобы он не доверял, подождал и проверил. Но внутри уже крепла мысль, что именно этот раз нужно довериться не инстинктам, а женщине, которая не просит у него ничего, кроме права остаться.

Амелия шагнула ближе, и жёсткость исчезла из её глаз, осталась только тихая нежность.

— На фоне Эдгара ты выглядишь мудрецом, — сказала она. — Но когда ты один принимаешь решения, ты ошибаешься ничуть не меньше, только иначе — он бросался в омут с головой, а ты стоишь на берегу и боишься даже шагнуть в воду. А результат — один и тот же.

Сайлас почувствовал, как эти слова попали в точку, потому что она была права, он так долго ждал и сомневался, что это уже стоило ему многого, и если он сейчас откажется, то станет не лучше, а противоположностью Эдгара, таким же неспособным решиться, только в другую сторону.

— Ты права, — сказал он, и голос его прозвучал тише, чем он хотел. — Я слишком долго ищу подвох там, где его нет. И это моя ошибка.

Он сделал шаг вперёд и взял её руки в свои, холодные, подрагивающие.

— Я согласен, Амелия, правда. Но дай мне немного времени, чтобы привыкнуть. Я слишком долго был один, и мне страшно, что я не справлюсь. Свадьба через полгода — это не отсрочка, мне нужно время, чтобы поверить, что я могу быть с кем-то. Ты дашь мне этот срок?

Амелия закрыла глаза, и по её щеке скользнула тень облегчения, плечи опустились, будто она наконец перестала держать оборону.

— Полгода, — повторила она тихо, и в голосе её не было ни сомнений, ни обиды. — Хорошо, я подожду столько, сколько нужно.

Она помолчала, а потом добавила тише, но с той же твёрдостью.

— Сайлас, я должна сказать тебе самое главное, это важнее, чем дом, важнее, чем статус. Сенра — ты должен перестать видеть в ней подозреваемую. Если мы станем семьёй, ты должен стать для неё отцом — не тем, кто вытягивает информацию, а тем, кто проверяет уроки, кто спрашивает, как прошёл день, кто не боится, что она что-то скрывает. Пожалуйста, пойми, я не выйду за человека, который будет относиться к моей дочери как к подозреваемой.

Сайлас посмотрел на неё, на её серьёзное лицо, и понял, что это условие для неё важнее, чем брак. Он медленно кивнул, и в этом кивке было больше, чем в любых словах.

— Я не умею быть отцом, но я постараюсь.

— Этого достаточно, — ответила Амелия. — Обещай мне только одно, если она захочет что-то рассказать, ты выслушаешь, не будешь давить и не будешь искать тайный смысл, а выслушаешь.

— Обещаю, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, без колебаний.

Амелия улыбнулась той тихой улыбкой, которую он видел у неё всего несколько раз.

— Тогда мы договорились, — сказала она.

— Договорились, — повторил Сайлас.

Они стояли, держась за руки, и тишина между ними была не той плотной, давящей, что висела здесь час назад, а другой, тёплой, немного неловкой, как после важного решения, которое ещё не успело стать привычным. За стенами беседки шумел лес, вода мерно плескалась о берег, и где-то в ветвях кричала одинокая птица.

Амелия не отпустила его рук и не повернулась к выходу, она осталась рядом, и Сайлас понял, что впервые за долгое время ему не нужно ничего решать, нечего расследовать и незачем искать подвох, потому что можно было стоять здесь и дышать тем же воздухом, что и она.

— Что теперь? — спросил он.

Амелия помолчала, глядя на него, и в уголке её губ мелькнула улыбка.

— Ты сказал, что тебе неважно, что скажут люди, — про-

изнесла она. — Тогда докажи — пройдёмся через город вместе, пусть видят.

Сайлас усмехнулся.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать?

Он подал ей руку, и она взяла её крепко, уверенно, как будто держала за неё уже много лет. Они вышли из беседки, и тропинка повела их вниз, к городу, к дому, который теперь был их общим. Солнце клонилось к закату, и вода за их спинами потемнела, стала глубокой и спокойной. Сайлас шёл рядом с Амелией, и впервые за много месяцев его мысли не были заняты расследованием, долгами или магическими аномалиями, он думал о доме, о том, что через полгода там будет свадьба, о том, что там его будут ждать, и о том, что, возможно, именно с этого начинается жизнь, в которой он перестанет искать подвох в каждом предложении и научится принимать то светлое, что ему дают, не оглядываясь на страх.

Через час, когда солнце уже начало клониться к закату, Сенра, Корбин, Олдрик и Лейтан добрались до поляны у старого вяза. Трава здесь была выше, чем в городе, и пахла диким чабрецом и мокрой землёй. Они спустились к ручью, где когда-то ловили рыбу и находили удивительные вещи, и где их игры оборачивались чем-то большим, чем забава. Здесь, у воды, они всегда чувствовали себя свободными от города, от взрослых, от вопросов, на которые не находили ответов.

Сенра остановилась первой, и остальные встали следом, потому что по тому, как она замерла и как её плечи чуть напряглись, они поняли, что она хочет сказать что-то важное.

Но Олдрик её опередил.

— Слушай, а что тому типу нужно было от тебя? — спросил он, бросая камешек в воду, и тот утонул с глухим всплеском. — Ну, который в беседке. Он на тебя так смотрел, будто хотел что-то спросить, но так и не решился.

Сенра помолчала. Она глядела на бегущую воду и вспоминала тот взгляд, которым Сайлас смотрел на неё, не злой, но цепкий, как у человека, который ищет что-то конкретное и не собирается останавливаться.

— Он хотел задать мне вопросы, — сказала она наконец. — Про магию, про то, кто был рядом. Как в прошлый раз.

— В прошлый раз? — переспросил Корбин, садясь на траву и поджимая ноги.

— Он уже спрашивал меня раньше, — кивнула Сенра. — Про то, кто был рядом, когда происходило что-то странное. Я тогда не поняла, зачем ему это, а теперь поняла. Он ищет кого-то и думает, что я могу ему помочь.

Она повернулась к друзьям и посмотрела на них, на Олдрика, который всё ещё вертел в руках следующий камешек, на Лейтана, прислонившегося к стволу вяза, на Корбина, который смотрел на неё внимательно, без усмешки.

— Если бы вы не пришли, он бы начал допрос, — добавила она тише. — Мама это поняла и отправила меня с вами.

Так что… спасибо, вы меня спасли.

Олдрик фыркнул, но без злобы.

— Да ладно, не за что. Я, правда, всё равно ничего не понял из того, что они там говорили. Но выглядело так, будто он собирался тебя в чём-то обвинить.

Корбин покачал головой.

— Мы ведь не знали, что ты будешь в беседке, — сказал он. — Я даже не думал, что ты там. Мне вдруг захотелось туда сходить, сам не пойму почему. Как будто кто-то за верёвочку дёрнул.

— Потянуло, — повторил Лейтан, и в голосе его прозвучала лёгкая усмешка. — Как будто кто-то за верёвочку дёрнул.

— Может, и так, — пожал плечами Корбин. — Но если бы не это, мы бы пришли позже. И тогда…

Он не договорил, и никто не стал договаривать, потому что все понимали, что могло бы быть, если бы они опоздали.

Они помолчали, прислушиваясь к тому, как вода в ручье тихо журчит и где-то в лесу поёт птица. Никто не ответил на недосказанное, ведь все понимали, что Сенра права — для них это игра, а для Сайласа — работа, и взрослые не видят разницы между этими вещами. Для них любая странность — угроза или возможность наживы, и они будут искать выгоду даже там, где её нет.

Сенра села на берег, обхватив колени руками.

— Мы не можем больше ничего им рассказывать, — про-

изнесла она, глядя на бегущую воду.

Корбин поднял голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Всё, что мы находим и делаем, — ответила она. — Нельзя говорить взрослым, иначе они начнут допрашивать и искать смысл там, где его нет.

Олдрик хмыкнул и задумчиво покрутил в руках камешек.

— Но мы же не ищем специально, — сказал он. — Мы гуляем и иногда натыкаемся на что-то необычное. Это же не охота, не поиск сокровищ — случайность. Почему они не могут понять, что это не мы создаём эти странности, а они сами как-то появляются?

— Верно, — кивнула Сенра. — Но они не понимают этого. Для них любая находка — загадка, которую нужно разгадать, а мы не можем им объяснить, что это лишь игра, потому что сами не знаем, почему это происходит.

Лейтан оторвался от дерева и подошёл к ручью.

— Она права, — сказал он. — Если мы расскажем, они придут сюда с лопатами и доберутся до того, чего нам видеть не нужно.

— Ты думаешь, это опасно? — спросил Корбин.

— Не уверен, — Лейтан пожал плечами. — Но я видел, чем заканчивается любопытство взрослых, когда они берутся за то, чего не понимают. Обычно это заканчивается плохо.

Наступила тишина. Ручей журчал, где-то в лесу пела птица, и Сенра смотрела на воду, чувствуя внутри странную, по-

чти взрослую решимость.

— Мы должны дать клятву, — сказала она вдруг. — Настоящую, как в старых историях, что мы никогда не расскажем взрослым о наших играх и о том, что находим, потому что всё это должно остаться только между нами.

Корбин улыбнулся той тихой понимающей улыбкой, которая появлялась у него, когда Сенра предлагала авантюры.

— Давайте, — сказал он. — Прямо сейчас.

Он встал, подошёл к Сенре и протянул ей руку. Она взяла её, а Олдрик и Лейтан подошли ближе и положили свои ладони сверху.

— Мы клянёмся, — сказала Сенра, глядя на друзей, и голос её звучал совсем не по-детски серьёзно, — что наши игры останутся только нашими, что мы никогда не расскажем взрослым о том, что видим и находим, даже если это покажется нам очень важным, что мы будем хранить наши секреты и никому их не отдадим и что мы всегда будем вместе, что бы ни случилось.

— Клянёмся, — повторили остальные хором.

Они стояли в кругу, держась за руки, и чувствовали, как между ними натягивается невидимая нить, нечто большее, чем дружба, что-то более крепкое, для чего ещё не придумали слова, своя маленькая республика посреди мира взрослых.

— И мы не перестанем играть, — сказала Сенра, отпуская напряжение. — Будем ходить сюда, как раньше, и никто не

догадается.

— А если найдём что-то действительно важное, что-то, что может изменить всё? — спросил Олдрик.

— Тогда решим сами, все вместе, — ответила она. — Главное — никому не говорить. Договорились?

Они разжали руки и посмотрели друг на друга. В их взглядах было что-то новое — не только понимание, но и что-то похожее на обещание. Где-то в лесу крикнула птица, ветер зашумел в листве старого вяза, и Сенра почувствовала, как тяжесть отпускает грудь. Раньше ей всегда казалось, что правду нужно говорить всегда, что секреты — это плохо и что старшие знают лучше. Сейчас она вдруг поняла нечто для себя новое, взросление — это когда перестаёшь полностью полагаться на старших и начинаешь отвечать за свой выбор.

— Пошли, — сказала она, улыбаясь, и в голосе появилась та лёгкость, которой не было весь день. — Давайте поищем что-нибудь интересное.

Корбин усмехнулся и шагнул вперёд.

— Есть одно место, — сказал он, подмигивая. — За поворотом старый дуб. Говорят, под ним что-то спрятано. Может, станет нашим первым настоящим секретом, тем, о котором никто никогда не догадается.

Они двинулись по тропинке вглубь леса. Солнце светило ярко, ветер играл в листве, и казалось, что весь мир открыт для них. Они шли уверенно, чувствуя, что, что бы ни нашли,

это останется их тайной. Сзади осталась роща, вяз, ручей и тишина, и клятва, которую они только что дали, — тонкая, невидимая грань, отделявшая их детство от той жизни, в которой взрослые пытались всё объяснить и всему найти применение.

Они хранили тайну долгие семь лет, пока, наконец…

Часть 2 "Культ двоеточия" Глава 26

Семь лет назад мэр Уэстенда сбежал из города. Исчез среди ночи, не оставив ни записки, ни объяснений. На его место выбрали Сайласа. Первое время жители ещё вспоминали бегство, обсуждали его в лавках и на площадях, гадали о причинах. Но шли месяцы, потом годы, и история стала забываться. У города появились новые заботы, а старая — поблёкла, как выцветшая вывеска.

За эти семь лет Сайлас успел немало. Уэстенд, некогда захолустный и сонный, преобразился, починили дороги, открыли новые мастерские, торговля пошла в гору. Город перестал выглядеть так, словно его жители только и ждут повода уехать.

И вот теперь, солнечным утром, рыночная площадь Уэстенда была заполнена людьми. Между рядами сновали покупатели, продавцы выкрикивали цены на овощи и ткани, где-то звенел молоток кузнеца. День обещал быть тёплым и ясным.

Ивор Олдридж стоял за своим небольшим лотком, разложив перед собой аккуратные пучки сушёных мухоморов. Красные шляпки с белыми крапинками лежали на чистой тряпице и выглядели даже привлекательно, однако покупа-

тели обходили его лоток стороной, а некоторые, проходя мимо, усмехались.

Товар его был на самом деле полезен — только не так, как можно было подумать. Сухие шляпки нужно было растолочь, смешать с молоком или сладкой водой, и только тогда получалась отрава, которую мухи охотно поедали и гибли. Но горожане знали о мухоморе только одно — его нельзя есть. Этого правила, усвоенного с детства, им было вполне достаточно. Ивор не пытался их переубеждать. Он стоял и молча наблюдал за ними, чувствуя странное удовлетворение. Они потешались над ним, считая его торговлю нелепой, но ошибались, а он был прав. Продажи, правда, от этого скрытного осознания не росли.

Он бросил взгляд вдоль рыночного ряда и заметил Корбина — молодого человека примерно девятнадцати лет, одетого опрятно и со вкусом. Ивор знал его, как знали почти все в городе. Корбин был из бедной семьи и нигде не работал, но при этом всегда имел деньги. Ходили слухи, что он с детства находил что-то ценное и продавал, что ему везёт. Баловень судьбы, не иначе. А ещё Корбин был знаком с приёмной дочерью нынешнего мэра — она же родная дочь прошлого — и с сыном владельца Болденской рафинерии. Половина девушек города провожала его взглядами. Вот и сейчас одна из местных красавиц, проходя мимо, помахала ему рукой, и Корбин вежливо кивнул в ответ.

За что этому парню всё это достаётся? Ивор нахмурился,

глядя на него. Сам он трудился на разных работах, его отовсюду выгоняли — то за излишнюю инициативу, то за то, что он решал сделать «как лучше» и в итоге портил дело. Один раз он даже работал в местной газете — той самой, что выходила три раза в неделю, — но его уволили из-за дурацкой истории с двоеточиями. А теперь вот он стоит за лотком и продаёт мухоморы, чтобы хоть как-то заработать, пока не подвернётся что-нибудь постоянное.

Он ещё раз взглянул на Корбина и увидел, что к тому быстрым шагом подходит мужчина в дорогой куртке с красными полосами на плечах — знак принадлежности к гильдии магов. Ивор сразу узнал его — это был Феликс, маг-исследователь, который иногда появлялся в городе. Он выглядел опрятно, держался уверенно и двигался быстро, как человек, который точно знает, что ему нужно.

Корбин тем временем поравнялся с лотком Ивора. Он скользнул взглядом по связкам мухоморов, улыбнулся — коротко, вежливо, как улыбаются знакомому продавцу, у которого никогда ничего не покупают, — и уже собирался пройти мимо, как и все остальные. Но не успел.

Не говоря ни слова, Феликс схватил его за руку повыше запястья.

— Попался, носитель, — произнёс он негромко, почти с облегчением, словно наконец нашёл то, что долго искал.

Корбин вздрогнул и попытался высвободить руку, но Феликс держал крепко. Люди вокруг начали оборачиваться.

— Что вы делаете? — спросил Корбин. — Отпустите.

— Прошу прощения за манеры, — сказал Феликс, чуть ослабив хватку. — Я маг-исследователь, и у меня к тебе предложение. Весьма выгодное. Но обсуждать его посреди рынка я не хочу. Отойдем в сторону, где нас никто не услышит, и я всё объясню.

Корбин, уже успевший разглядеть красные лычки на его куртке, понял, что перед ним действительно представитель гильдии, и перестал вырываться.

— Хорошо, — сказал он. — Но вы можете отпустить мою руку.

— Когда окажемся подальше отсюда, — сказал Феликс уже мягче. — Здесь слишком много народу.

Он потянул Корбина за собой, но уже без прежней резкости.

Со своего лотка Ивор видел эту сцену от начала до конца. Внутри у него поднялось раздражение, смешанное с любопытством и обидой. Значит, вот как это происходит. Маг приходит на рынок, хватает бездельника, называет его носителем и тут же сулит ему выгодное предложение. А остальные — простые торговцы, работяги, люди вроде него, Ивора, — должны стоять и делать вид, что их это не касается.

«Ну уж нет, — подумал Ивор. — Если этот маг считает, что Корбин такой талантливый и особенный, пусть объяснит, чем я хуже. Может, Корбин и баловень судьбы, но талантов у меня явно побольше».

Он оставил лоток без присмотра, хотя это было рискованно, и быстрым шагом направился наперерез Феликсу и Корбину. Подойдя ближе, он встал так, чтобы преградить им путь.

— Господин маг, прошу прощения, что отвлекаю, — начал Ивор, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. — Позвольте один вопрос, и я сразу отстану. Вы встречаете на рынке горожанина, которого считаете способным, и тут же хотите увести его в сторонку, чтобы заключить выгодный договор. А мы, остальные, получается, слишком бездарные, чтобы хотя бы знать об этом? Я правильно понимаю ситуацию, или я чего-то не вижу?

Он чуть развёл руками, приглашая и Феликса, и случайных зевак оценить нелепость положения.

Феликс остановился, всё ещё держа Корбина за руку, и посмотрел на Ивора. Взгляд его был спокойным, но холодным.

— Я ценю ваше любопытство, но при всём уважении — это не дело торговца, — произнёс он, окинув взглядом лоток, от которого отошёл Ивор. — Возвращайтесь к своим мухоморам, а мы с молодым человеком займемся нашими делами. Ничего необычного здесь не происходит.

Ивор уловил пренебрежение в тоне Феликса — тот назвал его «торговцем», а о мухоморах упомянул так, будто это что-то постыдное. Корбин, стоявший рядом, перевёл взгляд на лоток Ивора и нахмурился — он не понимал, что плохого в продаже мухоморов.

— Вообще-то я не только торговец, — возразил Ивор. — Я человек многих профессий, я освоил несколько ремёсел и успел поработать в разных местах. А вот Корбин, насколько я знаю, никогда нигде не работал. Я не прошу вас отказываться от разговора с ним и не требую, чтобы вы обсуждали ваши дела со мной. Я прошу лишь об одном — не относитесь к обычным гражданам как к низшему сорту. Не надо так откровенно показывать, что одних вы считаете достойными внимания, а других — пустым местом.

Феликс выслушал его, не перебивая, но слова Ивора явно не произвели на него впечатления. Ивор понял это по лицу мага и решил зайти с другой стороны. Он чувствовал, что мага не убедить простыми словами о справедливости. Нужно было что-то более весомое — такое, чтобы Феликс хотя бы засомневался в своей правоте.

— И кстати, раз уж зашла речь о том, как маги обращаются с простыми людьми, — продолжил Ивор, понизив голос. — Я знаю, что это звучит как жалоба, но к вам не подойдёшь просто так — нужны деньги, запись, повод. Когда у кузнеца украли весь набор инструментов, полиция только руками развела — ни следов, ни свидетелей. Кузнец пошёл к магам, попросил найти вора. А ему назвали цену — больше, чем стоят сами инструменты. Выходит, дешевле потерять ремесло, чем попросить вас о помощи. А когда у сына плотника началась лихорадка, лечение оценили так, что вся улица брала в долг, чтобы набрать нужную сумму. Я не прошу разда-

вать магию даром на каждом углу. Но иногда, когда человеку некуда деться, можно войти в положение и не обдирать его как липку.

Феликс чуть заметно усмехнулся и наконец отпустил руку Корбина, видимо решив, что тот уже никуда не денется.

— Если бы маги начали решать все проблемы обычных людей с помощью магии, — сказал он спокойно и размеренно, — обычные люди вообще перестали бы работать. Они бы только и думали о том, как выпросить у магов помощи. Поэтому магические услуги всегда имеют цену, причём сопоставимую с тем, что та же услуга стоит без магии. Любую услугу можно купить в обменном центре. А клянчить что-то у магов запрещено. И нам, со своей стороны, запрещено оказывать неоплаченные услуги.

Ивор хотел было возразить, но осёкся. Ответ был логичным, придраться было не к чему. Однако он не собирался сдаваться. Его взгляд упал на куртку Феликса, на приборный карман, и в голове мелькнула мысль.

— У вас, магов, есть прибор, определяющий магию, — сказал он, вспомнив городские слухи. — Говорят, он может показать, есть в человеке магия или нет. Давайте проверим нас обоих прямо здесь. Если между мной и этим Корбином нет разницы с точки зрения магии, тогда с какой стати вы уводите только его, а меня оставляете?

Феликс на мгновение задумался, потом пожал плечами, полагая, что легче согласиться, чем спорить. Он достал из

внутреннего кармана тот самый прибор, который использовал в своих исследованиях, — небольшую коробку с медными уголками и стеклянной панелью. Прибор слабо гудел, но панель пока оставалась тёмной.

— Смотрите, — сказал Феликс и навёл прибор на своё кольцо — простой перстень с тусклым камнем. Стеклянная панель засветилась мягким голубоватым светом. — В кольце есть магия. Прибор работает.

Он направил прибор на Ивора. Панель осталась тёмной. Никакой реакции. Ивор смотрел на это почти с торжеством. Затем Феликс навёл прибор на Корбина. Стекло не отозвалось. Ивор расплылся в улыбке.

— Вот видите! — воскликнул он, обводя рукой себя и Корбина. — И у меня ничего, и у него ничего. А в сторону вы собрались отвести его, а меня оставить здесь, как человека второго сорта.

Феликс нахмурился. Он опустил прибор, потом снова поднял его и направил на своё кольцо. На этот раз панель молчала. Маг провёл прибором вокруг кольца — ничего. Он постучал пальцем по корпусу, но стекло не отреагировало.

— Любопытно, — сказал Феликс. — Действие прибора подавлено. Он перестал работать.

— Со всеми так бывает, — сказал Ивор почти сочувственно. — Не стоит расстраиваться.

За время их разговора вокруг успели собраться несколько зевак. Другие продавцы с соседних лотков, бросив свои то-

вары, смотрели на странную сцену — маг с прибором, молодой парень, которого он только что перехватил посреди рынка, и Ивор, продавец мухоморов, что-то громко доказывающий. Кто-то перешёптывался, кто-то откровенно глазел.

Ивор оглянулся на толпу и быстро нашёлся. Он вспомнил, что Феликс хотел отойти в сторонку, и решил обратить ситуацию в свою пользу.

— Господин маг, — сказал он, понизив голос, — вы говорили, что вам нужно уединённое место для разговора. Я знаю такое. Здесь неподалёку есть переулок, где нас никто не услышит. Идёмте, пока сюда не подошло ещё больше народу.

Феликс оглянулся на толпу, которая продолжала расти, и коротко кивнул. Ивор двинулся вперёд, лавируя между рыночными рядами. Феликс и Корбин последовали за ним. Через пару минут они свернули за угол и оказались в узком безлюдном переулке, где пахло сырой штукатуркой и старым деревом. Здесь действительно было тихо и пустынно, только где-то вдалеке слышался приглушённый шум рынка.

Как только они остановились, Феликс повернулся к Ивору и заговорил с прежней холодной вежливостью.

— Я ещё раз прошу вас оставить нас. Это личный разговор, и он касается только меня и Корбина.

Маг не изменил своего отношения — Ивор понял это сразу. Но он также обратил внимание, что Корбин во время всего их спора на рынке вёл себя спокойно, не проявлял высокомерия и даже, кажется, не разделял пренебрежения Феликс

са к продавцу мухоморов. Это был шанс. Ивор решил обратиться к Корбину напрямую.

— Послушай, Корбин, — сказал он, глядя ему прямо в глаза. — Тебя не гложет совесть? Маг совершенно случайно заметил тебя на рынке и решил предложить тебе сделку. А я стоял рядом. Я был здесь же, когда маг выбирал, кого взять в свои проекты. И меня уже прогоняют, как будто я пустое место. Может, ты и вправду считаешь, что ты куда лучше простых смертных, с которыми тебе выпало несчастье жить в одном городе?

Корбин выслушал его внимательно, не перебивая. Потом покачал головой.

— Я не считаю, что я чем-то лучше тебя, — сказал он спокойно. — И я не просил мага прогонять тебя. — Он повернулся к Феликсу. — Пожалуйста, позвольте ему остаться. Если ему интересно, пусть слушает.

Феликс вздохнул. Решение явно пришлось ему не по душе, но он дорожил расположением Корбина, а отказ мог выглядеть как неуважение к его первой просьбе.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Раз ты этого хочешь, пусть остаётся. Но предупреждаю, — он перевёл взгляд на Ивора, — я перейду к делу немедленно, пока не появились другие желающие поучать меня жизни.

Глава 27

— Я хочу предложить тебе работу в местном магическом исследовательском центре, — произнёс Феликс, глядя на Корбина. Голос его звучал ровно и по-деловому. — Работа довольно простая — тебе нужно будет участвовать в экспериментах. Сами опыты будут для тебя безвредны, это чётко прописано в контракте.

Он сунул руку во внутренний карман куртки и достал сложенный в несколько раз лист плотной бумаги. Развернул и протянул Корбину. Тот взял лист и пробежал глазами по строчкам.

— Так уж вышло, что постоянной работы у меня никогда не было, — сказал Корбин задумчиво, подняв глаза от контракта. — Не то чтобы деньги были не нужны… просто я как-то обходился. Что-то находил, что-то продавал, подворачивались разовые возможности. Ещё в детстве удалось немного заработать, и этого на какое-то время хватило.

Он помолчал, покрутил край контракта в пальцах.

— Мне однажды предлагали стать рыбаком, — добавил он чуть тише. — Говорили, что у меня талант. Я тогда сразу отказался — сказал, что хочу быть кем-то ещё. А потом долго об этом думал. Почти все в этом городе работают кем могут, не выбирают. А я взял и отказался от того, что само шло в руки. Меня это… не то чтобы мучило. Но беспокоило.

Он снова взглянул на контракт.

— Я решил, что должен найти себе дело. Понять, чего хочу. Подумывал устроиться в магический центр, но туда многие хотят попасть, а вакансий нет. А теперь… — он чуть усмехнулся, будто сам не до конца верил, — теперь мне предлагают именно то, чего я хотел. Я не жду, что меня будут обучать магии. Но хотя бы одним глазком взглянуть на работу магов — это всё, что мне нужно. Я согласен. Никаких причин отказываться у меня нет.

Услышав это, маг удовлетворённо кивнул.

— Это всё, что я хотел сообщить, — сказал он и перевёл взгляд на Ивора. — Так что уважаемый продавец мухоморов зря покидал своё место. Может, за это время у него кто-нибудь что-нибудь и купил бы.

Сделка прошла до обидного быстро и гладко — Ивор стоял молча и чувствовал, как внутри всё сжимается от досады. Маг всё подготовил заранее, Корбин согласился не раздумывая, и вот уже всё решено, а ему, Ивору, в ней места не нашлось. Он даже не успел предложить себя в качестве посредника — да и какой смысл в посреднике, когда условия такие простые и обе стороны всем довольны? Оставалось только одно — всё усложнить. Если он не может встроиться как участник, нужно хотя бы заставить их сомневаться, сделать так, чтобы без него они не обошлись.

— Послушай, Корбин, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал заботливо, а не враждебно. — Тебе не кажется по-

дозрительным, что маг ходит по городу с готовым контрактом в кармане и предлагает сразу хорошие условия? Не хочешь узнать, почему он выбрал именно тебя? Работодатель обычно думает о себе в первую очередь, а тут всё наоборот — невероятная забота о работнике. Как это понимать?

Корбин задумался. Он перевёл взгляд на Феликса, потом снова на Ивора.

— Вообще-то мои родители наверняка спросят меня о чём-то таком, — сказал он. — И мне будет неловко перед ними, если я не смогу ответить.

В ответ послышался тяжёлый вздох Феликса. Возражать он не стал — предвидел этот вопрос и заранее решил, что лучше ответить прямо сейчас, чем позволить сомнениям разрастись позже.

— Скажите мне вот что, — начал Феликс, глядя на Корбина. — Как вы думаете, можно ли найти человека, который не хочет, чтобы его нашли?

Корбин нахмурился, не понимая, к чему вопрос. Ивор тоже замер, ожидая продолжения.

— У меня давно была теория, что в городе есть носитель экспериментальной магии, — продолжил Феликс. — Я искал его, подозревал многих, в том числе тебя, Корбин. Даже проверял тайно этим же прибором — и он молчал. А потом происшествия прекратились, начальство дало мне другую работу, и поиск носителя стал скорее хобби. Но недавно я вспомнил один разговор с бывшим мэром, и всё встало на

свои места.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Тот самый мэр, который сбежал из города и о котором с тех пор ни слуху ни духу. Он спросил меня, хорошая у этого носителя магия или плохая. Я дежурно ответил, что магия — это неестественный закон природы, она не хорошая и не плохая. Но потом я задумался. Что, если данная магия действует всегда в пользу носителя? Что, если она помогает ему, защищает его? Тогда она могла бы мешать выявить его, если ему выгодно оставаться необнаруженным.

Последовал долгий взгляд в сторону Корбина.

— Таким образом, чтобы определить носителя, достаточно сделать так, чтобы ему было выгодно быть найденным. Поэтому я составил контракт, максимально выгодный для него и защищающий все его права. И как только я это сделал, дело пошло на лад. Нашлись документы, объявились свидетели. Дворецкий бывшего мэра вдруг вспомнил все подробности. Рабочие, которых мэр когда-то нанимал ловить рыбу, пришли с показаниями. Все улики как будто сами потекли мне в руки. Или же то, что раньше мешало расследованию, исчезло. По всем данным носителем оказался ты.

Корбин слушал молча, не перебивая. Ивор тоже молчал, но по другой причине — он отчаянно пытался придумать, что сказать дальше. Маг снова нашёл ответ — на этот раз развёрнутый, обоснованный, с историей и выводами. Крыть было нечем.

Глухое раздражение пополам с бессилием поднималось в груди Ивора. Он снова проигрывал — не в споре, а в самом ходе событий, которые текли мимо него. Ему вспомнилось, как его уволили из местной типографии. Он стоял тогда, глядя на готовый наборный шрифт, и понимал, что что-то не так.

Ему поручили набрать текст для очередного выпуска. Он читал статью, и всё шло хорошо, пока он не наткнулся на двоеточие. Этот знак выбил его из погружения. Он замер и уставился на две точки, одну над другой. Он привык к обычным знакам — к точкам и запятым, — они не мешали, они вели его по тексту. Но двоеточие было другим. Оно заставляло остановиться и думать. Зачем автор вставил этот знак? Хотел подшутить над читателем, испортив ему чтение? Хотел показать, какой он умный, сколько необычных знаков препинания знает и как ловко с ними управляется?

В любом случае, решил тогда Ивор, двоеточие — это вредоносный знак. Оно не ведёт читателя вперёд, а цепляет его, заставляет остановиться и думать о самом знаке, а не о том, что написано. Ивор убрал его из набора. Взял и выкинул. Текст стал гладким, ровным, ничто не цепляло взгляд. Газета выходила в трёх экземплярах — их вывешивали на стендах в разных частях города. Но двоеточие исчезло только в двух из них. Кто-то из читателей заметил разницу и спросил у главного редактора. Редактор сверил экземпляры, нашёл расхождение. Ивора уволили.

Опустив взгляд под ноги, Ивор носком ботинка нарисовал в пыли две точки — одну под другой.

— Вот и Корбин, — пробормотал он себе под нос, глядя на эти точки, — то же самое двоеточие.

Зачем он нужен? Он только всё портит. На нём запинаешься, и дело не идёт дальше. Он полностью переманил на себя внимание мага, а таланта в нём вообще никакого. Талант — вот он, стоит тут, в пыли, и рисует точки носком ботинка. Но этого, конечно, никто не замечает.

Он поднял глаза на Корбина, потом на Феликса.

— А не испортит ли ваши опыты то, что контракт составлен в пользу Корбина? — спросил он уже громче. — Все безопасные опыты закончатся, опасные начинать нельзя — и конец всему предприятию. Что тогда?

Уже намеревавшийся уходить, маг вдруг остановился.

— Возможно, это и проблема, — признал он. — Но при чём тут продавец мухоморов?

Ивор помолчал. Он чувствовал, что сейчас нужно говорить очень точно, иначе его снова отошлют.

— При том, — сказал он наконец, выпрямляясь, — что у меня есть идея. Одна. Безопасный и при этом интересный опыт, до которого маги сами не додумались. Я готов рассказать. Но не даром.

Маг ответил прищуренным, оценивающим взглядом. Предложение явно застало его врасплох, но он не спешил отмахиваться. Идея оказалась на удивление дельной, и маг,

как человек науки, не мог проигнорировать даже маловероятную возможность получить полезную информацию.

— Если идея действительно стоящая, — сказал он медленно, — и это опыт, до которого мы сами не догадались, тогда мы за него заплатим.

Это был его шанс, понял Ивор и, пожалуй, последний.

— Мне нужно немного денег на подготовку, — заговорил он быстро, пока маг не передумал. — И кое-какие небольшие полномочия. Дайте мне это, и я подготовлю опыт — самый интересный и безопасный, какой вы только видели.

Корбин, стоявший рядом, перевёл глаза с Ивора на Феликса.

— Мне не хочется прогонять человека, который хочет помочь, — сказал он. — Если у него есть идея, пусть попробует.

Некоторое время маг молчал, затем коротко кивнул.

— Я позабочусь об этом. У меня с собой нет ни бумаги, ни письменных принадлежностей, и деньги я ношу только для своих нужд. Но я распоряжусь, чтобы тебе выдали необходимую сумму и подтвердили полномочия.

Ивор выдохнул. Это была не победа, но и не поражение. Он получил то, что просил — не деньги здесь и сейчас, но обещание и возможность. Теперь всё зависело от него самого.

Прощание было коротким — один кивок Корбину, и маг вышел из переулка, не глядя на Ивора. Корбин ещё мгнове-

ние постоял, потом тоже направился к выходу, оставив Ивора одного. Тот остался стоять посреди переулка, глядя на две пыльные точки у своих ног.

«Посмотрим ещё, кто из нас двоеточие», — подумал он и усмехнулся.

Прошло несколько дней. Корбин шёл по городу по своим делам, когда заметил необычное скопление людей у одного из городских стендов — тех самых, на которых раз в неделю вывешивали газеты. Толпа была довольно большой для утреннего времени, человек тридцать, не меньше. Люди что-то бурно обсуждали, перебивая друг друга, тыкали пальцами в листок, приклеенный поверх газетного листа. Корбин замедлил шаг и подошёл ближе. Ему стало любопытно, что могло вызвать такой ажиотаж.

Протолкавшись через толпу, он увидел листовку. Она была написана от руки, но аккуратно, крупными буквами, чтобы читалось издалека. Текст гласил — «В нашем городе маг отыскал невероятный талант, имя ему Корбин. Готовы продемонстрировать всем жителям череду опытов в зале собраний. Вход — всего несколько монет».

Корбин прочитал это раз, потом второй. Он почувствовал, как к лицу приливает жар, а в груди разрастаются растерянность и неловкость. Люди вокруг начали оглядываться, кто-то узнал его и толкнул соседа локтем.

— Это он, что ли? — спросил один из зевак.

— Да вроде похож, — ответил другой. — А что в нём та-

кого талантливого-то?

Толпа стала напирать, люди поворачивались к Корбину, разглядывали его в упор, словно пытались найти в нём что-то особенное. Корбин стоял, не зная, куда девать руки. Он не ожидал такого внимания. Теоретически происходящее ему не вредило, но чувствовал он себя при этом отвратительно. Ивор не обсудил с ним эту затею, не спросил разрешения, не предупредил. А ведь Корбин заступался за него перед Феликсом, просил мага дать ему шанс, и теперь выходило, что этот шанс Ивор использовал вот так — за его спиной.

«Мог бы хотя бы сказать», — подумал Корбин. Но теперь уже ничего нельзя было изменить. Листовки висели по всему городу, толпа гудела, и оправдываться или объяснять что-то было поздно.

Феликс вышел из обменного центра и зашагал вдоль площади. Он замедлил шаг. У второго стенда толпились люди — жестикулировали, перебивали один другого, тыкали пальцами в листок, приклеенный к газете. Феликс не мог припомнить, когда в последний раз видел в городе такое оживление. Спорили, толкались, кто-то даже смеялся — как будто случилось что-то, о чём невозможно молчать. Он подошёл ближе. Листовка была написана от руки — крупные буквы, размашистый почерк. Феликс прочитал её. Потом перечитал.

«Череда опытов в зале собраний. Вход — несколько монет». Представление. Горожане, судя по их лицам, уже решили, что маг обязан их развлекать. Что он выйдет к ним,

как бродячий фокусник, и будет показывать чудеса под их одобрительное улюлюканье. А он, значит, должен согласиться — потому что кто-то уже пообещал им это от его имени.

Кто-то в толпе обернулся, узнал его, толкнул соседа. Феликс отвернулся.

У проходившего мимо человека маг попросил папиросу. Взял, прикурил. Затянулся. Он не курил уже много лет, но сейчас нужно было занять руки чем-то простым и понятным — чем угодно, лишь бы удержаться на месте и сдержать порыв пойти искать Ивора прямо сейчас.

Потом он покачал головой.

— Вот трепло, — сказал он.

Глава 28

Корбин не сомкнул глаз до самого рассвета. Он лежал в темноте, впиваясь взглядом в потолок, и мысленно прокручивал вопросы, которые собирался задать магу. Всю жизнь с ним происходило нечто странное, и теперь, когда Феликс сам заговорил о магии, наконец забрезжил шанс узнать правду. Корбин ворочался, сбивал одеяло, вскакивал, чтобы напиться воды, и снова падал на подушку — так продолжалось до тех пор, пока сквозь щели ставен не начал сочиться серый, предрассветный свет.

Он знал, что Гарольд и Мира — его приёмные родители. Они признались в этом не так давно, когда он подрос и начал задавать слишком много неудобных вопросов. Тот вечер они провели у печи: Мира, то и дело сбиваясь, рассказала о незнакомце по имени Рион, который принёс его в город. Спустя всего несколько часов Рион умер. Вейлы долго скрывали правду, боясь, что прошлое настигнет мальчика, что магами или кем-то ещё заинтересуются власти. Они пытались навести справки о Рионе, но выяснили лишь, что местные маги отзываются о нём и других беглецах из Башни с неприязнью. Сам же Рион, пока был жив, успел сказать только одно: настоящие родители Корбина погибли во время какого-то эксперимента в лесу. Ни имён, ни координат, ни подробностей. Узнав это, Корбин дал себе слово: он найдёт

то место и похоронит их, даже если это потребует всей его жизни.

Утром, переступив порог дома, он ощущал назойливый гул в голове от недосыпа, но заставил себя держать спину прямо, а шаг — ровным. Холодный ветер норовил забраться под воротник, и парень глубже утопил руки в карманы. До базы магов от дома Вейлов, где он прожил последние двенадцать лет, было рукой подать — минут пятнадцать неспешным шагом. Корбин давно привык к этому городу, к его пряным запахам и размеренному, почти сонному ритму, но сегодняшнее утро казалось другим.

Во внутреннем кармане оттягивал ткань сложенный в несколько раз контракт. Вчера он перечитал его трижды. Буквы были ясны, но душа всё равно чувствовала подвох. Работа в магическом исследовательском центре, должность «испытуемого» — странное, почти клиническое слово для того, кто будет участвовать в опытах. «Безопасных», как неоднократно подчеркнул Феликс. Корбин не боялся, но сквозь внешнее спокойствие пробивалось острое любопытство. Речь шла не о байках из таверн, а о настоящей магии — о той, которой управляют люди с хитрыми приборами и светящимися кристаллами.

Но было и другое чувство — более глубокое, для которого он пока немог подобрать слова. Корбин давно подозревал, что мир вокруг него изгибается по неведомым законам. Любые игры выигрывались им без малейшего усилия, поте-

рянные вещи словно сами выплывали из небытия, опасности обходили стороной, а удача подстраивала реальность под его нужды. Сначала он называл это простым везением, но со временем понял: всё слишком идеально. Слишком предсказуемо. Случайность так не работает. Себя он считал совершенно обычным парнем — выходило, это просто окружающим хронически не везло. Однако Феликс ещё при первой встрече расставил всё по местам: магия есть именно у Корбина. И теперь парень жаждал докопаться до сути. Что именно дарит ему эту удачу? Если это не классическая магия, то чем она отличается? Эта сила жила в нём столько, сколько он себя помнил, и он имел право знать её природу.

Ко всему прочему, добавилась недавняя выходка Ивора. Тот расклеил по городу листовки, и теперь на каждом углу судачили о том, что с Корбином «что-то не так». Впрочем, город, вероятно, догадывался об этом и раньше. Корбин не знал, как к этому относиться. С одной стороны, внезапное внимание тяготило. С другой — было чертовски любопытно, что именно покажут испытания. Но он всё ещё сомневался, стоит ли вообще ввязываться в цирк, который затеял Ивор. Может, лучше отказаться? Тем более что после бессонной ночи реакция замедлена, и ошибиться на глазах у толпы — проще простого.

База магов примостилась на самом краю города. Укреплённая массивными каменными плитами, она выглядела сурово и аскетично: ни украшений, ни вывесок — лишь глад-

кий серый камень и прорези узких окон. Корбин навалился на тяжёлую дверь. Внутри воздух был сухим и пах травами, озонированным металлом и едва уловимой сладостью, похожей на запах грозы. В коридорах стояла тишина, которую нарушал лишь ровный, низкочастотный гул — словно где-то в недрах здания билось механическое сердце. Корбин бывал здесь впервые и на мгновение замер, оценивающе оглядываясь.

Почти тут же к нему скользнул работник базы в странной, лишённой фасонов униформе насыщенно-синего цвета. Парень молча протянул контракт. Работник бегло скользнул взглядом по печати и кивнул. В руки Корбину была вложена небольшая картонная карточка, покрытая слоем какого-то гладкого, похожего на стекло материала.

— Пропуск, — коротко бросил он. — Ходить только по коридорам с жёлтой разметкой на полу. Остальное — закрытые зоны. Не дожидаясь вопросов, провожатый развернулся и повёл гостя к кабинету Феликса, который, к счастью, оказался в разрешённой зоне.

Дверь была слегка приоткрыта. Корбин постучал в косяк.

— Входите, — раздался спокойный голос изнутри.

Кабинет утонул в бумагах. На массивном столе громоздились раскрытые фолианты, чертежи и странные приборы с мерцающими индикаторами. Феликс что-то быстро строчил, но, подняв глаза на посетителя, тут же отложил перо и поднялся навстречу. Выглядел он точно так же, как во время их

первой встречи на рынке: опрятный, подтянутый, с холодным, анализирующим взглядом, который сейчас, впрочем, слегка потеплел.

— Корбин. — Маг чуть заметно кивнул. — Рад, что ты пришёл. Садись.

Корбин опустился на стул напротив и выложил контракт на стол, тщательно разгладив сгибы ладонью.

— Я всё обдумал, — произнёс он ровно, выдерживая паузу, чтобы собрать мысли в кулак. — Контракт мне ясен. Я принимаю условия.

Феликс взял лист, пробежал глазами по тексту — скорее по привычке, чем из недоверия, — и удовлетворённо кивнул.

— Отлично. Тогда закрепим. Он придвинул ближе тяжёлую чернильницу. Корбин взял перо и вывел подпись внизу страницы — чёткую, аккуратную, ровно такую, какой его учила Мира. Феликс расписался рядом, приложил к бумаге печать гильдии и убрал свой экземпляр в потайной ящик стола. Второй он протянул Корбину.

— Твоя копия. Береги, хотя, зная твою... особенность, сомневаюсь, что ты сможешь её потерять.

Корбин сложил плотный лист и спрятал во внутренний карман. Бумага вдруг показалась неестественно тяжёлой. Помолчав, он решился. Если не спросить сейчас, вся эта церемония — подпись, контракт — потеряет смысл. Он пришёл сюда не ради бумаги.

— Феликс, — голос предательски дрогнул, и Корбин на

мгновение отвёл взгляд. — Я хочу спросить кое-что ещё. Не про работу, а про меня лично. Ты можешь уделить мне время? Это важно.

Маг приподнял брови и отложил перо, всем видом показывая, что теперь он полностью в распоряжении гостя.

— Я насчёт того, что затеял Ивор, — начал Корбин, и голос его окреп. — Мы ведь не обязаны участвовать в этом цирке? Я не спал всю ночь, реакция замедлена. Я могу опозориться на глазах у всей толпы. Может, лучше отменить представление?

Феликс тяжело вздохнул и покачал головой, но в его жестах не было раздражения — лишь усталая снисходительность.

— Отказаться мы можем. И да, всё может пойти не по плану. Но, Корбин, послушай: в этой затее есть научная польза. Магия часто восприимчива к наблюдению — многие эффекты попросту затухают, когда за ними следят сотни глаз. Именно поэтому большинство наших приборов закрыты кожухами. А зал, набитый зрителями, — это идеальная, уникальная возможность проверить, как твоя аномальная удача сопротивляется эффекту обсервации. — Феликс сделал паузу, и в уголках его глаз пляснула лёгкая усмешка. — А то, что ты не спал... Я не был бы учёным, если бы не умел превратить отклонение от нормы в дополнительный фактор эксперимента. Так что мы с удовольствием подыграем Ивору.

Корбин нахмурился, но спорить не стал. В сухих словах

мага сквозила неумолимая логика.

— Хорошо, — протянул он после паузы. — Тогда второй вопрос. И, возможно, он покажется странным, но... я хочу узнать о своих настоящих родителях. Приёмные рассказали, что Рион принёс меня в город, а мои настоящие отец и мать погибли в лесу, во время какого-то эксперимента. Я хочу найти то место и похоронить их. Пусть даже это все. что я смогу для них сделать. Вы не знаете, где это?

Феликс медленно покачал головой. Во взгляде мага на мгновение мелькнуло искреннее сочувствие.

— Корбин, — Феликс помолчал, подбирая выражения. — Я понимаю, почему ты спрашиваешь. Поверь, мы тоже искали точку, откуда пришёл Рион. Безуспешно. Если это место вообще существовало в природе, сейчас оно, скорее всего, поглощено аномальным лесом. У Риона с собой был мемориксс, но устройство оказалось сильно повреждено — восстановить маршрут не удалось.

Корбин подался вперёд, и в его голосе зазвенели настойчивые, почти отчаянные нотки:

— Но ведь должны же быть следы! Как учёные вообще покинули Башню и оказались посреди леса? Лес же аномальный — они не могли выжить там в одиночку, в этом нет никакой логики. Чем они питались? Кто строил им укрытия, кто приносил припасы? Наверняка у них были помощники — проводники, поставщики, кто угодно. Кто-то же должен знать, кто с ними контактировал!

Феликс тяжело вздохнул, и в уголках его глаз на мгновение мелькнуло что-то похожее на уважение к упрямству парня.

— Ты мыслишь в правильном направлении, Корбин. И да, помощники были. — Он чуть подался вперёд, понизив голос, словно даже в пустом кабинете не стоило говорить об этом слишком громко. — Существует корпорация «Зеннат». Они владеют флотом летающих кораблей и отчитываются напрямую Верховному Магу. «Зеннат» имеет право скрывать суть своих контрактов даже от советов магических башен. Скорее всего, именно они помогли беглецам, предоставили судно, прикрытие, снабжение. Но все документы засекречены, а за двадцать лет архивные записи наверняка стёрты. Я не знаю, где это место, Корбин. И, боюсь, никто не знает.

Корбин молчал, глядя на узор деревянных волокон стола. Он надеялся на большее, но маг словно растворил его надежду в воздухе. Ни координат, ни зацепок. Пустота.

— Понятно, — глухо выговорил он. — Тогда третий вопрос. И последний. — Корбин выпрямился, и в его голосе зазвенели твёрдые нотки. — Это самое главное. Про мою магию. Вы сказали, что она скрытая. Что приборы её не фиксируют, что она работает даже когда я сплю. Я хочу понять, что это вообще такое. Откуда она взялась? Как работает? Чем отличается от той магии, которую используете вы?

Феликс снова вздохнул — на этот раз тяжело, как человек, которому до боли знакомы эти вопросы.

— Это сложная тема, Корбин, — произнёс он тише, почти доверительно. — И здесь я тоже бессилен тебе помочь. Устав не позволяет магам разглашать результаты фундаментальных исследований без санкции Совета. Мы можем сообщить тебе только то, что касается непосредственно твоих тестов: состояние здоровья, уровень безопасности, общие цифры. Но природа твоей магии, её происхождение, механизмы работы — это закрытая информация. Гильдия панически боится утечек к конкурирующим башням.

— Значит, я никогда не узнаю, что со мной? — тихо, почти шёпотом спросил Корбин. — Мне заплатят за то, что я буду подопытным кроликом, но то, что вы выясните о сути моей силы, скроют даже от меня самого?

Феликс помедлил. Когда он заговорил снова, в его словах звучало не сухое постановление Гильдии, а личное, почти отцовское признание:

— Я не сказал, что ты *никогда* не узнаешь. Я сказал, что *я* не могу тебе рассказать. Но если будешь внимателен к себе... если научишься задавать правильные вопросы собственному подсознанию — возможно, ты сам придёшь к ответам. Быстрее или медленнее — зависит только от тебя.

Корбин снова замолчал. Он мысленно прокручивал ответы Феликса — про Ивора, про родителей, про магию — и с горечью понимал: в каждом из них был отказ. Не грубый, не злой, но непреклонный. Маг предлагал ему искать ответы самостоятельно, наблюдать, делать выводы. Это было совсем

не то, на что он надеялся. *Неужели всё впустую?*— мелькнула горькая мысль. *Неужели я так и останусь слепым?*

— Хорошо, — выдохнул он наконец, чувствуя, как плечи опускаются от усталости. — Я буду участвовать в испытаниях. Буду смотреть и делать выводы сам.

Феликс одобрительно кивнул, и в его взгляде мелькнуло уважение.

— Мудрое решение. И, Корбин… не волнуйся. Мы не дадим тебя в обиду. Это не гладиаторский бой и не соревнование на выживание. Просто игры, в которых ты покажешь, на что способен. А мы зафиксируем результаты.

Корбин криво усмехнулся уголками губ.

— Я не волнуюсь, — бросил он, хотя голос прозвучал глуше, чем ему хотелось бы. — Просто хочу перестать быть загадкой для самого себя.

Он поднялся и поправил куртку. Контракт во внутреннем кармане теперь казался не просто бумагой, а свинцовой пластиной, тянущей ткань вниз. Взгляд скользнул по кабинету — по горам бумаг, запертым на ключ шкафам, странному прибору в деревянной коробке с медными уголками. Здание, которое утром казалось ему воротами в мир знаний, теперь обнажило свою истинную суть. Это была крепость. Неприступная, холодная, чужая.

— Когда начинаем? — спросил он, стараясь, чтобы голос не выдавал разочарования.

— Сегодня, на закате, в зале собраний. Ивор уже всё со-

гласовал. Вопрос не в нашей подготовке, а в твоем желании испытать себя, возможно, впервые.

— Тогда я приду.

Корбин направился к двери. У порога он остановился, положил руку на холодную латунную ручку и обернулся. Хотел сказать что-то ещё, выпытать хоть какую-то зацепку, но слова застряли в горле. Он смотрел на Феликса и ясно понимал: этот маг, казавшийся всемогущим ключом к разгадке, на самом деле был такой же пленником правил, уставов и приказов, как и все остальные.

— Феликс… — начал он, но тут же махнул рукой. — Неважно. До встречи.

Маг тихо кивнул, и в его глазах промелькнуло что-то очень похожее на понимание и тихую печаль.

— До встречи, Корбин.

Выйдя в коридор, Корбин понял, что внутри него нет ни тревоги, ни страха — лишь тяжёлая, вязкая усталость. Не та, что проходит после доброго сна, а глубокая, оседающая свинцом где-то в районе сердца. Он подписал контракт, но так и не получил ответов. Ивор со своим цирком, Феликс со своими экспериментами, приёмные родители, годами боявшиеся сказать правду, — каждый по-своему держал его в неведении.

На улице его встретило свинцовое утро и резкий, свежий ветер. Корбин жадно вдохнул, чувствуя, как холод заполняет лёгкие, и зашагал прочь от базы, к дому, где его уже навер-

няка ждала Мира с горячим завтраком и привычным ворчанием. Во внутреннем кармане лежал подписанный контракт — тёплый от тела, плотный, настоящий. Но вместо ожидаемого спокойствия внутри разливалась звенящая пустота. Он сделал этот шаг, но он привёл его не к свету, а к новой стене. Вместо ответов — молчание. Вместо правды — запертые двери.

Корбин горько усмехнулся собственным мыслям и ускорил шаг, чтобы согреться. Через три дня начнутся испытания. Он увидит свою магию со стороны, под прицелом чужих глаз и приборов. Но это не отменяло главного: о самом себе он так и не узнал ничего нового. Только то, что его сила — это удача. Что она невидима для приборов. Что она не подчиняется правилам. И что он, Корбин, по-прежнему остаётся для себя главной загадкой — точно такой же, как и вчера.

Глава 29

Корбин вернулся домой, но облегчение не пришло. День прошёл в механической суете. Он работал как в полусне, лишь бы занять руки и не дать мыслям вернуться к контракту. Помогал Мире по хозяйству, таскал воду, чинил с Гарольдом покосившуюся калитку, молча слушал рассуждения Лейтана о побеге в столицу. Тот уже который год работал пастухом и мечтал хоть раз побывать в крупнейшем городе страны, но не мог поехать туда без дела, а дело всё никак не подворачивалось.

Мира, знавшая об испытаниях, порой подолгу и тревожно смотрела на Корбина. В её глазах стоял немой вопрос: не передумал ли он, не поздно ли отступить. Но она молчала, и Корбин был за это бесконечно благодарен, ведь он и сам не знал ответа.

***

К вечеру Уэстенд преобразился. Когда солнце окрасило небо в густые лилово-оранжевые тона, улицы наполнились тем особым предпраздничным гулом, какой бывает только перед большим событием. Люди выносили во дворы плетёные стулья, сажали детей на плечи — каждому хотелось своими глазами увидеть то, о чём весь день шептались у колодцев. Торговцы, почуявшие лёгкую прибыль, уже расставляли лотки у входа в зал собраний. В воздухе висел запах жарено-

го лука, свежего хлеба и дешёвого табака.

Зал собраний, стоявший в центре площади, обрамлённой старыми липами, выглядел непривычно нарядно. Ивор накануне развесил по стенам бумажные фонарики, дешёвые, помятые, но в сумерках они делали обычное деревянное здание уютным и манящим. У входа красовалась наспех сколоченная касса, двое нанятых помощников продавали билеты и жадно поглядывали на собравшихся.

Сам Ивор появился за час до начала, нарочно выждав, чтобы никто не заметил его волнения. Одетый в лучшую тёмно-зелёную куртку с медными пуговицами, он обошёл зал, принимая реквизит — стол для карт, мишени для ножей, столик Феликса с блокнотом, мешочки с монетами. Проверив, что всё готово, он вышел на крыльцо. Площадь чернела от людей — мужчины после смены, женщины в платках, старики, помнившие прежние городские чудеса, шумная детвора. Ивор узнавал лица: кузнеца, жену мясника, типографских подмастерьев.

«Пришли посмеяться, — подумал он, улыбаясь. — Они всегда такие. Смеются, пока своими глазами не увидят». Всю жизнь ему твердили, что он никчемный, а его идеи — бред. Но он-то знал, что умнее, просто они не доросли. Он бросил учёбу в лавке, потому что хозяин не понимал его гениальных замыслов. Ушёл из газеты, потому что редактор был слишком туп, чтобы понять его статьи. Зачем учиться ремеслу, если идеи приходят сами собой? Сегодня он докажет это раз

и навсегда.

А этот мальчишка слишком много из себя строит — ходит с таким видом, будто и вправду особенный. Напускная важность, не больше. Если на него и обратили внимание — так только потому, что он подвернулся под руку, а вовсе не потому, что заслужил. И вот тут-то Ивор и покажет всем правду. Не магу, не гильдии — зрителям. Именно они, эти самые люди, что сейчас усмехаются в зале, должны увидеть, кто здесь настоящий. Кто видит насквозь, кто не даёт себя одурачить, кто способен раскрыть глаза другим. Пусть они уйдут отсюда с пониманием, что Корбин — обычный парень, которому просто повезло попасть в поле зрения гильдии, а вот Ивор — тот, кто видит вещи такими, какие они есть. Вот в чём его дар, и сегодня они это признают.

Вернувшись внутрь, он проверил лампы. Подбежал помощник, рыжий веснушчатый парень, и выпалил:

— Билеты почти разобрали, осталась дюжина!

Ивор довольно кивнул, не отрывая взгляда от зала:

— План прост. Первым выхожу я и разогреваю публику. Маг сидит сбоку и записывает. Корбин — на сцене. Всё как по маслу.

— А что именно будет делать этот Корбин или как его? — с любопытством спросил парень.

Ивор хмыкнул, покровительственно глянув на парня:

— Да ничего он не покажет. Маг выбрал его только потому, что тот первым попался под руку. Никакого дара у него

нет — обычный мальчишка, которому просто повезло оказаться в нужном месте. Сегодня я всем это докажу.

Оставшись в зале один, Ивор провёл ладонью по гладкой столешнице. «Я сам это организовал. Завтра весь город будет говорить не о маге и не о везучем парне из Уэстенда, а обо мне. О том, что я, вполне возможно, настоящий гений, и что мой талант наконец получит признание».

***

К семи вечера зал был переполнен. Шум стоял такой, что, казалось, гудели сами стены. Спорили о магии, вспоминали ярмарочных шарлатанов, гадали, бывает ли у обычного парня настоящее волшебство. Корбин, как и договаривались, проник через чёрный ход незадолго до начала и встал за кулисами. Ему открывался вид на сцену, скамьи и лица зрителей, омытые тёплым светом масляных ламп. Внутри разлилось странное, почти ватное спокойствие — страх уже выдохся. Он просто ждал, как ждут начала тяжёлой смены, без тревоги и без надежды.

Феликс уже сидел за своим столиком. Раскрытый блокнот и перо были готовы фиксировать не только сухие результаты, но и то, как они рождались.

***

Когда гул утих, Ивор понял, что теперь слово за магом. Гильдия была главной приманкой вечера, именно Феликс должен был придать происходящему официальный статус. Ивор пригласил мага широким жестом и отошёл к краю сце-

ны.

Феликс поднялся из-за столика, поправил воротник и вышел на середину сцены. В нём не было ничего от балаганщика — осанка, сдержанные движения, холодный взгляд, всё выдавало учёного. Он выждал, пока зал затихнет, и заговорил сухо и весомо:

— Прошу внимания. Я — Феликс, представитель гильдии магов. Сегодняшнее мероприятие — официальное. Это эксперимент, а не балаган. Правила просты. Мы проведем три игры. Каждый желающий может бросить вызов Корбину. На его стороне — удача. На вашей стороне — количество. Вы можете пробовать снова и снова, сколько захотите. Все деньги и дополнительная награда от гильдии магов достаются тому, кто обыграет его хотя бы в одном испытании. Если таких будет несколько — они разделят приз между собой. Если никто его не победит, приз остаётся у Корбина.

По залу прокатился гул — азарт, жадность, задорная готовность рискнуть.

— Пусть наши попробуют! — крикнул кто-то.

— Маг зря выбрал мальчишку! — заметил другой.

— Деньги должны остаться в городе! — добавил третий.

Феликс поднял ладонь, и жест был настолько властным, что крики оборвались на полуслове.

— Сразу предупреждаю: я обязуюсь не пускать в ход свою магию. Ни я, ни гильдия не будем помогать Корбину. Весь реквизит обычный, его можно проверить перед каждой иг-

рой — ножи, карты, монеты, всё самое простое. Корбин жил с вами в этом городе, он не обучался магии, он обычный парень. Но удача на его стороне — посмотрим, сможет ли ваше количество и мастерство перевесить его удачу.

Из задних рядов раздался чей-то голос, не хитрый, а скорее растерянный:

— А в нём что-то есть? Он правда... особенный?

Раздался смех, но Феликс ответил спокойно, почти сухо:

— Вопрос справедливый. Корбин играет как есть. Можете убедиться сами, проверив всё, что пожелаете. Никакой магии с моей стороны я не допущу — но и то, что в нём что-то есть, отрицать не стану.

Его спокойствие, ровное и почти ледяное, заставило зал притихнуть. Коротко бросив «Удачи», маг вернулся к столику, взял перо и раскрыл блокнот. Повисла настороженная тишина, в которой слышно было, как потрескивают фитили ламп. Ивор выждал несколько секунд, давая людям осмыслить услышанное, затем шагнул вперёд, чувствуя, как власть над толпой вновь переходит к нему. Он широко улыбнулся:

— Разговоры кончены! Первое испытание — метание ножей! Кто смелый? Победителя ждут не только деньги, но и слава на весь Уэстенд! Проверьте свою удачу против нашего Корбина, может, именно вы сумеете его обыграть?

— Правила просты, — продолжил он. — Каждый бросает по десять ножей за попытку. Мишеней несколько, и все они одинаковые, с разметкой: чем ближе нож ляжет к центру, тем

больше очков. У Корбина одна попытка, один заход. У вас, зрители, сколько угодно, в разумных пределах, конечно. Победит тот, кто наберёт больше всех очков.

Не успел он выкрикнуть «слава», как скамьи задвигались. Ивор подмигнул Корбину, но тот лишь чуть усмехнулся. «Не боится. Даже не старается понравиться, — с лёгким раздражением подумал Ивор. — Ладно, это моя стихия. Скоро он увидит, кто здесь хозяин».

Из зала нашлись двое мужчин плотного телосложения.

— Прошу! — Ивор пригласил их на сцену. — Чем больше участников, тем интереснее!

Феликс записал что-то в блокноте, поднял голову и посмотрел на мишени, ножи и Корбина. Взгляд был внимательным и абсолютно невозмутимым. Корбин отошёл к дальнему краю сцены, где на столике лежали ножи. Взял один, лениво проверил на вес, обычный, без украшений, с чёрной рукоятью. Повернулся к одной из мишеней. Зал затих, смех стих, люди подались вперёд. Даже те, кто пришёл просто посмеяться, вдруг нутром почувствовали, что сейчас начнётся что-то по-настоящему. Ивор заметил, как зрители невольно сжимают кулаки, как женщины перестали шептаться. Убедившись, что Корбин готов, он коротко кивнул:

— Первый бросок — Корбин. Внимание!

Корбин встал чуть боком к мишени, держа нож как обычный молоток. Его мишень стояла в десяти шагах. Лампы освещали лезвие, выхватывая из полумрака короткие блики.

Он поднял руку. В зале не было слышно ни звука. Корбин не думал о броске, рука, казалось, сама знала, что делать. Движение было плавным, почти ленивым. Нож мелькнул в воздухе и с глухим стуком вонзился в мишень, ровно между центром и средним кольцом. Попадание вышло не идеальным, но уверенным и принесло два очка. Никто не усомнился в силе броска.

Остальные девять бросков Корбин сделал так же спокойно, без видимого напряжения. Четыре ножа легли в центральный круг, три — в среднее кольцо, один — в край, а два и вовсе упали на пол. По залу прокатился сдержанный гул: двадцать три очка из сорока возможных выглядело неплохо.

На секунду зал замер, затем раздались жидкие, не слишком восторженные хлопки.

— Я и сам так могу! — крикнул кто-то с галёрки.

Несколько голосов подхватили шутку, зал расслабился, ведь один удачный бросок ещё ничего не значил, каждый подумал, что справился бы не хуже.

«Первый успех Корбина — скорее всего, случайность», — подумал Ивор и бодро объявил:

— Отлично! Теперь наши участники. Прошу!

Первым вышел плотный мужчина с татуировкой на предплечье. Под одобрительный гул друзей он взял нож, прицелился и метнул с явным напряжением. Нож с глухим стуком вонзился почти в центр мишени — всего в паре сантиметров от яблочка. В зале раздались одобрительные возгла-

сы. «Неплохо, — подумал Ивор. — Следующий бросок будет ещё лучше». И действительно, мужчина схватил второй нож и без лишней задержки отправил его точно в десятку. Зал взорвался аплодисментами. Ивор довольно улыбнулся, следя лишь за тем, чтобы каждый нож достигал мишени. Он не вникал в зоны попаданий, а лишь слушал звонкое втыкание лезвия в дерево.

Все десять бросков мужчины достигли цели — ни одного срыва, ни одного падения на пол. Ивор краем глаза заметил, что у Корбина один нож всё-таки упал, и окончательно утвердился в мысли: этот татуированный парень легко обойдёт Корбина. Однако, когда судьи подсчитали очки, оказалось, что, несмотря на обилие попаданий, мужчина часто клал ножи в крайнюю зону, и лишь трижды — в центр, так что его результат составил двадцать одно очко против двадцати трёх у Корбина. Ивор мысленно махнул рукой: «Всего-то три очка, это почти ничто».

Второй участник, седовласый старик с мозолистыми руками, метнул увереннее — его первый нож тоже лёг вблизи центра, а второй чётко попал в яблочко. Зал одобрительно загудел. Ивор решил, что старик сейчас догонит Корбина, ведь он тоже не промахивался ни разу. Но старик, хоть и не знал промахов, большую часть бросков отправлял в край, изредка в среднее кольцо. Ивор замечал лишь то, что ножи не падают, и радовался каждому звуку удара. Когда же объявили итог — всего шестнадцать очков, — Ивор удивился, но

быстро успокоил себя: «Это случайность, основной соперник — тот, первый, у него почти столько же, сколько у Корбина». Память услужливо отсеивала неудачи, оставляя лишь удачные моменты соперников.

Участники выходили один за другим. Кто-то бросал лучше, кто-то хуже, злился, смеялся, жаловался на неудобные рукоятки. Зрители громко приветствовали любое попадание, не вникая, сколько очков оно даёт, а промахи Корбина запоминали дольше, чем его точные броски в центр. Ивор чувствовал это и радовался, ему казалось, что толпа видит то же, что и он.

Вдруг из зала донёсся голос:

— А почему у всех участников так плохо? Это не случайно?

— Может, он правда видит, куда нож ляжет? — предположил другой.

Общий шум заглушил разговор, и Ивор, хоть и услышал его, лишь отмахнулся.

Когда участники закончили, Ивор подошёл к мишени, вытащил ножи и начал пересчитывать очки. Он делал это с лёгкой улыбкой, уверенный, что память его не подведёт, ведь он видел, как Корбин промахивался. Но с каждым вытащенным ножом уверенность таяла. Улыбка сползла с лица, брови нахмурились. Результат Корбина был намного лучше. Ивор пересчитал дважды, но цифры не желали меняться: двадцать три очка у Корбина, и лишь двенадцать очков набрали все

участники вместе. Он посмотрел на Феликса, тот записывал ровно, без удивления и торжества. Просто вёл записи.

«Просто рука твёрдая. Повезло, — заставил себя поверить Ивор, отгоняя неприятное ощущение. — Следующее испытание всё расставит по местам. Не может быть, чтобы он был лучше. Я бы заметил, если бы в нём правда было что-то необычное. У меня чутьё на таких людей... или нет?» Последняя мысль задела его, но он тут же подавил её. Нельзя сомневаться, сомнение разрушило бы весь образ непревзойдённого гения.

Он взял себя в руки и объявил, стараясь, чтобы голос звучал бодро:

— Первое испытание закончено! Корбин показывает лучший результат. Но не расстраивайтесь, впереди ещё две игры, и тот, кто сумеет его обыграть, получит все деньги!

Толпа загудела, подхватывая его слова. Деньги ещё не потеряны, метание ножей — дело случая, а вот угадывание карт и испытание с монетами покажут правду.

Проходя мимо Корбина, Ивор тихо бросил:

— Хорошо начал. Но дальше будет сложнее. Одной удачей не обойдёшься.

Корбин пожал плечами, посмотрел на свои руки, будто проверяя, не дрожат ли они, и тихо отозвался:

— Увидим.

Ивор кивнул и повернулся к залу:

— Готовимся ко второму испытанию — угадывание карт!

После бросков ножей у Ивора осталось неприятное чувство сомнения, но угадывание карт — другое дело, считал он. Здесь не нужно ни силы, ни ловкости, только случай. *«В первом раунде эти горе-метатели всё испортили своей неуклюжестью, — подумал Ивор. — Но в картах у них не будет оправданий. Корбину просто повезло с ножами, а здесь удача одинакова для всех, и мои зрители смогут его обыграть».*

— Правила такие, — начал он, обращаясь к залу. — Четыре масти, но угадывать будем только цвет: красный или чёрный. Пламя и Солнце — красные, Река и Тень — чёрные. Двадцать карт на каждого. Вы называете цвет, я переворачиваю карту. Угадал больше всех — победил. Никакой ловкости, только чутьё и удача.

Зал оживился, потому что карты были понятнее ножей, каждый хоть раз держал их в руках.

— Вот тут всё и решится, — шепнул кто-то.

— А если он просто угадывает? — крикнули с галёрки.

Ивор не обратил внимания на выкрик, сосредоточившись на Корбине. Тот подошёл к столу и сел, спокойно, без азарта.

— Можно начинать?

Ивор начал подавать карты по одной, рубашкой вверх. Корбин, едва взглянув на каждую, негромко называл цвет. Первые четыре — без колебаний: «красная, чёрная, чёрная, красная». Ивор переворачивал их, молча кивая — верно. Пятая, шестая, седьмая — снова точь-в-точь. Иногда он задерживался на секунду, иногда ошибался, но редко. К концу

счёта — четырнадцать угаданных из двадцати.

Ивор посмотрел на результат и нахмурился. «Четырнадцать — это не так уж много, — подумал он. — Любой мог бы угадать столько же, если бы просто сосредоточился». Он шагнул к столу, взял колоду и громко объявил:

— Ничего сложного, сейчас я покажу, как это делается. Я сам вытяну несколько карт, и вы увидите, что это чистая случайность.

Он перетасовал карты, вытянул верхнюю, взглянул на рубашку и уверенно сказал:

— Красная.

Перевернул — чёрная. Зал засмеялся. Ивор поморщился, вытянул следующую:

— Чёрная.

Оказалась красная. Смех усилился. Он продолжал — третья, четвёртая, пятая, шестая, седьмая — и каждый раз называл цвет, противоположный тому, что выпадал. Семь карт подряд, ни одной верной догадки. В зале воцарилось недоумение, смешки сменились тишиной. Кто-то прошептал: «Это же хуже, чем наугад». Ивор почувствовал, как кровь приливает к щекам, но взял себя в руки, усмехнулся и бросил колоду на стол:

— Просто неудачная серия. Такое бывает. Теперь ваша очередь, господа! Покажите, как надо!

Он отступил в сторону, чувствуя на себе десятки удивлённых взглядов. Его собственный провал вызвал больше во-

просов, чем успех Корбина.

— Кто следующий? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Из задних рядов поднялся мужчина в очках с металлической оправой. Выходя на сцену, он сказал:

— Хочу попробовать. Мне всегда везло с картами, честно, без всякой магии.

Ивор подал ему карты. Мужчина называл цвета медленно, щурился, будто пытался разглядеть рубашку насквозь, облизывал губы, иногда поднимал глаза к потолку, словно искал там ответ. Итог — восемь из двадцати. Он недовольно хмыкнул и вернулся на место. Друзья попытались засмеяться, но смех получился коротким и нервным. Каждый уже чувствовал, что с удачей здесь что-то не так.

Следом вышли молодая женщина, угадавшая семь из двадцати, пожилой мужчина с тростью, угадавший девять, подросток, угадавший шесть. Все результаты оказались ниже случайных, и стабильно, словно кто-то намеренно сбивал их с толку, заставляя ошибаться. В зале это заметили.

— Почему все так плохо угадывают? Это ненормально...

— Может, он правда чувствует карты?

Ивор смотрел на результаты, и внутри у него всё сжималось. У всех участников результат ниже случайного, стабильно. А он... он ведь просто подавал карты. «Почему они все ошибаются, а он — нет? Что в нём такого, чего нет в других?» — пытался он понять. Перевёл взгляд на Корбина, тот

вертел карты в руках без особого интереса. Феликс записывал, перо быстро скользило по бумаге. Потом маг поднял глаза, посмотрел на Корбина дольше обычного и снова опустил взгляд.

Среди зрителей нашёлся пожилой мужчина, который повидал виды на ярмарочных представлениях. Он подозревал, что колода может быть помечена, и решил проверить её. Он достал из кармана небольшой прибор для отслеживания магических следов, латунную коробочку с медными уголками, какие носили на ярмарках, чтобы ловить шулеров, и подошёл к сцене. Поднёс прибор к колоде — молчание. К рукам Корбина — молчание. Вдоль куртки, карманов, стола — ничего. Он громко объявил:

— Всё чисто! Никаких следов магии, никаких уловок. Но... что-то в нём есть. Прибор этого не видит.

По залу прошёл короткий шум, кто-то вздохнул с облегчением, кто-то нахмурился.

— Тогда как он угадывает?

Феликс поднял голову и ответил ровно, без пояснений:

— Я же говорил, реквизит обычный. Как он это делает — его дело. Продолжайте.

И снова уткнулся в блокнот. Короткий ответ не убедил толпу, но никто не решился спорить.

Ивор смотрел на результаты, и внутри у него всё сжималось. У всех участников результат ниже случайного, стабильно. А Корбин — выше. «Почему моя память рисовала совсем

другую картину? — подумал он. — Я же видел, как он ошибался, а они почти выигрывали… Но цифры говорят обратное». И тут его осенило: он всегда так жил. Он привык считать свои успехи грандиозными, а чужие достижения — случайными или ничтожными. Когда он бросал лавку, он убедил себя, что хозяин просто не дорос до его гениальных идей; когда уходил из газеты — что редактор слишком туп, чтобы оценить его идейные находки. Он не слушал возражений, потому что заранее решил, что прав, а другие ошибаются. И его внутренний искаженный подсчет своих успехов и чужих провалов был тому доказательством.

Он ссорился со всеми, кто пытался его образумить, потому что считал себя единственным ясновидящим в мире глупцов. Но теперь, глядя на сухие цифры, он впервые заподозрил, что вся его жизнь — это цепь самообманов. Он не был гением, он просто не умел смотреть на вещи трезво. Все эти годы он возводил себя на пьедестал, но основание было сложено из его же иллюзий. А что, если он всегда ошибался, всегда переоценивал себя и недооценивал других? Мысль была страшной, потому что рушила всё, во что он верил. Он судорожно отогнал её — ведь если признать это, то кто он тогда? Но она уже пустила корни, и избавиться от неё будет не так просто.

Стараясь подавить нарастающую тревогу, Ивор бодро объявил:

— Третье испытание — броски монет. Финальное. Самое

честное — орёл или решка. Тут уж ни талант, ни чутьё не помогут — только случай!

Зал оживился, потому что испытание с монетками казалось честным, пятьдесят на пятьдесят, тут никакие хитрости не помогут. Но где-то глубоко внутри, в самом тёмном углу сознания, Ивор уже чувствовал липкий страх — а вдруг и это испытание покажет не то, чего он хочет.

Глава 30

На сцену выкатили небольшой столик. Ивор развязал тесёмки мешка, и сотня серебряных кругляшей высыпалась на дерево — короткий чистый звон разрезал гул зала.

— Всё просто, — объявил он правила. — Каждый из вас, как и Корбин, сделает сто бросков. Нужно выбросить больше орлов, чем у него. Победитель забирает всё. Только случай, ничего больше.

Он почти верил в свои слова, но внутри уже шевелился липкий страх.

Корбин подошёл к столу, взял первую монету, подбросил, поймал, прижал к тыльной стороне ладони, открыл. Первый бросок — орёл. Второй — снова орёл. Третий — опять орёл. Четвёртый лёг решкой, пятый — орлом. К концу сотни — семьдесят два орла из ста.

Ивор посмотрел на цифры, и по спине прошёл холод. Он попытался убедить себя, что это просто полоса везения, что такие серии случаются, что завтра всё изменится. Он стал судорожно перебирать в памяти моменты, когда Корбин ошибался — вот нож отскочил от края мишени и с глухим стуком упал на пол; вот он назвал три цвета карт подряд неверно, и в зале послышались смешки. Ивор уцепился за эти картинки, как за спасательный круг, но тут же понял — его мозг опять пытается выдать желаемое за действительное. Не видя

неудачи Корбина сейчас, он попросту начал вспоминать его промахи из прошлых испытаний. Хоть они и не привели к поражению нового любимца магов. Его память снова лжёт ему, отсеивая неудобные факты и оставляя лишь те, что подтверждают его иллюзию. Но цифры лежали ровными аккуратными столбцами, и отмахнуться от них не получалось.

Первым вызвался мужчина с красным, словно варёным, лицом только что проигравшийся в карты. Его задачей было, как и у остальных, сделать сто бросков. Но стоило монете впервые взлететь с лихим щелчком, как он вошёл в раж. Он ловил её, шлёпая на ладонь — при орле довольно ухмылялся, а при решке хохотал так заразительно, что зал начал подхихикивать в такт. Ивор пытался держать в голове точный счёт, но быстро отвлёкся.

Мужчина получал от игры такое искреннее удовольствие, что за этим хотелось просто наблюдать. Очередная серия орлов заставила его вскинуть руки, будто он уже сорвал джекпот. Зал зааплодировал — не удаче, а его неподдельному восторгу. Ивор перестал считать. Ему казалось, что этот счастливчик уже почти догнал Корбина. Когда серия закончилась, игрок с громким «Уф!» выдохнул и обернулся к залу, сияя от счастья. Ивор машинально вывел итог — сорок два орла. Пятьдесят восемь решек. Разгромное поражение. Но, глядя на широкую улыбку проигравшего, Ивор понял — этот человек и не думал расстраиваться.

Следом вышла женщина в платке — тридцать девять ор-

лов. За ней пожилой мужчина с тростью показал сорок один. Молодой парень выбросил сорок три. Ивор переводил взгляд с одного на другого, и внутри нарастала тревога — это уже не случайность.

Зал менялся, и это ощущалось физически — смех становился короче, ставки стихали, люди всё реже поглядывали на мешок с деньгами и всё чаще — на Корбина.

Корбин стоял у края сцены и зевнул.

— Что-то я подустал. Долго ещё? — тихо спросил он Феликса. — Прошлую ночь не спал, теперь уже второй день на ногах. С трудом соображаю, что происходит. Зря мы всё это затеяли. Хочу одного — лечь и уснуть.

Феликс поднял голову, и в его взгляде мелькнул профессиональный интерес.

— Настолько устал, что с трудом понимаешь происходящее?

— Да. Почти не соображаю. Кажется, сейчас вырублюсь.

Феликс задумался на мгновение.

— Если хочешь, вздремни за сценой, — предложил он. — Мне интересно посмотреть, как изменятся результаты, если ты не будешь участвовать сознательно. Участники продолжат бросать без тебя. Условия те же — если кто-то выбросит больше твоих семидесяти двух — он победил. Если нет — деньги твои.

— Хорошо. Позовите, когда закончится, — с облегчением кивнул Корбин.

Он развернулся и ушёл за кулисы. Шаги стихли почти мгновенно, растворившись в темноте.

Сцена без Корбина стала другой — не пустой, а переполненной вопросами. Люди смотрели на стол с монетами, на пустой стул, на Ивора. Но самый острый вопрос повис в воздухе сам собой — он ушёл спать, а они продолжают проигрывать. Он не колдовал, не направлял монеты — просто спит за сценой. И этого оказалось достаточно.

Феликс подождал, пока гул стихнет, и произнёс, глядя поверх голов:

— Я меняю условия. Теперь для победы достаточно выбросить больше сорока орлов из ста. Не семьдесят два, а просто сорок один. Это даёт вам реальный шанс. Продолжайте, Ивор.

В зале воцарилась растерянная тишина. Затем кто-то возмущённо выкрикнул:

— Это нечестно! Корбина нет, он не знает об изменении! Вы меняете правила, пока он спит!

Феликс даже не повернулся на голос.

— Он участник эксперимента, а не игрок. Условия диктую я. Продолжайте.

Ивор ошеломлённо кивнул.

— Следующий. Кто хочет попробовать? — механически объявил он.

Никто не спешил. Наконец поднялась молодая женщина с рыжими волосами, вышла, взяла монету, начала бросать.

Тридцать восемь. Следующий мужчина пытался шутить, но шутки выходили сухими, как пыль. Тридцать девять. Следующий участник — тридцать семь.

Ивор записывал, и лицо его бледнело с каждой выведенной цифрой. Никто не мог перешагнуть даже через сорок — хотя ещё недавно, при Корбине, двое выбросили сорок один и сорок три. Теперь, когда его не было на сцене, даже сниженная планка оказалась недосягаемой.

В этот момент мужчина с красным лицом, уже проигравший дважды, не выдержал и обернулся к Феликсу:

— Объясните нам, маг! Мы видим своими глазами — он спит, а мы проигрываем. Это не магия в привычном смысле — он не делает заклинаний, не шевелит пальцами. Что это такое? Как может обычный парень влиять на случайность, даже когда его здесь нет?

Зал затих. Все взгляды обратились к Феликсу. Тот медленно поднял голову от блокнота, выдержал паузу и ответил ровно, без тени улыбки:

— То, что вы наблюдаете, относится к внутренним исследованиям гильдии. Я не уполномочен разглашать детали. Могу лишь сказать, что явление изучается, и окончательных выводов пока нет. После завершения эксперимента гильдия опубликует отчёт, если сочтёт нужным. Хотя, я бы не стал на это надеется. А пока — продолжаем.

Он снова уткнулся в блокнот. Короткий ответ не удовлетворил никого, но спорить с представителем гильдии никто

не решился.

Ивор в третий раз пересчитал результаты и почувствовал, как внутри что-то с треском ломается. Мысль билась о стену — он спит — и всё равно побеждает. Это не случай, не везение, а то, чего у меня нет и никогда не будет.

Он вспомнил, как кузнец однажды ударил мимо заготовки и обжёг пальцы, и Ивор смеялся над ним неделю. Но сколько раз кузнец бил точно — он не считал. Плотник сломал стамеску, но чинил калитки так, что они стояли годами. Редактор отверг его статью, и Ивор решил, что тот глуп, но не спросил, как её улучшить.

А сам он что умел? Он не выучился ни на кузнеца, ни на плотника, ни на журналиста. Бросал всё на полпути, потому что считал, что гению учёба не нужна. Думал, что талант — врождённое, что озарения приходят сами, что он выше рутины. Но теперь, глядя на цифры, он видел со всей ясностью — он не гений. Он просто обыкновенный человек, который избегал труда и прятался за гордыней.

«Бездарь, пустое место, смеявшийся над теми, кто просто делал своё дело, — подумал он. — Завтра начну с нуля. Нет, не завтра. Сегодня. Как только всё закончится. Научусь чему-то настоящему. Попрошусь в ученики к кузнецу, к плотнику — пусть научат меня хоть чему-то, что стоит уважения. Перестану считать себя выше тех, кто работает руками. Перестану искать лёгких путей и чужого восхищения».

Он поверил в это. Полностью, без оговорок. Внутри что-

то успокоилось — не радость, не облегчение, а тихая ясность человека, который наконец перестал врать себе.

Он выпрямился — не из привычки держать лицо, а потому что впервые за долгое время ему не нужно было прятаться за позой. Механически, словно заводная кукла, он продолжил вести игру, объявляя следующего участника и называя результаты, но голос звучал глухо, а внутри было пусто, как в заброшенном колодце. Пусто и чисто.

За сценой было тихо. Корбин спал, и дыхание его оставалось ровным и спокойным. А на сцене Ивор чувствовал, как умирает последняя надежда на то, что он — нечто особенное. И впервые за всю жизнь это его не пугало.

Все три испытания тянулись до полуночи. Зал постепенно пустел — не потому, что люди уходили, а потому что азарт уступил место усталости. Лампы горели всё тусклее, фитили догорали, тени по углам становились длиннее и гуще. Воздух сделался тяжёлым от дыхания, запаха масла, пота и старого дерева.

Участники сменяли друг друга, результаты не менялись — никто не превысил сорока. Ивор механически записывал, чувствуя пустоту. Он видел лица зрителей — разочарование, недоумение, тихий страх. Раньше он подбадривал их, шутил, улыбался; теперь слова выходили из него, как из плохо смазанного механизма.

— Следующий участник. Кто хочет попробовать?

Желающих так и не нашлось.

К полуночи в зале осталось около двадцати самых упорных. Они сидели на скамьях, глядя на сцену, и в их взглядах читалась та же смесь усталости и непонимания, что и у Ивора. Никто уже не смеялся и не делал ставок; деньги по-прежнему лежали на столе, но больше не будоражили.

— Когда это кончится? — спросил кто-то тихо, и в голосе прозвучала не столько злость, сколько изнеможение.

— Пусть скажут, в чём дело, — буркнул другой.

— Я не уйду, пока не узнаю, — упрямо отозвался третий.

Ивор слышал эти голоса и чувствовал, как внутри сжимается. Они хотели ответов, но ответов не было.

— Хватит. Больше никто не выйдет, — глухо сказал Ивор Феликсу. — Все вымотаны до предела. И я тоже.

Феликс отложил перо, закрыл блокнот и поднялся — спокойно, размеренно, как человек, закончивший работу. Он вышел в центр сцены.

— Все три испытания закончены. Никто не обыграл Корбина. Деньги и награда от гильдии достаются ему. Поздравьте его, когда он проснётся.

Затем обратился к Ивору:

— Разбуди его. Пусть заберёт деньги.

Ивор ушёл за кулисы, где было темнее и прохладнее. Корбин спал на узкой скамье, подложив под голову куртку. Лицо его оставалось спокойным, без тревоги и ожидания, и он выглядел моложе, чем на сцене.

Ивор задержался над ним, глядя сверху вниз. В груди ше-

вельнулось что-то сложное — не зависть, не злоба, а горькое признание — этот человек не нуждался ни в признании, ни в зрителях, ни в доказательстве того, что он существует. Он просто был — и этого хватало. Ивор, напротив, всю жизнь жаждал чужих глаз, чужого восхищения — и ничего не создал своими руками.

— Вставай. Всё кончилось. Забирай выигрыш.

Корбин открыл глаза медленно, без спешки. Посмотрел на Ивора, потом на сцену, где горели лампы и сидели последние зрители. Он не спросил, сколько прошло времени и что случилось, будто уже знал.

— Кто выиграл? — спросил он, протирая глаза.

— Ты. Как всегда. Удача ходит за тобой по пятам, даже когда ты спишь, — ответил Ивор сухо, и в голосе его сквозь усталость прорезалась горечь.

Корбин не улыбнулся и не кивнул с торжеством — просто поднялся, поправил рубашку и вышел на сцену. Толпа зааплодировала вяло, без энтузиазма, но вежливо — это был аплодисмент не победителю, а концу долгой ночи.

Корбин подошёл к столу, взял мешочек с монетами, взвесил в руке. Монеты тихо звякнули.

— Много там? — спросил он, глядя на Феликса, и в вопросе не было жадности, только любопытство.

— Достаточно. Сумма хорошая, — отозвался маг.

Корбин кивнул и сунул мешочек в карман безо всякого интереса, будто взял горсть камней, а не деньги, способные

прокормить семью полгода.

Ивор смотрел на это и думал — деньги его не изменили, не обрадовали, не вознесли — они просто остались деньгами, как дождь, как ветер, как результат, который не нужно праздновать. А я бы на его месте носил их как корону. Потому что для меня деньги — доказательство того, что меня признали. А он даже не улыбнулся. Просто сделал своё дело и уходит.

И это терзает меня сильнее, чем любое поражение.

Феликс вышел в центр сцены и объявил официально. Каждое слово падало тяжело, как печать на воске:

— Корбин Вейл — сотрудник гильдии магов, отдел практических исследований. Его присутствие в городе теперь регулируется гильдией. Он не будет участвовать в повседневных делах как обычный человек. Прошу не беспокоить его просьбами — любые контакты только через официальные каналы.

Он выдержал паузу и продолжил:

— То, что вы видели сегодня, не чудо и не фокус. Это факт, который нам предстоит изучить. Что-то, чего мы пока не понимаем. Не ждите, что подобное повторится по вашему желанию.

В зале раздался ропот, но Феликс поднял руку, призывая к тишине:

— Эксперимент завершён. Благодарю за участие. Прошу по вопросам, как обычно, обращаться к представителю гиль-

дии.

— Еще бы он ответил хоть раз, этот представитель! — крикнул кто-то из зала.

Феликс не обратил на это внимания и коротко кивнул Корбину:

— Идём. Пора уходить.

Корбин двинулся к выходу. У двери он на мгновение обернулся, встретился взглядом с Ивором.

— Спасибо за организацию. Было интересно. Я такого раньше не видел, — искренне сказал он.

Ивор хотел ответить — поздравить, извиниться, спросить, каково это, быть тем, кем был Корбин, — но горло сжалось, и слова не вышли. Корбин постоял ещё мгновение, затем повернулся и вышел.

Феликс и Корбин покинули зал. Дверь закрылась с глухим стуком. Толпа проводила их взглядами, но никто уже не требовал объяснений — все поняли, что маг не скажет больше ни слова.

Люди начали подниматься, собираться, кутаться в пальто. Ивор ещё некоторое время стоял на сцене, глядя, как зал пустеет, а потом остался на ней совсем один. Он смотрел на пустой стол, на монеты, рассыпанные по столешнице, на блокнот Феликса — маг, уходя, даже не взглянул на него, и тот остался на краю столика, то ли забытый, то ли брошен нарочно. Ивор не стал трогать блокнот.

Он чувствовал, как пустота внутри сменяется странным

спокойствием — не радостью и не облегчением, а чем-то более тихим, отдалённо напоминающим правду.

Я бездарь. Пустое место. Обыкновенный человек, у которого нет ни одного ремесла, ни одного таланта, ни одного дела, которым я мог бы гордиться. Всю жизнь я избегал труда, потому что считал себя гением, а на самом деле просто боялся признать, что ничего не умею. Сегодня я понял это — и это первый шаг к тому, чтобы стать лучше.

Завтра пойду к кузнецу. Попрошусь в ученики. Буду учиться, даже если будет тяжело. Перестану смеяться над теми, кто работает, потому что они лучше меня.

Он медленно сошёл со сцены, чувствуя, как пустой зал давит на плечи. Там больше нечего было делать — ни зрителей, ни магов, ни денег на столе. Он прошёл между скамьями, миновал дверь и вышел на улицу.

Ночь была холодной и тихой. Где-то вдалеке лаяла собака, и этот звук казался единственным живым во всём городе. Ивор вдохнул полной грудью — впервые за весь вечер — и пошёл домой.

Ночь стояла холодная и ясная. Над городом висели звёзды — редкие и далёкие. Воздух после душного зала казался чистым, почти колючим. Ивор вдохнул полной грудью и почувствовал, как внутри что-то сдвинулось — будто старый, давно запертый замок наконец повернулся.

Он сел на скамейку у здания, опустил голову и закрыл глаза. Внутри звучал голос, твердивший, что он начнёт жизнь

заново. Стану скромнее. Буду ценить тех, кто работает руками. Перестану считать себя выше других. Завтра пойду к кузнецу, к плотнику — попрошу прощения, попрошусь в ученики. Выучусь чему-то настоящему, чтобы не быть пустышкой.

Он поднялся, сделал шаг в темноту, готовый свернуть к кузнице, — но в тот же миг из дверей зала повалили люди. Сначала по одному, потом группами. Они заполнили крыльцо, переговаривались, курили, разводили руками; в голосах не слышалось ни азарта, ни веселья — только глухая, вязкая растерянность. Один пересчитывал мелочь, другой уставился в землю, а женщина с ребёнком на руках застыла неподвижно, глядя в звёздное небо.

Ивор замер, почувствовав, как десятки взглядов впиваются в него.

Ещё мгновение назад он был готов свернуть к кузнице. Только что он держал в руках план новой жизни — тихой, скромной, без обид — и почти поверил в него. Но сейчас, глядя на эти лица, он ощутил нечто иное. Не жалость, не желание помочь, а странный холодный азарт. Они ждали от него ответов, и этот жар чужих надежд обжигал сильнее, чем стыд.

— Маги ушли, ничего не сказали, — проговорил кто-то.

— И мы ничего так и не поняли, — добавила женщина в платке. — Ты единственный, кто был рядом с ними всё время. Скажи, что ты думаешь?

Кто-то из толпы положил руку ему на плечо:

— Ты всегда знаешь, что сказать.

В этот миг внутри Ивора что-то щёлкнуло — словно захлопнулся замок, отрезая путь к прежней жизни. Все только что принятые решения о скромности, о прощении, о новой жизни рассыпались в прах. Они смотрели на него с обожанием, с надеждой, с верой в его величие — и он не мог, не хотел отказываться от этого.

Я ничего не знаю о магии. Но я могу придумать. Я умею говорить, умею убеждать — это единственное, что я умею. И если они готовы платить за мои слова, значит, я всё-таки что-то значу.

Эта мысль, вместо того чтобы испугать, обожгла жарким предвкушением. В груди разрасталась пьяная волна уверенности. Я тот, кто нужен. Тот, у кого просят. Тот, кто держит ответ. И если ответа нет — я придумаю его.

Он выпрямился, сбросил руку с плеча и шагнул вперёд, разворачиваясь к толпе. Голос его зазвенел — уже не сомневаясь, не прося прощения, а объявляя:

— Послушайте меня. — Он сделал паузу, давая голосу окрепнуть. — Вы правы. Маги ушли и не скажут ни слова, потому что им выгодно, чтобы вы ничего не знали. Но я был там. Я видел, как Феликс впервые подошёл к этому мальчишке. Я слышал, что он говорил о его силе — о том, откуда она берётся и почему гильдия так долго его искала. Я знаю больше, чем они готовы признать. Но это не для случайных

разговоров на улице.

— Много ли ты слышал? — выкрикнул кто-то из толпы.

Ивор усмехнулся — той самой усмешкой, какой пользуются те, кто знает больше, чем говорит.

— То, что я расскажу, перевернёт всё, что вы думали о магии. Одного слова хватит, чтобы вы перестали спать по ночам. Но не здесь и не сейчас.

— Так скажи же! — закричала толпа.

Ивор улыбнулся — той самой улыбкой, что появлялась перед началом любого представления.

— Через три дня. В том же зале. Я подготовлю всё как надо, и вы услышите то, что маги скрывают годами. Каждую деталь. И поверьте — вы не найдёте этого нив одной книге.

Толпа загудела — уже не испуганно, а с азартом, с любопытством, с жаждой правды.

— Возьмите. Это не за билет. Это за то, что вы единственный, кто не бросил нас, — мужчина достал пригоршню монет и протянул Ивору.

Ивор взял монеты — тяжёлые, тёплые от чужих пальцев. Этот вес вдруг показался ему убедительнее любых слов. Остальные подхватили — кто-то лез в карманы, кто-то обещал принести завтра, кто-то уже кричал, что приведёт родственников. Монеты сыпались одна за другой, и с каждым медяком прежние обещания новой жизни таяли, как утренний туман.

Пальцы сжались, и Ивор почувствовал, что в его руках

не просто медь, а нечто большее — власть над умами этих людей.

— Слава Ивору! — крикнул кто-то, и толпа зааплодировала.

Ему хлопали по плечу, обсуждали, сколько мест занять в первом ряду. Ивор стоял на крыльце, сжимая кулак с монетами, и внутри разрасталась уверенность — холодная, ясная, окончательная.

Я никогда не проигрывал. Просто не находил правильной сцены. Теперь я её нашёл. Корбин — просто повод, точка опоры. Он спит, а я говорю. Я придумаю ответы, и они поверят, потому что хотят верить.

— Через три дня, в зале собраний, — объявил он громко, на всю улицу. — Я расскажу всё от начала до конца. Приводите всех, кого знаете. Это будет лучше, чем любое представление, которое вы видели.

Толпа начала расходиться — с планами, с предвкушением, с именами и списками. Люди кивали, обещали прийти снова.

Ивор спустился с крыльца, сел на ту самую скамейку и перевёл дух. Монеты в кармане тихо позвякивали при каждом движении — звук приятный, правильный, единственный, имеющий значение.

Он посмотрел на звёзды и усмехнулся. Где-то там, в темноте, спал Корбин, ничего не подозревая. Где-то шёл домой Феликс, уже забывший о них всех. А он, Ивор, сидел на ска-

мейке, держал в кармане монеты и знал — завтра начинается его игра.

Настоящая магия — не в том, чтобы попадать в цель. Это талант Корбина. Настоящая магия — в том, чтобы заставлять людей верить, платить и возвращаться снова. Слова — это магия, только честнее. Они не требуют врождённого дара — лишь умения говорить то, что хотят услышать.

Он поднялся и шагнул в темноту. Монеты звенели при каждом шаге.

Он не упустит это признание. Никогда.

Глава 31

Утро после вчерашнего представления выдалось серым и дождливым, но Ивор Трейси этого не замечал. Он сидел на краю кровати и высыпал на потёртый стол содержимое кошелька. Серебро и медь звякнули, складываясь в увесистую горку. Это были деньги толпы — плата за то, чего он не знал.

Ивор провёл пальцем по холодной монете, и в груди шевельнулся липкий страх, который он так старательно гнал от себя всю ночь. Он посмотрел людям в глаза и заявил, что маги что-то скрывают, а он, Ивор, знает всё. Толпа поверила и заплатила, чтобы через три дня услышать секрет удачи Корбина. Но секрета у него не было.

И в этот момент, глядя на горку монет, он впервые за всю жизнь усомнился в себе — вчера, во время представления, когда Корбин побеждал снова и снова, Ивор уже чувствовал этот холодок. Но тогда толпа вернула ему уверенность — аплодисменты, крики, монеты в кармане. Однако всё это были лишь слова и эмоции. Фактического подтверждения его таланта делом пока не было.

Всю жизнь он верил, что у него есть талант — не магический, не ремесленный, а какой-то другой, особый. Он чувствовал это с детства — когда он говорил, люди слушали. Когда он обещал, люди верили. Когда он входил в комнату, атмосфера менялась. Он был уверен, что это и есть его дар

— умение говорить то, что люди хотят услышать. Умение убеждать, вести за собой, превращать слова в действие.

Но вчера, на крыльце зала собраний, когда он стоял перед толпой и понимал, что у него нет ответов, тогда он усомнился. А что, если это не талант? А что, если он лишь умеет говорить, а не делать? Обычный человек, который всегда оказывался в нужном месте в нужное время? А что, если его «дар» — это лишь слова, которые когда-нибудь перестанут работать, потому что за ними нет настоящего дела?

Страх был липким, холодным, и он не мог от него избавиться. Толпа вернула ему веру — монеты в кошельке были тому доказательством. Но это была вера толпы, а не факт. Толпа могла ошибаться. Толпа уже ошибалась — сколько раз он видел, как люди верили шарлатанам, а потом жалели об этом. А что, если он сам такой же шарлатан?

— Я не отступлю, — вслух произнёс Ивор, чувствуя, как в груди закипает упрямство, глушащее страх. — Они сами пришли. Сами признали мой талант. Значит, я найду ответы. Талантливого человека всегда отличает то, что он откопает то, что другие не способны даже заметить. Нужно не сдаваться.

Но в глубине души он знал, что фактами его талант не подтверждён. Вчера толпа поверила ему, но это не было доказательством. Доказательством было бы, если бы он нашёл правду об удаче Корбина. Если бы он за три дня сделал то, что маги не смогли сделать за годы. Тогда — да, тогда он

бы знал, что он не только пустозвон, а талантливый человек. Тогда сомнений больше не осталось бы.

Ему не нужны были ни эксперименты Феликса, ни сам Корбин, спящий где-то за сценой. Ему нужна была лишь идея. Правдоподобная, красивая, пугающая — такая, чтобы можно было выдать за великое открытие. И если маги не хотят делиться знаниями, он возьмёт их сам. Точнее, купит. Информация в этом городе всегда была товаром, а у него теперь есть чем заплатить.

Обменный центр магов ютился в каменном здании на границе торгового ряда. Внутри пахло озоном, сухой пылью и казённым равнодушием. За стойкой сидел скучающий подросток в синей форме, лениво перекладывающий стопки бланков.

— Мне нужны жетоны, — бросил Ивор, выкладывая на стойку тугой мешочек — большую часть вчерашней выручки. — Я слышал, здесь можно купить доступ в библиотеку. Хочу поискать книги по магии удачи.

Подросток даже не поднял глаз. Он придвинул мешочек, взвесил на ладони, высыпал содержимое на чаши весов и лениво отчеканил:

— Тут хватит на два жетона. Первый даёт доступ в библиотеку на месяц. Второй можешь потратить на любую услугу не магического характера — выписки, консультации помощников, что угодно. Магические услуги начинаются с трёх жетонов.

Ивор сглотнул, глядя, как его деньги исчезают в недрах ящика. Два красных пятиугольника из тяжёлого, холодного металла скользнули по столу. Каждый был равен месячной зарплате хорошего ремесленника. За эти деньги он мог бы сколотить новый мухоморный лоток, нанять помощника или полгода питаться мясом, а не объедками. А эти маги драли деньги непонятно за что, за воздух — за сам факт возможности дышать в одном здании с их книгами.

— Чтение на месте, — добавил подросток, уже не глядя на него. — Вынос запрещён. Оторвёте форзац — штраф десять жетонов. Не сможете оплатить — добро пожаловать в каменоломни. Следующий.

Ивор сжал в кулаке острые грани жетонов. Его унижали, разговаривали как с оборванцем, случайно нашедшим кошелёк на дороге, но в груди уже закипала холодная, злая решимость. «Погодите, — мысленно прошипел он, стиснув пальцы. — Погодите, хозяин лавки, выгнавший меня за то, что я хотел сделать лучше, редактор, уволивший меня из-за дурацких двоеточий, и все вы, мастера, что смеялись надо мной, считали пустым местом. Сегодня я доберусь до секретов, которые вам и не снились, а завтра вы будете кусать локти, вспоминая, как смотрели на меня свысока.»

Он поднялся по широкой лестнице и оказался в длинном коридоре с высокими сводами. В конце его маячила массивная дверь, за которой, как он надеялся, хранились ответы. Ивор толкнул створки — и библиотека предстала перед ним:

огромная, тихая и пугающая своим величием. Стеллажи уходили в полумрак, а в воздухе, словно живые, плавали пылинки, подсвеченные мягким голубоватым светом магических светильников. Здесь не пахло гниющей бумагой и сыростью — в нос ударил аромат старого пергамента, пчелиного воска и озона, похожий на запах воздуха перед грозой.

За массивным дубовым столом в центре зала сидел библиотекарь. По виду — маг, но глубокий старик, с лицом, покрытым сетью морщин, и пальцами, навсегда впитавшими чернила и алхимическую пыль. Он читал толстый фолиант, даже не касаясь страниц — стоило ему провести рукой в воздухе, как тяжёлые пергаментные листы переворачивались сами собой.

Ивор подошёл к столу, деликатно откашлялся и заговорил, стараясь выглядеть поумнее:

— Прошу прощения. Мне нужны книги о магии удачи, знаете, такая, которая помогает в карты выигрывать и все такое прочее. Подскажите, имеется ли у вас что-нибудь подобное?

Библиотекарь медленно поднял глаза. В его взгляде не было ни интереса, ни презрения — лишь бездонная, окаменелая усталость от необходимости разговаривать с простыми смертными.

— Магия удачи, — эхом повторил он, и в уголке сухих губ дрогнула тень усмешки. — И где же вы, сударь, изволили постичь азы этой сложной науки?

Кровь бросилась Ивору в лицо, но он стиснул зубы. Грубить нельзя — он зависел от этого старика как от воздуха.

— Так этот ваш Феликс со своим новым любимчиком вчера все это показывали. Вот я теперь и хочу узнать, как именно человек может подчинять себе эту самую случайность.

— Знаете, сударь, — протянул старик, — сюда многие приходят за лёгкими ответами. Скажу по чести: вы ищете не там, где истина, а там, где вам удобнее её найти. Но, поскольку вы оплатили жетон, а устав обязывает меня вести беседу с посетителями…

Он тяжело поднялся и зашагал вглубь стеллажей, даже не оглядываясь — явно не ожидая, что торговец сможет осилить хоть строчку. Ивор поспешил за ним, и сердце глухо застучало в груди от предвкушения.

Библиотекарь остановился у пыльной полки в самом тёмном, глухом углу, где фолианты больше походили на геологические окаменелости. Он вытащил тонкий, потёртый том в грубом кожаном переплёте и сунул Ивору.

— «Записки странствующего мага Ладвига о народах восточных окраин», — сухо ответил библиотекарь. — Чистая экзотика. Там описано дикое племя доланцев. Они поклоняются местному божеству удачи — Доле.

Ивор буквально выхватил книгу из его рук, не в силах скрыть алчность.

— И что же, — спросил он, с трудом сдерживая дрожь в голосе, — они проводят ритуалы? Носили амулеты? Как

именно они добиваются своего? Прошу, для меня это важно.

— Вот как, — сухо ответил библиотекарь, разворачиваясь к своему столу. — Они не «получают» удачу. Они молятся, режут мелкий скот, пляшут в трансе и чертят углём круги на камнях. И это даёт реальный, хоть и не всегда предсказуемый эффект. Урожай становится богаче, хищники обходят деревню, удача сопутствует охотникам. Они умеют управлять вероятностью. Не магия в привычном смысле — скорее, древнее знание, как влиять на случай. Конечно, всё это требует правильного исполнения, но факт остаётся фактом.

Старик снова уткнулся в свой фолиант, недвусмысленно давая понять, что аудиенция окончена.

Ивор юркнул к свободному столу в глубокой нише, сел и раскрыл том. Пальцы предательски дрожали, перелистывая хрупкие страницы. Ему были не нужны академические рассуждения — ему нужна была механика. Конкретные описания ритуалов, которые мог бы повторить обычный человек, не имея ни капли магического дара. Он лихорадочно пробегал глазами строки, отсеивая воду и философию, пока не нащупал главу, где Ладвиг подробно описывал обряды доланцев. Ивор жадно впился в текст:

«…и если кровь пролита на камень, и голоса поют в унисон, то сама ткань мира истончается, и удача цепляется за это место, как вода за низину…»

Глаза бежали по строкам, но мысли уже свернули совсем в другую сторону. «Чем дольше я читаю, тем яснее вижу, —

лихорадочно соображал он. — Ладвиг описывает не просто обычай, а работающую систему. Ритуалы, жертвы, песнопения, круг — всё это создавало условия, при которых вероятность начинала смещаться. Эффект есть, и он реальный. Они знали, как наклонять случай в свою пользу. И если они могли — значит, смогу и я».

Ивор откинулся на спинку стула, не сводя глаз со страницы. Маги скрывают это, — пронеслось у него в голове, складываясь в ослепительную мозаику. — Они знают, что ритуалы работают. Но делают вид, что весь секрет исключительно в Корбине. Чтобы никто не догадался — удачу можно не только получить по рождению, её можно создать.

Доланцы были дикарями, это да. Но они уловили самую суть — удача не врождённый дар, а ресурс. Сырьё, которое можно добыть, словно руду или золото. Они верили, молились, сбивались в кучу — и ткань реальности смещалась ровно настолько, чтобы это стало заметно. А что, если взять этот принцип и перенести его сюда — приспособить варварские ритуалы под городской зал, сделать их красивыми и понятными для образованных людей, готовых платить за надежду?

Ивор почти физически ощущал, как в голове щёлкает невидимый механизм. Эффект удачи усилится, а если и нет — люди всё равно поверят, что он усилился. А вера, когда её разделяют десятки, сотни человек, — это и есть настоящая магия. Не та, что варится в лабораториях, а та, что живёт в умах.

Он провёл пальцем по потёртому кожаному переплёту. В голубом свете магических светильников взметнулась мелкая пыль.

— Я заставлю вас меня заметить, — прошептал он, глядя на книгу так, словно сквозь страницы видел лица всех тех, кто считал его пустым местом. — Вы не видели во мне таланта, а я нашёл ответ за полдня. Теперь вы узнаете, кто я такой.

Он уже мысленно видел себя на сцене — не жалкого неудачника, позорно проигравшего в угадывании карт, а пророка, сорвавшего покровы с тайны мироздания. Он расскажет толпе о Доле — но не как о древнем идоле дикарей, а как о силе, которую можно призвать. Он подстроит ритуалы под городских жителей, уберёт всё пугающее, оставит лишь торжественность и смысл. Люди будут чувствовать себя причастными к чему-то важному, почти домашнему — будто их пустили в круг избранных.

И тут он вдруг замер, и в голове щёлкнуло что-то ещё — другое, более важное.

Он вспомнил, как вошёл в библиотеку, не зная, с чего начать. Вспомнил, как подросток за стойкой взял его деньги и дал жетоны. Вспомнил, как библиотекарь — этот старый, уставший маг — дал ему именно эту книгу. Не другую, не бесполезный трактат по теории вероятностей, не скучные отчёты академиков. А именно Ладвига. Именно доланцев. Именно то, что ему было нужно.

Ивор почти физически ощущал, как в голове складывается новая мозаика, и думал, что его талант — это не только умение говорить. Может быть, его талант — это умение находить нужных людей в нужное время. Библиотекарь дал ему книгу. Толпа дала ему деньги. Феликс, сам того не желая, дал ему мотивацию. Всё сложилось само собой, как пазл.

И это был первый раз, когда практика показала наличие у него таланта. Не вера толпы или его собственное ощущение, а факт — он нашёл правду за полдня, и всё сложилось само собой. Люди, деньги, знания — всё пришло к нему, стоило только захотеть. Это и был его дар — не магия, не ремесло, а умение получать нужных союзников в нужное время.

Он закрыл книгу и прижал её к груди. Сомнений больше не было. Он нашёл правду и получил доказательство. Он был талантлив.

И теперь оставалось только одно — выйти к толпе и сказать им то, что они хотели услышать.

Глава 32

Ивор уже собирался уходить. Он аккуратно закрыл том Ладвига, и в груди разлилась приятная, почти пьянящая тяжесть — то самое чувство, которое охватывает человека, только что совершившего великое открытие. Он уже видел себя на сцене не жалким торговцем мухоморами, а пророком, несущим свет. Мысленно он репетировал каждое движение, как небрежно обронит имя богини Долы, как выдержит паузу, заставив толпу затаить дыхание, как заставит их поверить, что они стали свидетелями чего-то поистине грандиозного. Это будет не просто представление. Это будет перерождение.

Но дверь библиотеки скрипнула, и на пороге появился Феликс.

Маг был в той же безупречной куртке с красными лычками, что и на рынке. Он шел быстро, с той самой привычной уверенностью человека, перед которым мир сам расступается. Феликс вошел, явно погруженный в свои мысли, и его взгляд скользнул по залу почти машинально — пока не зацепился за Ивора. Маг остановился. На его лице мелькнуло нечто вроде удивления, смешанного с брезгливостью, каким смотрят на грязное пятно, случайно замеченное на собственной обуви. Он окинул Ивора оценивающим взглядом, словно прикидывая, откуда у этого проходимца могли взять-

ся деньги на библиотечный жетон.

Ивор выпрямился. Вместо того чтобы спасовать, он почувствовал, как в груди поднимается теплая волна уверенности — та самая, что всегда приходила к нему в моменты, когда он держал в руках козырь. Вот он, маг, который вчера пытался его прогнать, который смотрел на него свысока, а теперь стоит и не может скрыть удивления. Не ожидал увидеть здесь жалкого торговца? А ведь Ивор знает больше, чем этот маг. Держит в руках книгу, которую Феликс даже не заметил. Ивор чувствовал это кожей, что сейчас Феликс сам к нему подойдет.

Так и случилось. Феликс направился к нему не торопясь, с тем выражением лица, с каким подходят к назойливой мухе, которую не удалось прихлопнуть с первого раза.

— Любопытный торговец... — произнес Феликс, даже не здороваясь. Голос его был ровным, почти скучающим, словно он рассуждал сам с собой. Взгляд мага скользнул по Ивору с легким прищуром. — Вездесущий, я бы даже сказал. Как тебя там зовут?

Библиотекарь Арвид, сидевший за своим столом у дальней стены, не поднимая глаз от бумаг, подсказал Феликсу имя.

Ивор скрестил руки на груди, готовясь к любому развитию событий.

— Ну так вот, Ивор, — продолжил Феликс, и голос его заметно остыл, стал жестче. — Я вижу, ты разжился парой

монет на жетон, чтобы попасть сюда, и, полагаю, явился за тем же, за чем приходил раньше — просить денег и полномочий. Как тогда, когда я позволил тебе организовать вечер с испытаниями. Так вот, зря ты сюда явился. Сотрудничество между нами окончено. Контракт с Корбином подписан, и ты больше не нужен ни мне, ни гильдии. Не стоит просить о новых встречах, не стоит приходить на базу, не стоит пытаться связаться с Корбином. Всё, что от тебя требовалось, ты сделал. Можешь возвращаться к своим мухоморам.

В груди у Ивора что-то сжалось. Не от обиды — от злости, горячей и колючей. Маг даже не помнил его фамилии, принял за попрошайку, явившегося клянчить подачку, и говорил с ним так, словно тот был старой тряпкой, которую использовали и выбросили. Словно все его усилия и весь его талант не стоили ровно ничего. Он стиснул пальцы, но заставил себя улыбнуться.

— Знаете, Феликс, — произнес он медленно, смакуя каждое слово, — я пришел сюда не за вашими деньгами и не за вашими полномочиями. Маги в этом городе никому не нужны. Все вы скрытные и себе на уме. А я точно в магах не нуждаюсь, ни в вас, ни в вашей гильдии, ни в ваших жетонах. Я сам могу найти всё, что мне нужно.

Феликс приподнял бровь, но промолчал, позволяя ему договорить.

— Я уже всё понял про удачу вашего Корбина, — продолжил Ивор, и голос его зазвучал почти торжествующе. — Мне

хватило одного дня, а вам, видимо, понадобятся годы. Но я вам ничего не скажу. Не потому, что вы мне неприятны, а потому, что вы этого не заслужили.

Феликс смотрел на него долго, почти с любопытством. Потом его взгляд медленно скользнул вниз, на книгу, которую Ивор всё ещё держал в руке. Маг заметил её не сразу, но, узнав потертый кожаный корешок, его лицо на мгновение дрогнуло, а по губам прошла короткая, лишенная веселья усмешка.

— Ладвиг, — произнес он. В его голосе прозвучала та самая снисходительная интонация, которой ученые говорят о глупых детях. — «Записки странствующего мага о народах восточных окраин». Я знаю этот труд наизусть, Ивор, и могу сказать тебе, что то, что там описано, не имеет почти никакого отношения к дару Корбина.

Ивор нахмурился, но не отступил.

— Библиотекарь сказал, что это магия удачи, — возразил он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Библиотекарь сказал правду, — кивнул Феликс. — Доланцы действительно поклоняются богине удачи, и их ритуалы действительно дают эффект. Но эффект этот слабый, локальный, привязанный к месту. Это обряды дикарей. Словно золотая руда, в которой на тонну земли приходится крупица золота. А дар Корбина — это слиток. Чувствуешь разницу?

Ивор понял всё в один миг. Маг смеялся над ним снисходительно, как над глупым ребенком. В груди всё кипело, но

он заставил себя выдохнуть, не показывая, как его это задело. Он выпрямился, встретил взгляд Феликса и усмехнулся в ответ.

— Значит, вы, маги, даже не можете объяснить, что с ним происходит, — произнес он, и в голосе его прорезались торжествующие нотки. — И поэтому вам нужен я. Тот, кто умеет искать ответы не в пыльных лабораториях, а там, где они лежат открыто.

Феликс рассмеялся. На этот раз громче, искренне, почти с удовольствием, и даже вытер уголок глаза.

— Меня всегда веселят люди, которые считают себя исследователями, — сказал он. — Но не ездят, не проводят опытов, не говорят с очевидцами, а лишь читают чужие труды. И даже не читают, а слушают пересказы библиотекаря. Срезая углы, Ивор, хороших результатов не добиться.

В этот момент Ивор перевел взгляд на библиотекаря, и в душе у него всё оборвалось. Старик сидел за своим столом и делал вид, что не слышит их разговора. Именно он, Арвид, дал ему ложную надежду, внушил, что книга — ключ ко всему. И теперь Ивор стоял перед Феликсом, чувствуя себя полным дураком. Не от злости на мага, который был слишком силен, а от разочарования в старике, оказавшемся обычным равнодушным чиновником.

— Толку-то от вас оказалось немного, — огрызнулся Ивор, и в голосе его прозвучала горечь. — Вы дали мне книгу, которая ничего не значит, а я уже понадеялся, что тут

есть хоть один, кто меня понимает.

Библиотекарь медленно поднял глаза. В его взгляде не было ни обиды, ни оправданий — только бесконечная усталость человека, который слышал такие обвинения сотни раз и знал, что спорить с ними бесполезно.

— Я дал вам то, что вы просили, — произнес он ровно. — Книгу о магии удачи. Вы пришли за знаниями, я дал вам их. А то, что вы не смогли понять, как их использовать, — это уже ваша забота, а не моя.

Ивор стиснул пальцы. Ему хотелось крикнуть, что он всё понял, что он талантлив, а слепы они — и маг, и этот старый библиотекарь. Но в этот момент он вспомнил вчерашний вечер, толпу на крыльце, смотревшую на него с надеждой, монеты, которые ему протягивали, крик «Слава Ивору!» и аплодисменты. Феликс мог смеяться, библиотекарь мог считать его пустяком, но те люди пришли к нему. Они поверили в него и заплатили за его слова. И это была реальность, с которой не могли спорить никакие научные доводы. Они не спрашивали, откуда он знает, они просто верили. А если они верили — значит, он не ошибся.

Ивор выпрямился и посмотрел на Феликса прямо, без тени сомнения.

— Я ничуть не ошибся, — произнес он твердо. — Горожане признали мой талант. Они пришли ко мне, а не к вам, заплатили мне, а не вам. И через три дня они услышат от меня то, чего не услышат от всей вашей гильдии.

Феликс перестал смеяться и посмотрел на Ивора с легким прищуром, как на насекомое, которое вдруг начало говорить.

— Любопытно, — произнес он медленно. — Ты недоволен библиотекарем, говоришь, что он ввел тебя в заблуждение, но при этом утверждаешь, что всё сделал правильно. Одно противоречит другому, Ивор. Ты знаешь, что твой подход неверен, но признавать этого не хочешь. Забавное зрелище.

Ивор почувствовал, как в груди закипает злость. Феликс был прав, и это было невыносимо. Если он признает, что библиотекарь его обманул — значит, он ошибся. А если ошибся — значит, он не талантлив. А не быть талантливым означало снова стать никем. Этого Ивор допустить не мог. Тем более перед этим самодовольным ученым, который даже не потрудился запомнить его имя.

Но дело было не только в самолюбии. В голове уже крутились другие мысли, более практичные. Через три дня — зал собраний. Двести, может, триста человек, которые заплатили ему деньги и ждут продолжения. Они ждут, что он расскажет им про удачу Корбина, про богиню Долу, про ритуалы, которые изменят их жизнь. И что он им скажет? Что прочитал одну книгу, а маг ему объяснил, что это ерунда? Что всё, во что они поверили вчера, рассыпалось в прах?

Нет. Ему нужна была эта книга. Не потому, что она объясняла дар Корбина — Феликс уже разрушил эту иллюзию.

А потому, что в ней были доланцы, ритуалы, обряды удачи. Пусть слабые, пусть локальные, пусть привязанные к месту — но это был материал. Из этого можно было что-то слепить, адаптировать, подать толпе как великое откровение. Ему нужно было забрать эту книгу, сделать её своей, чтобы она стала не просто бумагой, а его законным трофеем, доказательством его правоты.

Ивор сунул руку в карман и нащупал там второй библиотечный жетон. Он купил их вчера два, один уже потратил на вход, а этот, второй, пятиугольный, хранил про запас. Это был его последний жетон, его последняя нить, связывающая его с архивом, но сейчас он понял, на что его потратить.

Ивор резко развернулся к столу библиотекаря и с грохотом положил на потёртое дерево стальной пятиугольник.

— Я хочу купить этот том, — бросил он жестко, прижимая книгу к груди. — Забирайте жетон. Я имею право им распоряжаться.

Старик даже не посмотрел на металл, продолжая перебирать свои бумаги.

— Жетон дает право на чтение в зале, сударь. Книги фонда не продаются. Правила архива незыблемы. Верните книгу на место.

— Какие еще правила?! — огрызнулся Ивор, повышая голос. В присутствии Феликса он не мог отступить, не мог показать, что его права ограничены. — Этот жетон достался мне за труды, я получил его честно! Вы обязаны принять его.

Вы дали мне книгу, которая ничего не значит, а теперь хотите отнять у меня последнее, что у меня есть! Если вы не возьмете его, я пойду к вашему начальству. К самому главе архива. И расскажу, как ваши служащие саботируют работу, отказываются принимать гильдейские жетоны и хамят посетителям. А заодно упомяну, что вы вводите людей в заблуждение, подсовывая им бесполезные книги вместо настоящих знаний.

Библиотекарь медленно поднял глаза. В его взгляде не было ни страха, ни обиды — только бесконечная усталость. Он уже собирался открыть рот, чтобы выгнать наглеца, вопреки всем инструкциям, но в разговор вмешался Феликс.

Маг тяжело вздохнул и потер переносицу, словно разговор с Ивором отнял у него последние силы. Он подошел ближе и обратился к старику. Голос его звучал спокойно и уважительно, но вместе с тем давал понять, что он не намерен больше терять здесь время.

— Господин Арвид, — произнес Феликс. В его тоне слышалась сдержанная просьба, а не приказ. — Прошу меня простить за вмешательство. Я понимаю, что это против правил архива, и вы вправе возмущаться. Но этот человек не уйдет, пока не получит свое. Он продолжит спорить, угрожать и мешать вашей работе. Позвольте предложить следующее. Примите у него жетон в качестве компенсации за утрату ветхого тома, спишите книгу в расход и забудьте об этом недоразумении. Гильдия покроет любые издержки, связанные с

этим решением. Мне бы не хотелось, чтобы вы тратили свои нервы на пустые препирательства.

Библиотекарь поднял взгляд на Феликса и долго смотрел на него, словно взвешивая услышанное. В его глазах не было возмущения, только усталое понимание того, что спорить с магом, пусть даже вежливым, всё равно что спорить с ветром.

— Вы же понимаете, господин Феликс, — ответил он негромко, — что это создаст прецедент. Завтра сюда придут другие и потребуют того же.

— Понимаю, — кивнул Феликс, не отводя взгляда. — И заверяю вас, что лично прослежу, чтобы этот случай остался единичным. Я приму меры, чтобы подобное не повторилось. Гильдия не заинтересована в том, чтобы архив превращался в лавку букиниста, и я сделаю всё, чтобы это решение не повредило вашей репутации. Прошу вас, пойдите мне навстречу. Этот человек мне уже изрядно надоел, и я хочу, чтобы он как можно скорее покинул нашу базу.

Библиотекарь перевел взгляд на Ивора, который стоял, прижимая книгу к груди, с видом победителя. Во взгляде старика мелькнуло что-то похожее на брезгливость, смешанную с усталостью. Он медленно протянул руку, взял со стола пятиугольный жетон и повертел его в пальцах, разглядывая гравировку.

— Хорошо, — произнес он наконец, и голос его прозвучал сухо, как треск старой бумаги. — Я принимаю жетон в

качестве компенсации за утрату ветхого тома. Книга списана из фонда архива. Забирайте её и уходите.

Он бросил жетон в ящик стола и вернулся к своим бумагам, давая понять, что разговор окончен.

Ивор не моргая смотрел то на старика, то на Феликса. Он отдал свой последний жетон и, вероятно, навсегда закрыл себе путь обратно в этот зал, но сейчас ему было всё равно. Книга, которую он всё ещё прижимал к груди, казалась ему уже не просто бумагой и кожей, а чем-то большим — инструментом, который поможет ему выстоять. Из неё он извлечёт то, что нужно толпе. Он подаст доланские обряды и ритуалы так, как нужно, и никто не узнает, что толку от них чуть. Они будут верить ему, потому что он скажет им то, что они хотят услышать, и снова поверят в его талант.

— Я больше не нуждаюсь в магах, — произнес он, поворачиваясь к Феликсу. — Ни в вас, ни в вашей гильдии, ни в ваших жетонах. Прощайте.

Он шагнул к двери, но на пороге остановился и обернулся. Не от сомнений, а от желания оставить последнее слово.

— Через три дня, в зале собраний, — выпалил он на прощание. — Я знаю, вы оба сейчас смеётесь надо мной. Думаете, что я пустое место, что я ошибся и что мне нечего сказать людям. Но вы сильно ошибаетесь. И когда-нибудь, очень скоро, вы будете горько сожалеть о том, как вели себя сегодня. Оба.

Феликс не ответил. Он стоял посреди библиотеки, глядя

на спину Ивора, и что-то в его лице изменилось. Это была уже не насмешка и не любопытство, а что-то другое — более темное и странное.

Когда дверь за Ивором закрылась, Феликс медленно подошел к столу библиотекаря.

— Простите меня, господин Арвид, — произнес он негромко. — Я не должен был вмешиваться, но, кажется, иначе от него было не избавиться.

Библиотекарь пожал плечами, не поднимая глаз.

— Ничего страшного, господин Феликс. Рано или поздно подобное должно было случиться. Хорошо, что вы взяли ответственность на себя.

Феликс помолчал, глядя на пустое место, где только что стоял Ивор. В душе поднималось странное, липкое ощущение. Не страх — он был магом и не боялся торговца мухоморами, — а что-то похожее на него, чему он не мог подобрать имени. Вдруг он понял, что его тревожило. Дело было не в том, что Ивор забрал книгу. Книга была бесполезна, Ладвиг описывал руду, а не золото. Его тревожило другое, а именно уверенность, с которой Ивор говорил о своих планах. Он верил в то, что говорил. Не притворялся, не блефовал, а верил по-настоящему. И эта иррациональная, упрямая, почти безумная вера делала его опаснее любого мага, вооруженного заклинаниями. Человек, который свято верит в свой талант, способен на всё и не остановится ни перед чем.

И в этот миг перед глазами Феликса встало видение. Яр-

кое и нелепое, от которого он едва не отшатнулся. Он увидел базу магов Уэстэнда — приземистую пирамиду со срезанной вершиной, которую знал с первого дня службы. Базу укрепили не только сложнейшими заклинаниями и оберегами, но и толстым камнем, и стальными балками, вплетенными в кладку. Но в его видении эта пирамида лежала в руинах. Стены обрушились, стальные балки торчали из каменных обломков, как сломанные кости, а всё вокруг было окутано серым дымом. Маги, его коллеги, те, с кем он работал бок о бок годами, лежали на земле, и никто из них не шевелился. А поодаль, среди дыма и пыли, стоял Ивор со своей бессмысленной книгой и смотрел на развалины с той же самой усмешкой, с какой только что вышел за дверь. Феликс сразу понял, кто в ответе за произошедшее.

Маг резко потер глаза рукой, отгоняя нелепое видение. Оно рассыпалось, оставив после себя только холодное, тянущее чувство под ложечкой. Он тряхнул головой и заставил себя вернуться в реальность, в тихую библиотеку, где пахло пылью и старым пергаментом, и где за столом всё так же сидел Арвид, перебиравший свои бумаги.

— Странная штука, — произнес Феликс почти про себя. — Я хотел поскорее от него избавиться, позволил ему забрать этот том, чтобы он отстал, а теперь мне кажется, что мы напрасно его недооценили.

Библиотекарь поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Все так думают, когда впервые сталкиваются с такими, как он, — произнес Арвид сухо. — А потом понимают, что он просто умеет говорить, не более.

Феликс кивнул, но в душе у него что-то не успокоилось. Он смотрел на дверь, за которой исчез Ивор, и думал о том, что маг, который смеется над чужой верой, иногда ошибается сильнее, чем тот, над кем смеется. Он развернулся и вышел из библиотеки, не оглядываясь. Но ощущение, что он упустил что-то важное, не отпускало его еще долго, уже на улице, уже в дороге, уже дома, когда он сидел в своем кабинете и смотрел в пустую стену.

Ивор шел по городу, крепко сжимая книгу, и чувствовал, как в груди разрастается теплая, пьянящая уверенность. Он проиграл спор, да, Феликс был прав, и книга не объясняла дара Корбина. Но он выиграл войну. Потому что теперь у него был инструмент. Не магия, которой у него не было и не будет, но ритуалы, которые можно адаптировать, идея, которую можно подать, и толпа, которая ждала его слов. Ивор не собирался объяснять людям природу удачи Корбина. Он собирался подарить им сказку, в которую они так отчаянно хотели верить, и укрепить их веру в его собственный талант. А книга Ладвига была первым кирпичом в этой постройке, первым шагом на пути к тому будущему, которое он сам себе возведет.

Глава 33

Сайлас поймал себя на том, что снова смотрит в окно. Он стоял у высокого стекла кабинета, заложив руки за спину, и разглядывал улицу — ту самую, единственную, которую было видно из ратуши, с мостовой, парой повозок и лавкой жестянщика на углу. Ничего, что могло бы рассказать о настоящем состоянии дел.

Он отвернулся от окна и вернулся к столу. Так делал Эдгар — прошлый мэр любил подолгу стоять у этого самого окна, заложив руки за спину, и утверждал, что именно так он «чувствует город», хотя всё, что он чувствовал, — это сквозняк от плохо пригнанной рамы.

Сайлас был мэром уже семь лет, за это время он привык к этому креслу и столу в кабинете, а в доме Келлов, где он теперь жил, перенял привычки прошлого хозяина. Жест, который он невольно повторял, привычка барабанить пальцами по подлокотнику, даже то, как он складывал бумаги — стопкой влево, а не вправо. Каждый раз, заметив это, он испытывал раздражение, граничащее с тревогой.

По сути, он жил в его жизни — дом Келлов теперь был его домом, Амелия — его женой, а Сенра — девочкой, которую он воспитывал как собственную дочь, хотя её настоящий отец где-то скитался с бандой Келлена. Фамилию Келл он взял при браке — это был знатный род, к которому при-

надлежала Амелия, семья, владевшая делами в столице.

У Сайласа не было родственников, у Эдгара фамилия была неважная, и оба они выбрали присоединиться к семье через брак. Теперь, нося эту фамилию, Сайлас чувствовал, что она ассоциируется у него не с родом Амелии, а с Эдгаром — с человеком, на которого он так не хотел походить. Иногда ему казалось, что он не столько занял место Эдгара, сколько врос в его оболочку, и эта мысль его беспокоила.

Он сел за стол и придвинул к себе стопку отчётов. Для него настоящее понимание города было именно в этом — в цифрах, а не в виде из окна.

Уэстэнд находился на самом краю страны, в сотнях верст от столицы, за безопасными трактами и патрулями королевской гвардии. С одной стороны от города лежали бескрайние равнины, с другой — чёрная стена Шёпотного леса, который начинался сразу за крепостной стеной. Опасностей вокруг было столько, что Сайлас давно перестал их перечислять: твари из леса, лютые зимы, неурожаи, болезни, весенние наводнения. Город держался сам по себе, и любая из этих опасностей могла погубить его город.

Благополучие граждан, по мнению Сайласа, зависело от крепкой экономики. Когда в казне было золото, можно было нанять лучших охотников на тварей, закупить зерно на случай неурожая, достроить наконец крепостную стену, проложить дороги, запустить проекты, которые давали людям работу. Когда казна пустела, город становился беззащитным —

и перед лесными тварями, и перед голодом, который убивал быстрее и тише.

Экономика Уэстэнда держалась на одном фундаменте — артефактах. Искатели уходили в Шёпотный лес, рисковали жизнью, приносили добычу, но маги из столицы не принимали «грязное» сырьё, артефакты требовали первичной магической очистки. Этим занималась «Болден Рафинерия» — градообразующее предприятие, без которого город перестал бы существовать.

Сайлас провёл пальцем по строкам последнего квартального отчёта. На бумаге всё держалось, но он знал, что достаточно одного неурожая или одной суровой зимы, чтобы эти цифры перестали что-либо значить.

Эдгар тоже понимал важность экономики, и в этом Сайлас отдавал ему должное — предшественник не был глупцом. Но Эдгар совершил фатальную ошибку: он решил, что мэр может быть торговцем. Он лично лез в коммерческие дела, хватался за любое дело, вкладывал казённые деньги в сомнительные авантюры, принимал исключения за правила. Ресторан, раскопки, какие-то сделки с поставщиками — каждый проект проваливался один за другим, потому что Эдгар не видел разницы между управлением городом и управлением лавкой. Чем это закончилось, Сайлас знал слишком хорошо: долги, позор, ночное бегство вместе с бандитами.

Сайлас отложил отчёт в сторону и повторил про себя то, что повторял каждое утро последние семь лет: его работа —

не коммерция. Задача мэра — создавать условия, быть арбитром, следить, чтобы в Уэстэнде всё работало как должно, а не самому браться за каждое дело.

Он не был бизнесменом и не притворялся им. Его задачей было урегулировать конфликты между теми, кто занимался торговлей и ремёслами. А конфликтов в Уэстэнде хватало. Самый въевшийся из них он узнал ещё тогда, когда работал помощником у Эдгара. Противостояние между Рафинерией и остальными жителями было старше самого Сайласа и, вероятно, существовало с самого основания города.

***

Сайлас откинулся на спинку кресла и посмотрел на потолок. Вражда между Рафинерией и остальными торговцами изматывала его — он бился с ней уже много лет, и безрезультатно.

Предприятие занимало особое положение в городе. Оно получало артефакты от искателей, которые рисковали жизнью в Шёпотном лесу, проводило первичную магическую очистку и передавало сырьё магам из столицы. Без этой очистки маги не работали с артефактами, таковы были правила гильдии, и без Рафинерии Уэстэнд потерял бы смысл существования. Руководство это знало и не стеснялось напоминать.

Каждый раз, когда Сайлас встречался с владельцем предприятия или его управляющими, разговор строился примерно одинаково. Они вежливо, но твёрдо объясняли, что на них

держится весь город, и поэтому их интересы должны быть приоритетными. Они указывали фермерам, какой скот пасти на лугах, чтобы мясо было дешевле для их рабочих, требовали от трактирщиков и владельцев гостиниц снижать цены, чтобы искатели тратили больше денег на снаряжение, а не на выпивку, диктовали условия поставщикам, строителям, ремесленникам.

Остальные владельцы лавок, мастерских, трактиров считали, что предприятие пользуется своим положением и душит всех, кто не входит в его структуру. Они жаловались мэру, просили вмешательства, угрожали саботажем, но саботаж означал бы остановку поставок, а это в свою очередь означало бы остановку всей экономики. Поэтому они терпели, но копили недовольство.

Сайлас пытался помирить стороны. Он созывал встречи, выслушивал обе, предлагал компромиссы, но каждый раз разговор заканчивался одинаково: Рафинерия напоминала, что без неё города не было бы, остальные возмущались, что их превращают в прислугу, и все расходились ни с чем.

Проблема была в том, что Сайлас не был торговцем. Он понимал экономику в общих чертах, умел читать отчёты, знал, как считать налоги, но не знал, как уговорить две враждующие стороны пойти на уступки. У него не было ни опыта переговоров, ни хватки дельца, ни тех связей, которые позволяли бы надавить на одну сторону или другую. Он был мэром, арбитром, который должен следить, чтобы правила со-

блюдались, но когда сами правила были предметом спора, он оказывался бессилен.

Иногда, особенно по вечерам, когда усталость брала своё, он думал о том, как хорошо было бы, если бы всё дело в городе объединилось. Если бы владельцы лавок, мастерских, трактиров и Рафинерия заключали совместные контракты, делили территории, выручали друг друга в трудное время, видели в друг друге не конкурентов, а партнёров. Тогда было бы меньше распрей, больше стабильности, больше денег в казне, и у мэрии появилось бы больше возможностей строить дороги, чинить стены, запускать проекты.

Он искренне верил, что чем сильнее объединение, тем лучше для Уэстэнда, и не видел в этом ничего плохого. Наоборот, ему казалось, что именно разобщённость была главной причиной всех бед, и, если бы все работали вместе, город процветал бы. Но как заставить их работать вместе, он не знал.

Сайлас снова посмотрел на отчёты. Цифры показывали, что экономика держится, но едва-едва, и каждый квартал он боялся, что очередной виток вражды приведёт к остановке поставок, к закрытию мастерских, к оттоку искателей. И тогда город не выдержит.

Сайлас не знал, как решить конфликт, и иногда ловил себя на мысли, что Эдгар на его месте, возможно, нашёл бы выход. Предшественник был хитрее, у него были связи, он умел договариваться. Но Эдгар в итоге провалился и сбежал,

и Сайлас старался не думать о том, что тот мог бы сделать лучше.

***

Сайлас вернулся к отчётам, но мысли его продолжали крутиться вокруг той же вражды. Он уже собирался снова перечитать жалобу от владельцев мастерских, когда в кабинет постучали.

Вошёл Гаррет, его секретарь, невысокий мужчина лет сорока с аккуратно зачёсанными волосами и неизменной папкой в руках. Гаррет работал в ратуше ещё при Эдгаре, и Сайлас ценил его за то, что тот никогда не задавал лишних вопросов и всегда точно знал, что происходит в Уэстэнде.

— Мэр, к вам запись на встречу, — сказал Гаррет, открывая папку. — Некий Ивор Трейси, безработный. По вопросу аренды зала собраний.

Сайлас нахмурился. Имя он слышал совсем недавно, когда ему доложили о недавнем собрании, которое тот устроил в зале. Карты, метание ножей, какие-то игры на деньги. Люди потом жаловались, что маг Феликс не раскрыл им своих секретов, что они потратили время и деньги, а в итоге ничего не поняли. Сайлас тогда не стал поднимать шум, зал и так простаивал, а деньги от аренды пошли в казну. Но впечатление осталось неприятное.

— Пусть заходит, — сказал он, откладывая бумаги.

Гаррет кивнул и вышел, а через минуту в кабинет вошёл посетитель. Это был совсем молодой человек, лет двадцати,

одетый опрятно, но без роскоши. Лицо открытое, взгляд спокойный, даже слишком спокойный для столь юного посетителя, пришедшего просить мэра о встрече. Сайлас сразу отметил эту уверенность, и она ему не понравилась.

— Господин мэр, — Ивор коротко поклонился. — Спасибо, что нашли время принять меня.

— Я слушаю, — сухо ответил Сайлас. — Насколько я понял, вы хотите снова арендовать зал собраний.

— Да, — подтвердил гость. — И, если честно, в идеале я бы хотел его арендовать бессрочно. Я понимаю, что просьба может показаться смелой, и денег на выкуп у меня сейчас нет. Но если дело пойдёт, они будут. Я готов платить аренду регулярно и в полном объёме.

Сайлас посмотрел на Трейси, который говорил уверенно, но не нагло. Просьба была разумной, деньги в казне были бы кстати. Но Сайлас помнил первое собрание с картами, ножами и странными опытами с магией, после которых люди жаловались, что ничего не поняли. Он колебался — с одной стороны, плата не была лишней, с другой, эти опыты его настораживали. Что выбрать? Он вспомнил Эдгара, который на его месте, вероятно, не задумываясь сдал бы зал этому человеку, получил бы арендную плату и радовался, что казна пополнилась. Прошлый мэр хватался за любую возможность, за любые деньги. И Сайлас понял, что спокойствие города важнее.

— Мне жаль, но я не дам вам зал, — сказал он.

Ивор не моргнул. Он словно ожидал этого ответа.

— Могу я узнать причину?

— Послушайте, я должен объяснить свою позицию, — ответил Сайлас. — Зал собраний — это городское имущество, и оно должно использоваться по назначению. А то, что вы устроили в прошлый раз, не имело к этому никакого отношения. Карты, ножи, игры на деньги — это не собрания, а развлечение, и не самое лучшее развлечение, судя по жалобам, которые я получил.

— Я понимаю вашу обеспокоенность, — спокойно возразил Трейси. — Но помещение было полно. Все пришли, все заплатили, все ушли довольными. Почти довольными. В казну поступили деньги. Разве это не то, что нужно городу?

— Деньги — это не единственное, что нужно Уэстэнду, — ответил Сайлас. — Мне не нужно, чтобы зал собраний превратился в игорный дом. Я не буду поощрять то, что считаю легкомысленным.

Ивор немного помолчал. Сайлас ждал, что тот начнёт спорить, уговаривать, может быть, даже давить. Но посетитель вместо этого улыбнулся — лёгкой улыбкой, в которой не было ни обиды, ни вызова.

— Я понимаю вашу обеспокоенность, — спокойно возразил Трейси. — Но зал был полон. Все пришли, все заплатили, все ушли довольными. В казну поступили деньги. Разве это не то, что нужно городу?

— Деньги — это не единственное, что нужно Уэстэнду, —

ответил Сайлас. — Мне не нужно, чтобы зал собраний превратился в игорный дом. Я не буду поощрять то, что считаю легкомысленным.

Ивор немного помолчал. Сайлас ждал, что тот начнёт спорить, уговаривать, может быть, даже давить. Но посетитель вместо этого улыбнулся — лёгкой улыбкой, в которой не было ни обиды, ни вызова.

— Я знаю, это звучит странно, но я готов предложить больше, — сказал он. — Я понимаю, что первое собрание оставило неприятное впечатление. Но если вы дадите мне зал, я готов платить двойную аренду. Или даже тройную. Деньги пойдут в казну, и город только выиграет.

Сайлас посмотрел на него внимательно. Предложение было заманчивым — плата не была лишней, а зал всё равно простаивал. Но дело было не в деньгах.

— Дело не в сумме, — ответил он. — Дело в том, для чего используется зал. Я не могу позволить, чтобы городское имущество превратилось в место для развлечений сомнительного толка.

Ивор кивнул, словно и не ожидал другого ответа. Но он не двинулся к двери. Он стоял и смотрел на Сайласа тем же спокойным взглядом, и в этом взгляде было что-то, что говорило — разговор ещё не закончен.

Сайлас поднялся со стула и подошёл к двери, за которой должен был ждать Гаррет. Он уже собирался позвать секретаря и попросить проводить гостя, когда Ивор заговорил сно-

ва.

— Мэр, я понимаю вашу позицию, — сказал он, не двигаясь с места. — Вы считаете, что первое собрание было несерьёзным, и в чём-то вы правы. Но я пришёл не ради игр. Я знаю о проблемах Уэстэнда, и, если честно, готов взять на себя решение любой из них, если вы дадите мне зал.

Сайлас остановился. Он посмотрел на Трейси, потом на дверь, за которой, как он знал, стоял Гаррет с папкой в руках.

— Гаррет, — позвал он, не поворачивая головы. — Подожди снаружи кабинета.

Шаги секретаря удалились по коридору. Сайлас вернулся к столу, но не сел, а смотрел на посетителя с тем же недоверием, с каким смотрел с самого начала, но теперь к этому недоверию примешивался осторожный интерес.

— Какую именно проблему вы имеете в виду? — спросил он.

— Любую, — повторил гость. — Ту, которую вы сами не можете решить. Ту, которая мешает городу больше всего. Я не обещаю чудес, но я обещаю результат. Если не получится — вы больше никогда обо мне не услышите.

Сайлас медленно сел в кресло, сложил руки на столе и посмотрел на Ивора внимательно. Идея казалась нелепой — человек, который устроил в городском зале цирк с картами и ножами, предлагает решить проблемы, над которыми мэр бьётся годами. Но что-то в его тоне не позволяло Сайласу сразу отмахнуться.

— Самая большая проблема, — сказал он, — это трения между Болден Рафинерией и остальными торговцами. Они длятся столько, сколько стоит город, и, честно говоря, я не знаю, как к ним подступиться. Предприятие диктует условия всем — фермерам, трактирщикам, ремесленникам. Остальные терпят, потому что без Рафинерии Уэстэнд не выживет, но терпят со злостью. Каждую неделю я получаю жалобы и с той, и с другой стороны. Я пытался их помирить, но пока безрезультатно.

Ивор выслушал его, не перебивая. Когда Сайлас закончил, он немного помолчал, а потом кивнул.

— Вопрос проще, чем я думал, — сказал он. — Я полагал, проблема будет сложнее.

Сайлас нахмурился. Ему не понравилось, что человек, который минуту назад просил зал для каких-то игр, теперь говорит о фундаментальном городском противостоянии так, словно это мелочь, которую можно решить между делом. Но он сдержался.

— Сколько времени вам нужно? — спросил он.

— Три недели, — ответил Трейси. — Дайте мне зал на три недели. Я знаю, что срок короткий для такой старой вражды, но если к концу этого срока она не будет улажена, я уйду из Уэстэнда, и вы обо мне забудете.

Сайлас посмотрел на него долго. Три недели, в течение которых этот человек будет собирать в городском зале кого угодно и делать что угодно. Сайлас не знал, что именно Ивор

собирается делать, и это его беспокоило. Но с другой стороны, он уже много лет не мог решить эту проблему. Много лет он пытался усадить враждующие стороны за стол переговоров, и каждый раз они расходились ни с чем. Хуже, чем есть, не будет. А вдруг получится?

— Три недели, — сказал он. — Но послушайте меня внимательно: я буду следить за тем, что происходит в зале. Никаких игр, никакой пьяни, никаких жалоб от соседей. Если хоть одна жалоба — разрешение отзывается немедленно.

Ивор кивнул.

— Согласен.

Сайлас придвинул к себе чистый лист бумаги, взял перо и начал писать разрешение. Пока он писал, Трейси стоял и смотрел на него. Когда Сайлас закончил и отложил перо, Ивор сказал:

— Мэр, я хочу вас предупредить об одном. Когда я закончу, вы можете подумать, что люди в городе уж слишком сдружились. Что они стали ближе, чем следовало бы.

Сайлас поднял на него взгляд.

— Не понимаю, о чём вы.

— Поймете, — продолжил гость. — Просто имейте в виду. Если через три недели люди покажутся вам слишком объединёнными, слишком дружными — не удивляйтесь.

Сайлас положил перо на стол и посмотрел на Ивора спокойно. Эта идея была ему знакома, и он уже много раз думал об этом сам.

— Я не думаю, что такое возможно, — сказал он. — Слишком сильной дружбы не бывает. Город страдает от распрей. Когда люди враждуют, они не заключают контракты, не пользуются зданиями совместно, не выручают друг друга в трудное время. Меньше бизнеса — меньше денег в казне. Меньше денег в казне — меньше возможностей у мэрии что-то организовать, построить, починить. Чем сильнее объединение, тем лучше для всех. Не бывает слишком сильной дружбы, мистер Трейси. Бывает недостаточно сильная.

Ивор слушал его, не перебивая. Когда Сайлас закончил, он чуть заметно улыбнулся.

— Не забудьте этих слов, мэр, — сказал он. — И потом не жалуйтесь.

Сайлас пожал плечами. Он не понял, что в этом предупреждении было такого важного, чтобы повторять его дважды. Ивор забрал разрешение, коротко поклонился и вышел из кабинета.

Глава 34

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.